ИСТОРИЯ ГОРОДА

300 лет

ОТ УЧАСТНИКОВ И ОЧЕВИДЦЕВ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

АВТОБИОГРАФИЯ

СОСТАВИТЕЛИ
МАРИНА ФЕДОТОВА, КИРИЛЛ КОРОЛЕВ

ЭКСМО

Санкт-Петербург. Автобиография

«Эксмо»

Санкт-Петербург. Автобиография / «Эксмо»,

У этого города невероятная судьба. Он намного моложе всех других крупных городов планеты, однако всего за три столетия своей истории стал мировым центром, оказался в числе тех «узловых точек», которые формируют ландшафт человеческой цивилизации.Именно в этом городе неоднократно начиналась заново российская история, и само его основание – прорубание «окна в Европу» – ознаменовало разрыв с прошлым и возникновение иной России.Этот город обращен в будущее, в нем нет места ностальгии, он на протяжении своей истории неизменно творит новые знаки и новые смыслы.Этот город – Санкт-Петербург.

© Эксмо

Содержание

Предисловие 7
Необходимое пояснение 8
ПРЕДЫСТОРИЯ 9
Ижорская земля и Старая Ладога 10
Варяги и славяне, IX–XII века 12
Христианство на Северо-Западе: Андрей Первозванный и монастырь на острове Валаам 14
Славяне и чудь, XII–XIII века 18
Александр Невский, 1240 год 20
Падение Ландскруны, 1301 год 22
Описание Ижорской земли 25
Северная война: взятие Нотебурга, 1702 год 28
Северная война: взятие Ниеншанца, 1703 год 31
«ПРЕСЛАВНЫЙ ГРАД, ЧТО ПЕТР НАШ ОСНОВАЛ» 36
Основание Санкт-Петербурга, 1703 год 37
Основание Кронштадта, 1703 год 41
Домик Петра Великого, 1703 год 43
Летний сад, 1704 год 45
Адмиралтейство и адмиралтейские верфи, 1706 год 48
Александро-Невская лавра и перенесение мощей святого Александра Невского, 1710 год 49
Город строится, 1710–1720-е годы 53
Царского величества указ о строении домов 53
Способ строительства 54
Зимний дворец, 1711 год 56
Старый Зимний двор 56
Новый Зимний двор 56
Гостиный двор, 1713 год 58
Кунсткамера, 1714 год 60
Янтарная комната, 1716 год 63
Загородные дворцы, 1717 год 64
Увеселения Санкт-Петербурга: фейерверки, 1720-е годы 67
Иллюминация 67
Фейерверк 67
Увеселения Санкт-Петербурга: ассамблеи, 1720-е годы 69
Петр I – император, 1721 год 72
Повседневная жизнь города, 1720-е годы 76
Петербург в царствование Анны Иоанновны, 1730-е годы 77
Вода и пламень: пожары и наводнения в Петербурге, 1710–1740 годы 81
Пожар в Петербурге 82
Средства для тушения пожара 82
Огонь возник из-за персов 82
Причины наводнений 83
Увеселения: Ледяной дом, 1740 год 85
Учреждение театра, 1756 год 88

Петербург, 1750-е годы 91
Похвала Санкт-Петербургу, 1752 год 93
«В гранит оделася Нева», 1762 год 94
Зимний дворец, 1762 год 96
Смольный собор и пансион, 1764 год 97
Петербург при Екатерине II, 1765 год 102
Карусель в Петербурге, 1766 год 104
Английский клуб, 1770 год 106
Гром-камень, 1770 год 110
Наводнение, 1777 год 116
Екатерина II, Петр I и «Медный всадник», 1782 год 119
Павловск: подарок императрицы, 1777 год 123
Большой театр, 1783 год 124
Санкт-Петербург в конце XVIII столетия, 1790-е годы 127
Гатчина: имение цесаревича Павла, 1796 год 130
Петропавловская крепость и перенос праха Петра III, 1796 год 135
Михайловский замок, 1797 год 139
Невский проспект, 1799 год 145
Смерть Суворова и памятник великому полководцу, 1800–1801 годы 146
Петербург, 1800 год 149
Конец ознакомительного фрагмента. 151

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
Автобиография
Составители
Марина Федотова, Кирилл Королев

О. К.,
По причинам и без

Предисловие

...Здесь мосты, словно кони —
По ночам на дыбы!

Здесь всегда по квадрату
На рассвете полки —
От Синода к Сенату,
Как четыре строки!

Здесь, над винною стойкой,
Над пожаром зари
Наколдовано столько,
Набормотано столько,
Что пойди – повтори!
А. Галич. Петербургский романс

У этого города невероятная судьба.

Он намного моложе всех других крупных городов планеты, однако всего за три столетия своей истории стал мировым центром, оказался в числе тех «узловых точек», которые формируют ландшафт человеческой цивилизации.

По многочисленности исторических и культурных достопримечательностей этот город не уступит ни Лондону, ни Парижу, ни Мадриду.

Именно в этом городе неоднократно начиналась заново российская история, и само его основание – прорубание «окна в Европу» – ознаменовало разрыв с прошлым и возникновение иной России.

Этот город создал целый пласт российской культуры, лучшие образцы которого стали достоянием культуры мировой.

Этот город обращен в будущее, в нем нет места ностальгии, он на протяжении своей истории неизменно творит новые знаки и новые смыслы.

Этот город трижды менял название – и всегда оставался собой.

Этот город – Санкт-Петербург.

И он говорит о себе.

Кирилл Королев

Необходимое пояснение

Составители этой книги ни в коей мере не ставили перед собой задачу объять необъятное и вместить в эти страницы каждый день жизни Санкт-Петербурга на протяжении трех столетий. Мы выбрали те события и явления, которые считаем важными, значимыми для города; это наш субъективный взгляд, не претендующий на академическую полноту. И мы искренне надеемся, что наш взгляд и наш выбор окажется близок многим.

ПРЕДЫСТОРИЯ

…Петром основанный, преславный ныне град,
Где прежде царствовал единый только хлад,
Где пахатель, сперва трудясь, нуждался в пище
И отдалял свое от оных мест жилище,
Сей град красуется во области Твоей,
Подобен Риму стал среди счастливых дней;
Отверз убежище, приятное народу,
И животворную явил наукам воду.
И. Богданович. 1773 (?)

Год основания Санкт-Петербурга – 1703, и автобиография города, казалось бы, должна начинаться именно с этой даты. Однако город возник отнюдь не на пустом месте, которое на протяжении многих столетий дожидалось появления землемеров и мастеровых с топорами и лопатами. Местность, где был построен Санкт-Петербург, имеет долгую и богатую историю.

Эта местность тесно связана с истоками русской государственности, с «исконными» русами, с варягами, без которых, если следовать «норманнской теории», и вовсе не сложилось бы такого образования, как Древняя Русь. В этой местности появилась первая русская столица. В этой местности принимались первые законы, отсюда направился в свой знаменитый поход на Константинополь князь Олег по прозвищу Вещий. Здесь русичи впервые стали торговать с Западной Европой, а позднее несколько веков подряд воевали со шведами, желавшими закрепиться по всему побережью Финского залива.

Первое «окно в Европу» Россия прорубила задолго до Петра Великого – в 1492 году, когда был основан Ивангород на реке Нарве, а вскоре в устье Невы возник «пра-Петербург» – торговый порт Канцы.

Иными словами, без краткой предыстории автобиография Санкт-Петербурга будет неполной...

Ижорская земля и Старая Ладога «Повесть временных лет», Бенуа Сен-Мор

Побережье Балтийского моря в дельте Невы и обширные территории вдоль русла реки вплоть до Ладожского озера на протяжении многих столетий считались, по выражению современного историка, «бесплодными до никчемности» из-за многочисленных болот. Тем не менее за эти малонаселенные земли, где обитали разрозненные финно-угорские племена, велась ожесточенная борьба: ведь тот, кто владел этими территориями, получал выход и к морю, и к Ладожскому озеру, и далее – к Новгороду через Волхов, и к Онеге через Свирь. Вдобавок через Ладогу пролегал торговый путь «из варяг в греки».

Тут был путь из варяг в греки и из греков по Днепру, а в верховьях Днепра – волок до Ловоти, а по Ловоти можно войти в Ильмень, озеро великое; из этого же озера вытекает Волхов и впадает в озеро великое Нево, и устье того озера впадает в море Варяжское. И по тому морю можно плыть до Рима.

Само название «Ижорская земля» возникло в XIII столетии – по названию реки Ижоры, притока Невы. Ранее же эти территории летописи именовали «землей корелы, чуди и еми».

Прежде славян, которые появились в Ижорской земле в VI–VII веках, здесь поселились племена финно-угров, а также сарматы, занявшие Карельский перешеек, в ту пору – остров (река Вуокса одним из устьев впадала в Финский залив). Именно последние вошли в арабские и западноевропейские хроники под именем русов, а место их обитания называлось «островом руси». О жителях этого острова писал французский поэт, автор «Романа о Трое» Бенуа Сен-Мор.

Меж той рекой (Дунаем. – *Ред.*) и Океаном,
И местом, где живут аланы,
Есть край, который заселен
Ордой языческих племен.
Есть остров, что зовут Канси
(Считаю, то – земля руси),
И остров тот со всех сторон
Соленым морем окружен.
И вот как пчел огромный рой
Летит со всех сторон порой,
Так мчит с его просторов рать,
Которой мне не сосчитать,
И, гневом войн ослеплены,
Бойцы кровавой той страны
Плечом к плечу вступают в бой,
Мечи вращая пред собой.
Их непокорней нет и злей,
Они свергают королей
И оставляют страшный след
Боев, разбоя и побед.

Некоторые современные исследователи на основании археологических и лингвистических данных делают вывод о существовании на Карельском перешейке племенного союза во главе

с сарматами-русами. В начале VIII столетия на перешеек пришли шведы, а приблизительно в конце 740-х годов (или около 753 года, по другим источникам) неподалеку от побережья Ладожского озера, на реке Волхов, был основан город Альдейга – знаменитая Старая Ладога.

Варяги и славяне, IX–XII века «Повесть временных лет», Иоакимовская летопись, Андрей Муравьев

«Повесть временных лет» называет варягами и обитателей Ижорской земли («варяги-русь»), и позднейших скандинавских наемников. Здесь ни к чему сколько-нибудь подробно останавливаться на «варяжском вопросе», спорах о том, что́ на самом деле представляло собой легендарное «призвание варягов» – братьев Рюрика, Трувора и Синеуса. Скажем лишь, что Рюрик пришел именно в Старую Ладогу, где и княжил.

Отношения со славянами, которые обосновались в Ижорской земле в VI–VII веках, у варягов складывались непросто: соседи часто враждовали друг с другом. Иоакимовская летопись, как ее изложил В. Н. Татищев, повествует о князе Буривое, который правил на Волхове прежде Рюрика.

Буривой, имея тяжкую войну с варягами, много раз побеждал их, и завоевал всю Бармию (восток Ботнического залива. – *Ред.*) <...>

Напоследок же был на этой реке побежден и, погубив всех своих воинов, сам едва спасся, пошел в город Бярмы, крепко отстроенный на острове, где находились подвластные ему князья, и там пребывая, умер.

Варяги же пришельцы захватили Великий град (Старую Ладогу. – *Ред.*) и прочие, и дань тяжкую возложили на словен, русь и чудь.

Сын Буривоя Гостомысл разбил и изгнал варягов.

Люди же, терпя тяготу великую от варягов, послали к Буривою, прося у него, чтобы сын его Гостомысл княжил в Великом граде.

И когда Гостомысл принял власть, то тех варягов иных перебил, иных изгнал и дань варягам отменил, и, пойдя на них, победил... и учинил с варягами мир – и настала тишина по всей стране.

«*Повесть временных лет» также свидетельствует*:

Изгнали варягов за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть.

Впрочем, это «владение собой» оказалось недолговечным. «Повесть временных лет» продолжает:

И не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать сами с собою.

И сказали они себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву».

И пошли за море, к варягам, к руси. Те варяги назывались русью подобно тому, как другие называются свеи, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы, – вот так и эти прозывались.

Сказали русь, чудь, словене, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами».

И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли к словенам, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, – на Белоозере, а третий, Трувор, – в Изборске.

И от тех варяг прозвалась Русская земля. Новгородцы же – те люди от варяжского рода, а прежде были словене.

Согласно легендарной Иоакимовской летописи, Рюрика пригласил сам князь Гостомысл, которому Рюрик приходился внуком по дочери Умиле:

Однажды спал он пополудни и увидел сон, как из чрева средней дочери его Умилы выросло плодовитое дерево, покрыв весь Великий город, его же плодами насытились люди всей земли. Вещуны так истолковали ему этот сон: «От сынов ее иметь тебе наследника своего, и земля усладится княжением его». И все тому порадовались, ибо не стал наследовать сын его старшей дочери, который был нехорош... Гостомысл же, чувствуя конец своей жизни, созвал старейшин земли от словен, руси, чуди, веси, мери, кривичей и дреговичей, поведал им о своем сновидении и послал избранных людей в варяги просить князя. И пришел по смерти Гостомысла Рюрик с двумя братьями и своими родами.

Позднее Рюрик перенес свой стол из Старой Ладоги ближе к озеру Ильмень, в так называемое Рюриково городище – будущий Новгород.

Столетие спустя Ижорская земля оказалась окраинным владением набиравшего силу Новгородского княжества.

Христианство на Северо-Западе: Андрей Первозванный и монастырь на острове Валаам «Повесть временных лет», Сказание краткое о создании пречестной обители Боголепного Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа на Валааме

Во второй половине X столетия на Руси утверждалось христианство. Впрочем, согласно «Повести временных лет», вера в Христа пришла на берега Невы и Ладоги десятью столетиями ранее, а принес ее в Ижорскую землю апостол Андрей Первозванный.

И пришел к славянам, где нынче стоит Новгород, и увидел живущих там людей – каков их обычай и как моются и хлещутся, и удивился им.

Считается, что апостол не только посетил Новгород, но и побывал на острове Валаам, а также в нынешней Карелии. По сведениям Степенной книги, апостол Андрей водрузил свой посох на Волхове, провозвестив тем великое будущее этих земель.

В «Сказании о Валаамском монастыре» о путешествии апостола рассказывается следующее:

Говорится же в рассказах старцев, что в древние времена посланы были Иисусом Христом Богом нашим на проповедь ко всем народам святые священные апостолы. Один же из этих двенадцати – Андрей, брат Петров, – среди нашего русского народа был и в преименитом Великом Новгороде слово Божие проповедовал. И проплывая Невским огромнейшим озером, обратив взор к северу на Карельские земли, сказал так: «Как новые хананеи, безбожные народы волхвов живут там, но в будущем два светила просветятся среди них». Эти слова, как говорят, прорек апостол Христов о пречестных и великих обителях Валааме и Коневце. Поскольку оба эти монастыря на том великом Невском озере на островах построены в земле Карельской и просияли добродетелями постничества, как сейчас всем известно, – по пророчеству святого Христова апостола Андрея.

Если верить церковному преданию (*существует и другая точка зрения, относящая создание обители к рубежу XIV–XV веков*), *середина X века – начало монашеской жизни на Валааме. То же «Сказание о Валаамском монастыре» повествует:*

Огромнейшее это Невское озеро в длину имеет размер 300 верст. Поперек же то озеро – от величайшей реки Свири до града Орехова, откуда течет великая река Нева в Белое море (его же называют также Свизским морем – по имени лежащей вокруг него земли Свии), – да как я уже говорил, в ширину же то озеро между вышеназванных рек – 100 верст. Северная же глубочайшая часть того озера по удивительной великой Божьей мудрости Создателя ограждена каменными высочайшими горами, как стенами, чтобы чинным шествием сбегали вниз воды – все их установленное множество. Южные же мелкие берега того озера ограждены песком. Наполняется же столь великое озеро 140 реками и тысячью ручьями. Онежское же великое озеро, которое в длину 300 верст имеет, в это великое Невское озеро через великую реку Свирь впадает. Так же и ильменские воды Волховом в то озеро втекают. С севера же в то озеро входят рекою Узярвою (Вуоксой. – *Ред*.) воды Немецких стран. По своей же величине и глубине это

озеро подобно морю; вода же в нем сладкая и здоровая; и живет в нем неисчислимое множество рыбы, а также и зверей.

У северного же края того озера в земле Карельской – большой остров, называемый Валаам, о нем же нам сейчас и рассказ предстоит. Этот остров расстояние имеет от северных берегов – 30 верст, а от востока и от запада – по 40 верст. Великий же этот остров Валаам сотворен Творцом необыкновенно прекрасным и высоким: сам из камня, многолесен и многоводен; заводи и заливы имеет бесчисленные; окружность же его расстоянием 30 верст. Вокруг же него 70 малых островков, как будто цыплята сидят вокруг наседки – так сотворены эти малые островки около большого острова, весьма прекрасные и чудесные, состоящие из одного камня; одни из них лесистые, а другие голые; одни очень малы, а другие большие. Между собой они настолько часты, что на одну версту их приходится 20 и больше; удивительно лежащие – как хлеба.

Искони же на том острове жила бесослужительная корела, и она первая назвала тот остров «Валаам». Кто же не удивится великой Божьей премудрости – откуда было дано тем диким людям название из древнего персидского языка: ведь назвали они остров тот Валаам, хотя в их языке вовсе нет такого слова. Но тот, кто всему Творец и Владыка, знающий все прежде бытия, – их языческими устами изволение своей славы за много лет заранее проявил. Поскольку хотел Он в том месте святилище своему великому пресветлому имени создать ради всех хотящих спастись, то такое название их языку дал, чтобы называли то место Валаам в честь древнего мага и прорицателя Валаама: как его речь невольно обратилась на благословление древнему Израилю, чтобы так и здесь было, когда жила на том острове упоминавшаяся выше одержимая бесами корела, занимающаяся языческим волхвованием.

Безмерно же и бесконечно неисчислимое милосердное человеколюбие Бога, который всегда хочет, чтобы все люди спаслись и обрели разум истинный. И совершая по пророчеству своего апостола, устремил на подвиг неких святоученых священных иноков из Великого Новгорода. Один же из них – по имени Ефрем, который после построил монастырь на Перековском острове на великом озере Ильмень, и собрал во Святом Духе христоподобное братство, и своим величайшим трудом зримую награду на пользу нам приобрел. Его же священное и трудолюбивое тело возлюбленный им Христос нетленным сохранил – всеми оно видимо до сих пор. И светлая его память с похвалою совершается и не кончается из рода в род. И вот этот чудный святой отец Ефрем на подвиг устремляется, а с ним и другой славный священный инок премудрый Сергий с прочими своими спутниками, и к вышеупомянутому великому и чудесному Валаамскому острову приходят. И находят некий остров с восточной стороны от большого того острова – прекрасный и очень высокий, как будто стог сотворен, равной ширины от низу и до верха, высотою более 50 сажен, из единого камня состоящий и только один подъем имеющий наверх. Верх же того острова гладкий и неизреченной красотою сияющий. Место же это круглое, величиной как будто бы сажен 50, искусно и предивно сотворено Создателем всего, и пещера здесь каменная весьма чудная.

Так преподобный Ефрем со спутниками приходят к тому малому и высокому острову и здесь полагают начало: водружают царское знамение – Животворящий Крест и поставляют церковь во имя преславного Боголепного святого Преображения Господа Бога Спаса нашего Иисуса Христа; и с помощью всемогущего Бога братия умножаться числом начинает. Для своих же нужд и на других островах свои огороды садили.

Живущая же на большом острове чудь сильно ярилась на тех святых старцев, насылая колдовство единодушно с бесами и творя многие пакости. Вышеименованный же зачинатель старец Ефрем с места того уходит, чтобы по Божьей воле на Ильмене Перековскую обитель создать; и многие годы там прожив, к Господу отошел. Вышеназванный же Сергий, видя помощь Божию в изобиловании благ умножившегося вокруг него во Христе братства, которое уже не умещалось на тесном месте, – по этой причине преподобный Сергий к большому делу

приступает, заботясь об устройстве монастырском и имея большое попечение о просвещении той живущей во тьме заблудшей чуди: к архиепископу Великого Новгорода приходит и возвещает о той почитающей бесов чуди карельской; и о многотрудном начале создания монастыря Ефремом по порядку повествует, чтобы знали о нем. Архиепископ же, услышав это, был очень рад, так как понял, что вспомнил Бог свое заблудшее создание и хочет погибших спасти, раз подвигнул на такую великую службу своих избранных рабов. Посылает он скоро к посадникам, и к тысяцким, и к правителям города, чтобы они дело это по Господней воле устроили... Правители же города, прилежно повинуясь словам архиепископа – Бог им помощь оказывал, – быстро отрядили посланцев с письменными указами. Также и архиепископ свой письменный указ с гонцом послал, чтобы был тот остров Валаам отдан преподобному Сергию, а живущие там люди изгнаны. Архиепископ же много золота и всего необходимого дал преподобному Сергию на устроение монастыря; также и правители города и христолюбивые именитые люди многочисленные приношения преподобному дали. И таким образом архиепископ отпустил преподобного Сергия с вышеназванными посланниками. Святой же, направляемый вседетельным Богом, спокойно и быстро глубины того великого озера переплыл и к великому острову Валааму пришел. Посланники же приказанное им архиепископом и посадниками вершили: живущих здесь людей с острова того высылать начали. Тогда они, бесом вооруженные, ополчились и устроили войну против посланных. И многие из тех язычников-волхвов были низвержены – рукою всесильного Христа Бога их одолели и многих избили, итак посланные вскоре их с острова изгнали. Тогда же и некоторые из благоговейных иноков от смертельных ран скончались.

Итак, после той преславной победы преподобный Сергий место для монастыря по воле Божьей избрал – весьма красивое и высокое, на горе каменной, отовсюду видимое, подобно городу, и имеющее под собой отличную большую тихую пристань, в которой многотысячное число кораблей могло бы укрыться от ярости свирепых волн. И воздвигает по благословению святейшего архиепископа церковь во имя боголепного Преображения Господа Бога Спаса нашего Иисуса Христа, и собирает духовное во Христе братство. Итак, с помощью Христовой, братия стала многочисленной и обладала неоскудевающим обильным множеством всего потребного. Также, расчистив место от стоящего леса, большую и весьма красивую и высокую церковь (о которой раньше говорилось) ставит и строит приделы во имя великого Богослова и Евангелиста Иоанна и предивного Чудотворца Николы. Потом и другую церковь воздвигает во имя Рождества во плоти Господа Бога Спаса нашего Иисуса Христа с трапезою, весьма чудную и преславную; и монастырь крестообразно четырьмя стенами оградил – с востока и юга, с запада и севера. Большие же ворота в южной стене сделал – там, где им и подобает быть. Проход же к монастырю тому от северной стороны к югу – справа от монастыря. А та большая искусная и высокая церковь поставлена посреди монастыря на равном расстоянии со всех сторон, возвышаясь, как древняя куща между полками Израилевыми, отовсюду видимая, испускающая, как солнце, лучи красоты.

И изложил (Сергий. – *Ред.*) закон монастырский в соответствии со священными догматами о том, чтобы лишь самое необходимое на потребу человеческого естества иметь в монастырских хранилищах и о нем лишь заботиться, а излишеств не искать, подобно лихоимцам. Еду есть самую простую – какую подаст Бог, а сложные хитроумные блюда, с ухищрениями приготовленные, – такие вовсе запретил, даже когда сделает Господь то место зажиточным. И повелел никогда не пить медовых и разных пьянящих напитков, а только самый простой квас – и для своих, и для приходящих. В праздники никогда же не просить дополнительных блюд или лучшего кваса, но предаваться духовному веселью, во Святом Духе, когда совершенно отсечено плотское веселье и чревоугодие. Одежда же иноческая не должна ни большой цены стоить, ни на вид быть красивой; но в иноческом образе служащая только для того, чтобы прикрыться; также и простейшая шуба и сермяга, как у слуг; а иметь что-то другое – только на

будущее страдание послужит; лишних же и очень дорогих одежд вовсе не иметь... Работа же для всех общая, также и равенство в трапезе, и одежда всем равная – от последних до первых по званию. Единая еда (рыбная и другая), единый квас и единая одежда – начиная от игумена и кончая последним послушником или пастухом – всем дается благое равенство во Христе. Повелено также непокорных нарушителей порядка никоим образом не мучить; а подав такому хлеба для его целомудрия, высылать из монастыря, чтобы другие ему не подражали, ибо сказано, что «малая закваска квасит все тесто». Это его священное законоположение и до сих пор в целости соблюдается, хотя по их молитвам и приумножил Господь своими благами то место. Совершенно запретил просить у постригаемых больших вкладов, но повелел даром постригать любого, кто с верою желает приобрести ангельскую святую жизнь, – хоть бы и из простых людей был. И по их молитвам более 100 братьев обретается ныне в их святой обители, такой святою жизнью живущих. <...>

В вышеназванном же Валаамском монастыре после преподобного игумена Сергия игуменом стал приснопамятный Герман, который, имея священнический чин, во всех первых трудах был вместе с преподобным Сергием. Тот великий Герман прилежно пас порученное ему Христово стадо духовных овец и жил непорочной жизнью, насколько позволяет телесное несовершенство. И отошел от жизни сей к Богу в многолетних сединах, при своей пастве в созданном ими монастыре; тут же и погребен был.

Святые Сергий и Герман прославились как чудотворцы. Сказание прибавляет:

По прошествии же многих лет (от создания монастыря примерно через 100 с небольшим) человеколюбивый Бог попустил свое наказание за умножение грехов, чтобы люди, вспомнив о своих беззакониях, очистились. Поэтому за грехи наши был в том монастыре пожар, в котором сгорели обе церкви, и имущество, и весь монастырь. Гроб же блаженного Германа находился под церковью и был сохранен Христом в целости от страшной ярости огня. Святое же его священное тело сохранилось нетленным: так как каменистое место было трудно копать, то он был положен поверх земли. После этого его святое нетленное тело было положено в большой церкви у всех на виду, на поклонение верным. Более 40 лет находился здесь в церкви преподобный Герман, покуда не принесли мощи святого Сергия из Великого Новгорода, и тогда обоих вместе положили за алтарем большой церкви около святого жертвенника, где и до сих пор всеми видима их святая чудотворная рака.

Многие же замечательные чудеса показал Бог через своих угодников Сергия и Германа. Хотя тела их были положены на большом расстоянии друг от друга, но после соединились вместе в одной Христовой обители. Еще прежде вышеназванного пожара являлись они некоторым достойным инокам и, показывая любовное попечение о своем монастыре, обращали других к покаянию и побуждали к молитве, чтобы все смогли молиться Царю и Владыке о миновании его праведного гнева, – так они много раз показывали свое неотступное попечение о том месте. Многочисленные же их чудотворения невозможно описать словами, ибо велико число тех случаев, когда они быстро оказывали помощь просящим; вся северная страна дивится их чудесам и ярко ими озаряется.

Славяне и чудь, XII–XIII века
«Повесть временных лет», Новгородская летопись

Последнее упоминание о варягах в «Повести временных лет» датировано 1069 годом: «Всеслав бежал к варягам» (имеется в виду полоцкий князь Всеслав, который набегом захватил Новгород). Вытеснившие варягов славянские племена создали княжество с центром в Великом Новгороде. Набрав силу, Новгородское княжество стало утверждаться на побережьях Финского залива и Ладожского озера. Для защиты северных границ в 1114 году была построена крепость Ладога.

В тот же год заложена была Ладога из камня на насыпи Павлом посадником, при князе Мстиславе.

Когда я пришел в Ладогу, поведали мне ладожане, что «здесь, когда бывает туча великая, находят наши дети глазки стеклянные (бусы. – *Ред.*), и маленькие, и крупные, проверченные, а другие подле Волхова собирают, которые выплескивает вода». Этих я взял более ста, все различные. <...>

Этому у меня есть свидетель, посадник Павел ладожский, и все ладожане.

Угрозу новгородским владениям в Ижорской земле представляли местные племена («корела, ижора, чудь, емь») и набеги скандинавов, не желавших смириться с утратой столь выгодного опорного пункта. Новгородская летопись изобилует упоминаниями о стычках новгородцев с противниками.

1142 г. Приходила емь и воевала область Новгородскую; ладожане перебили их 400 мужей, не упустив ни единого.

В то же лето приходил свенский князь с епископом в 60 шнеках, напав на купцов, плывших из заморья в трех лодьях, но не преуспел в том, купцы же, выйдя из трех лодий, перебили их полтораста человек. <...>

1149 г. В ту зиму приходила емь на Водь с ратью в тысячу, и, услышав о том, 500 новгородцев пошли на них с воеводой и не упустили ни мужа. <...>

1164 г. Пришли свеи под Ладогу, и пожгли ладожане хоромы свои, а сами затворились в городе с посадником своим Нежатою, послав за князем и новгородцами.

Враги же приступили под город в день субботний, но неуспешно, получив большой урон; и отступили к реке Вороной.

В 5-й же день после того, в четверг, в 5 часов дня, пришел князь с новгородцами и с посадником Захарьей; и победили с Божьей помощью, одних посекли, а других взяли в плен: пришли они в 55 шнеках, и захватили 43 шнека, спаслось их мало, и те израненные.

Столкновения продолжались более столетия; как правило, местные племена и шведы организовывали набеги, а новгородцы оборонялись и предпринимали карательные походы. Так случилось и в 1228 году. Новгородская летопись свидетельствует:

Пришла емь воевать в Ладожское озеро в лодках; и пришла весть в Новгород на Спасов день.

Новгородцы же, севши в насады, выехали в Ладогу с князем Ярославом. Владислав же, посадник ладожский, с ладожанами, не дождавшись новгородцев, погнался в лодьях за ними вслед, где они воевали, и настиг их и бился с ними.

Настала ночь – и отступил к островцу, а емь осталась на берегу с полоном, взятым около озера в исадах (местах высадки. – *Ред*.) и в Олони. В ту же ночь просили мира, и не дал им его посадник с ладожанами, и тогда они посекли весь полон, а сами побежали в лес, спрятав свои лодки, и много их тут пало, а лодки их сожгли.

Новгородцы же, выйдя в Неву, сотворили вече и хотели убить посадника Судимира, и укрыл его князь в насаде у себя. И оттуда вернулись в Новгород, не дождавшись ладожан.

А оставшиеся тут ижеряне, повстречав бегущих, перебили их во множестве, а остаток разбежался, куда глаза глядели. А на тех напала корела, находя их в лесах ли, на Неве ли, в полях ли, и выловив их, перебила.

Всего же пришло их 2000 или больше, Бог весть, и все стали мертвы, хотя и бежало немного их в свою землю, но все тут пали.

Самый знаменитый из набегов «свеев и еми» на новгородские земли состоялся в 1240 году, при князе Александре Ярославиче.

Александр Невский, 1240 год
Новгородская летопись, Повесть о жизни и о храбрости благоверного и великого князя Александра

Летом 1240 года шведский отряд под командованием ярла Биргера поднялся по Неве до устья Ижоры и стал разбивать лагерь, на который и напал Александр. В скоротечном сражении победа осталась за русичами, шведы бежали, а князь за эту победу получил прозвище Невский. Новгородская летопись так рассказывает об этой схватке:

В лето 1240. Придоша свеи в силе великой, и мурмане, и сумь, и емь в кораблях много зело; свеи с князем и с пискупами (епископами. – *Ред*.) своими; и встали в Неве близ устья Ижоры, желая взять Ладогу, реку и Новгород и всю область Новгородскую. Но еще преблагий, премилостивый человеколюбец Бог соблюл нас и защитил от иноплеменников, яко всуе трудятся без Божия повеления: пришла весть в Новгород, что свеи идут к Ладоге. Князь же Олександр не умедлил ни мало и с новгородцами и с ладожанами пошел на них и победил силою святой Софии и молитвами владычицы нашей Богородицы и приснодевицы Марии, в месяц июль в день 15, на память святого Кюрика и Улиты, в неделю на Собор святых отцов, иже в Халкидоне; и была великая сеча своям. И убиен был воевода их, именем Спиридон; а иные говорят, что и пискуп тоже убиен был; и множество их пало; и корабля два оных сожгли; а скарб их, ископав яму, сбросили туда без числа; и многие ранами мучились; и в ту ночь, не дождавшись рассвета, посрамленными отошли.

Новгородцев же пало: Костянтин Луготинич, Гюрята Пинещинич, Намест, Дрочило Нездылов сын кожевника, а всего 20 мужей с ладожанами. Князь же Олександр с новгородцами и с ладожанами вернулся в здравии, храним Богом и святою Софиею и молитвами всех святых.

Житие Александра Невского называет предводителем шведов «короля Римского из северной земли», подробно рассказывает о дозорном Пелгусии и перечисляет тех новгородцев, которые особенно отличились в битве:

И был некий муж, старейшина земли Ижорской, по имени Пелгусий. Поручен же был ему морской дозор. Восприял же святое крещение и жил среди рода своего, который оставался в язычестве. Наречено же было имя ему в святом крещении Филипп. И жил он богоугодно, соблюдая пост в среду и пятницу. Поэтому и удостоил его Бог увидеть необыкновенное видение в тот день. Расскажем об этом вкратце.

Разведав о силе войска [неприятеля], он пошел навстречу князю Александру, чтобы рассказать князю о станах их и об укреплениях. Когда стоял Пелгусий на берегу моря и стерег оба пути, он не спал всю ночь. Когда же начало всходить солнце, он услышал на море страшный шум и увидел ладью, плывущую по морю, а посредине ладьи – святых мучеников Бориса и Глеба, стоящих в одеждах багряных и держащих руки на плечах друг друга. А гребцы сидели, словно окутаны облаком. И сказал Борис: «Брат Глеб, вели грести, да поможем сроднику своему Александру». Увидев такое видение и услышав слова мученика, стоял Пелгусий потрясенный, пока ладья не скрылась с глаз его.

Вскоре после этого приехал князь Александр. Пелгусий же взглянул радостно на князя Александра и поведал ему одному о видении. Князь же ему сказал: «Об этом не рассказывай никому...»

Проявили себя здесь шесть храбрых, как он, мужей из полка Александра. Первый – по имени Гаврило Олексич. Он напал на шнек и, увидев королевича, влекомого под руки, въехал

до самого корабля по сходням, по которым бежали с королевичем; преследуемые им схватили Гаврилу Олексича и сбросили его со сходен вместе с конем. Но по Божьей милости он вышел из воды невредим, и снова напал на них, и бился с самим воеводою посреди их войска.

Второй, по имени Сбыслав Якунович, новгородец. Этот много раз нападал на войско их и бился одним топором, не имея страха в душе своей; и пали многие от руки его, и дивились силе и храбрости его.

Третий – Яков, родом полочанин, был ловчим у князя. Этот напал на полк с мечом, и похвалил его князь.

Четвертый – новгородец, по имени Меша. Этот пеший с дружиною своею напал на корабли и потопил три корабля.

Пятый – из младшей дружины, по имени Сава. Этот ворвался в большой королевский златоверхий шатер и подсек столб шатерный. Полки Александровы, видевши падение шатра, возрадовались.

Шестой – из слуг Александра, по имени Ратмир. Этот бился пешим, и обступили его враги многие. Он же от многих ран пал и так скончался. <...>

Было же в то время чудо дивное... на другом берегу реки Ижоры, где полки Александра не могли пройти, нашли многое множество врагов, перебитых ангелом Божиим. Оставшиеся бежали, а трупы погибших своих набросали в корабли и потопили в море.

Два года спустя Александр одержал знаменитую победу над ливонцами при Чудском озере, и северные границы Новгородского княжества на время оказались в безопасности. Впрочем, затишье длилось недолго; Новгородская летопись под 1256 годом сообщает:

Пришли свеи и емь, и сумь и Дидман (рыцарь Дитрих фон Кивель. – *Ред*.) со своею волостью и множеством рати и начали строить город на Нарове.

Тогда князя не было в Новгороде, и послали новгородцы за ним, а сами разослали по волости вестников, собирая полки.

Те же, окаянные, услышав про то, побежали за море.

В тот же год, зимой, пошел князь Александр на Копорье, и пошел на емь, и был зол путь, и не было видно ни дня, ни ночи, и многим шествующим была пагуба, но соблюл Бог новгородцев.

И придя на землю Емскую, [он] иных избил, а других пленил силою честного креста и святой Софии, и вернулись новгородцы с князем Александром все здоровы.

Второе столетие противостояния на Ижорской земле, увы, завершилось тем, что в 1293 году шведы захватили западную часть Карельского перешейка, основали Выборг, заняли два года спустя Корелу (*швед. Кексгольм*)*, а в 1300 году построили в устье Невы крепость Ландскруна*.

Падение Ландскруны, 1301 год
Новгородская летопись, Хроника Эрика

Крепость Ландскруна в известной степени может считаться предшественницей Петербурга, ибо стояла она именно в тех местах, где позднее раскинулся «град Петров». Эту крепость возвели на Охтинском мысу, у впадения Большой Охты в Неву; на следующее лето русичи во главе с князем Андреем Александровичем, сыном Александра Невского, взяли Ландскруну и прогнали шведов. Летопись лаконично повествует об этих событиях:

Того же лета пришли из заморья свеи в силе великой в Неву, привели из своей земли мастеров, из великого Рима от папы мастеров привели нарочно, поставили город над Невою, на устье Охты-реки, и утвердили твердыню несказанную, поставили в ней камнеметы, и похвалялись окаянные, нарекли ее Венец земли: ибо с ними был наместник короля именем Маскалк (это не имя, а титул. – *Ред*.); посадили в ней мужей своих с воеводою Стеном и отошли; князя великого же тогда не было в Новегороде...

В лето следующее пришел князь великий Андрей с полками низовскими, и подступил с новгородцами к городу тому, и приступил к городу, месяца мая 18, на память святого Патрикия, в пяток перед Сошествием Святого Духа, и потягались крепко; силою святой Софьи и помощью святой Бориса и Глеба твердыня та пала за высокоумье их; зане всуе труд их без Божия повеления: град взят был, свеев избили и иссекли, а иных связали и повели из города, а град запалили и разграбили.

А упокой, Господи, в царствии своем души тех, иже у города того головы свои сложили за святую Софью.

Шведская «Хроника Эрика» рассказывает о взятии Ландскруны более подробно и драматично, с присущими эпической поэзии преувеличениями .

За Троицей сразу, на следующий год,
Торгильс Кнутссон марскалк шел в поход
именем конунга. В ледунг вошли
лучшие лодки и корабли.
Жать на язычников конунг хотел,
крепость Ландскруна построить велел.
Воинов одиннадцать сотен собрали.
Плыли из Швеции в дальние дали.
Думаю я, по Неве никогда
раньше не плыли такие суда...
Между Невою и Черной рекой
крепости быть с неприступной стеной,
в месте, где рек тех сливались пути
(лучше для крепости им не найти).
С юга к заливу Нева протекала,
с севера Черная речка впадала.
Лишь о намереньях шведов узнали,
русские войско большое собрали.
Морем и сушей отправилась рать.
Стали момента удобного ждать...
Русские к крепости скоро приплыли,

латы видны без труда уже были,
светлые шлемы, мечи их сверкали.
Русским порядком они наступали.
Тысяч их было тридцать одна
(рек их толмач). Эта сила грозна.
Шведов намного меньше число.
Русским на этот раз повезло.
Вплавь через ров устремились на вал.
Тот, кто залез, других доставал.
Сразу за рвом возвышалась стена.
Меж восемью башен стояла она.
Ров от реки до реки был прорыт,
с разных сторон лагерь шведов укрыт...
Тысяч под десять лагерем встали
русские воины в лесу, выжидали.
Ярко, как солнце, кольчуги их блещут,
любо глядеть, хоть вид и зловещий...
Люди, в Ландскруне что оставались,
очень во многом в то время нуждались.
Пищи припасы испортило лето,
тверди в муке. Оттого было это,
что в их домах она нагревалась.
Вскоре хорошей еды не осталось.
Солод слежался и даже горел.
Из-за продуктов всяк, кто их ел,
сильно после страдал болью десен —
радость цинга никому не приносит.
Было, когда за столами сидели,
пили настои на травах и ели,
зубы со стуком на стол выпадали.
Жить оставаться смогли бы едва ли,
многих убили беды такие.
Мертвых дома стояли пустые...
Русские шли до стены крепостной,
там от ворот повернули домой.
Русские войско потом снарядили,
в крепости шведский отряд осадили.
Русским удачу осада сулила —
их в раз шестнадцать поболе там было.
Стали они штурмовать день и ночь,
схваток мне всех перечислить не смочь.
Шведов уж мало в ту пору осталось.
Войско язычников часто сменялось,
лезли отряд за отрядом они.
Так продолжалось и ночи, и дни.
Свеи устали оборонять
крепость, и это легко вам понять.
Бились они день и ночь напролет,
что удивляться – ведь слабнет народ.

Нет уже мочи врага одолеть,
люди не в силах страданья терпеть.
Вот и пожары внутри запылали,
русские в крепость уже проникали.
Шведы бежали от них, бросив вал,
чтобы укрыться в огромный подвал.
Те, кто у вала сражаться остались,
с жизнью своею геройски расстались.
Тот погибал, кого находили,
многих больных, ослабевших убили...
Русские пленных распределили
между собой и добро разделили,
крепость сожгли и поехали к дому,
пленных ведя по дороге знакомой.
Долго пожары внутри догорали.
Так вот ту крепость русские взяли.

Противоборство со шведами, в которое нередко вмешивались и местные племена, продолжалось вплоть до 1323 года, когда великий князь Юрий заключил с королем Швеции Магнусом Эрикссоном мирный договор, гарантировавший свободу торговли в устье Невы. Этот договор был заключен в крепости Ореховец (*или Орешек, швед. Нотебург*), *на одноименном острове. Крепость, которая контролировала выход в Ладожское озеро, неоднократно переходила из рук в руки, как и остальная Ижорская земля; и после присоединения Новгорода к Москве великие князья и цари воевали со шведами, не оставлявшими попыток закрепиться на Неве. Между тем русские деятельно осваивали Ижорскую землю: в 1492 году был заложен Ивангород на реке Нарва, в устье Невы, как следует из документов Ганзейского союза, действовал торговый порт, который так и назывался – Невское Устье* (*или Канцы, в шведских источниках – Ниэн*), *своего рода* «*пра-Петербург*».

Описание Ижорской земли
Петр Петрей

Как правило, иностранцы, прибывавшие в царство Московское, в своих «записках и реляциях» описывали среднюю полосу и юг страны, лишь изредка уделяя внимание северу. В отличие от многих, швед Петр Петрей путешествовал по всей Московии. В его «Истории» имеется и описание Ижорской земли.

Крепость Ивангород лежит на реке Нарове, чрезвычайно сильна и разделена на три части. Она получила название от великого князя по имени Иван. Река Нарова, на которой она построена, вытекает из озера Пейпуса, в которое впадают две другие реки, Псков и Великая; из этого же озера вытекает и река Нарова, так что из городов Пскова и Дерпта можно бы было плавать на судах Пейпусом и Нарвой в Балтийское море, если бы не мешали тому какие-то утесы и кустарники, находящиеся в полумиле от крепости. В старину эта река была естественной границей между княжеством Новгородским и Ливонией. Эту крепость и много других таких же, например Ямы, Гдов, Копорье и Нотебург, в 1612 году сильно обстреливал, завоевал и со славой привел под власть шведской короны храбрый витязь, граф Яков Де ла Гарди; оттого и теперь еще славный король шведский по справедливости употребляет в своем титуле название Ивангорода.

Ямы, небольшой город, лежит в 3 милях от Нарвы, на реке Яме, впадающей, при устье реки Наровы, в Балтийское море.

Гдов, в 9 милях оттуда, довольно крепкий город, имеет очень плодоносную почву и изобилует рыбой.

Копорье, в 15 милях от Нарвы, сильная каменная крепость, имеет прекрасные, плодородные поля и называется Ингерманландией.

Нотебург очень сильная крепость, лежащая на островке, окруженном быстрыми реками, не скоро замерзающими зимою: они вытекают из Ладожского озера, под крепостью сливаются вместе и составляют реку, называемую Нева, которая в 10 милях оттуда впадает в Балтийское море; не считаем множества других рек и речек, вливающихся в нее еще до впадения ее в большой залив. В полутора милях от своего устья река Нева разделяется на три рукава, и все они впадают в большое море. Эта крепость выстроена с семью крепкими площадками: между каждой идет стена в десять аршин толщины. На каждой площадке поставлена башня. Изнутри на стене бастион в 3 аршина толщины, наполненный песком, глиною и землею, так что нельзя пробить его ядрами, каких больших пушек ни навези туда. Потому что ни с какой стороны нельзя поставить укреплений ближе как на четыре ружейных выстрела, по причине быстрой реки, протекающей мимо крепости. Если бы захотели стать на реке на судах и галерах и лезть на стену, осажденным не нужно ни пороху, ни ядер для обороны и изгнания неприятеля: нужны только камни, бревна, копья и секиры. Если уж необходимо овладеть этой крепостью, то это можно сделать только голодом или с помощью болезни, когда защищают эту крепость храбрые и неустрашимые люди, а не пугливые и малодушные бабы. Когда шведы осаждали Нотебург, московитян сначала было в нем 3000: каждый день они делали вылазки и сражались со шведами на галерах и лодках; когда же дороги и проходы были затруднены и захвачены, а реки заняты войском, так что осажденным нельзя стало выходить из ворот, все они в крепости занемогли, умирали от скорбута и голода, и в живых осталось не больше 30 человек, оттого и должны были уступить и сдать крепость фельдмаршалу Эберту Горну из Канкаса, посланному от полководца – это было в 1612 году, 12 мая: отрада моя такие солдаты, которые могут отважиться на что-нибудь для своего государя.

Внутренняя крепость тоже с тремя площадками, такой же постройки, как и внешняя, и с довольно глубоким рвом. Некоторые думают, что первый выстроил этот город шведский король Магнус Ладулаус с крепостью Ладогой, в 14 милях от города на берегу Волхова, впадающего в Ладожское озеро, от которого крепость получила и свое имя. Но, по моему мнению, этот король построил только Нотебург для убежища своих солдат от беспрестанных нападений русских, а эти последние могли укрываться в Ладоге от напора шведов, когда между ними была война и король Магнус сильно теснил их. Таким образом, эта крепость и озеро Ладожское названы так потому, что Магнус Ладулаус часто бил, прогонял и истреблял русских на этом озере, с их судами, галерами и лодками.

В крепости Нотебург построены две церкви, одна каменная, другая деревянная, и несколько сотен черных изб, в которых живут солдаты. Потому что пока русские владели крепостью, они не впускали в нее ни одного иноземца, даже и никого из своего народа, без всякой надобности, кроме одного наместника и войска, туда назначенного.

В 16 милях оттуда к югу лежит большой остров, по имени Ретузари, на котором живет до 30 человек крестьян: половина его принадлежит Финляндии, другая Ингерманландии, так как река Сестребек, впадающая в Балтийское море, отделяет Выборгскую область от Эйрене и Нотебурга.

Крепость Кексгольм построена из камня и лежит посредине довольно широкой реки Корелы; вокруг крепости большие бастионы. Эта область и княжество получили свое название от реки и называются Карелией. Страна изобильна хлебом, скотом, воском и разной дворовой и дикой птицей. Корела течет очень быстро и сильно и весьма редко замерзает зимою. В ней чрезвычайно много ловится рыбы, особливо семги. Оттого у великого князя там свои рыбаки, которые все ловят и солят семгу для употребления двора, потому что нигде во всей стране не ловится такой прекрасной и вкусной семги. Эта крепость находится в 16 милях от Выборга, в 16 – от Нотебурга, в 30 – от Ладоги, в 50 – от Новгорода. Из многих городов можно ездить туда водою на лодках. И эту крепость взял вооруженной рукой граф Де ла Гарди в 1611 году и покорил шведской короне.

Между областью Кексгольмом и Нотебургом лежит еще другая область, называемая Водская пятина, она простирается к северо-востоку до Колы и Соловков и принадлежит к Новгородскому княжеству, а жители ее платят дань, смотря по их бедности или зажиточности. Земля у них изобилует хлебом, плодами, скотом, домашней и дикой птицей и дикими зверями. Но летом никак нельзя ездить туда по причине множества рек, озер, мхов и болот. Кто хочет отправиться туда за какой-нибудь надобностью, должен ехать зимою, когда замерзнут глубокие болота и большие озера.

К 1612 году шведы, которых призвали на помощь против Лжедмитрия и поляков, захватили все российское побережье Финского залива, а в устье Невы построили крепость Ниеншанц, рассчитанную на гарнизон численностью пятьсот человек. Стратегическое значение этого побережья было очевидным; шведский король Густав Адольф в одном из писем отмечал: «Кексгольм, Нотебург, Ям, Копорье и Ивангород составляют ключи от Финляндии и Лифляндии и заграждают Балтийское море от России. Если бы мы возвратили Нотебург или Ивангород или оба города вместе и если бы Россия подозревала о собственном своем могуществе, то близость моря, рек и озер, которых она до сих пор не умела еще оценить, дала бы ей возможность не только вторгнуться в Финляндию со всех сторон и во всякое время года, но даже, благодаря ее огромным средствам и неизмеримым пределам, покрыть Балтийское море своими кораблями, так что Швеция беспрестанно подвергалась бы опасности».

В 1617 году Россия и Швеция подписали Столбовский мирный договор, по которому к Швеции отходили Ивангород, Ям, Копорье и Орешек, а Россия вернула себе захваченные врагом Новгород, Старую Руссу, Ладогу, Порхов и Гдов, сокровища новгородского храма Святой

Софии и колокола. Царь Михаил Федорович Романов отрекся в титуле от ижорских земель, передав их в титул королю Швеции.

Король Густав Адольф отозвался об исходе войны так: «Великое благодеяние оказал Бог Швеции тем, что русские, с которыми мы исстари жили в неопределенном состоянии и в опасном положении, теперь навек должны покинуть разбойничье гнездо, из которого прежде так часто нас беспокоили.

Русские – опасные соседи; границы их земли простираются до Северного, Каспийского и Черного морей; у них могущественное дворянство, многочисленное крестьянство, многолюдные города; они могут выставлять на поле большое войско; а теперь этот враг без нашего дозволения не может ни одного судна спустить на Балтийское море.

Большие озера – Ладожское и Пейпус [Псковское], Нарвская область, тридцать миль обширных болот и сильные крепости отделяют нас от него; у России отнято море и, Бог даст, теперь русским трудно будет перепрыгнуть через этот ручеек».

Северная война: взятие Нотебурга, 1702 год
Алексей Макаров

Столбовский мирный договор действовал недолго: в середине XVII века между Россией и Швецией вновь начались боевые действия, затем последовало перемирие, а в 1700 году Россия в союзе с Данией начала новую войну против Швеции. В том же году русская армия потерпела сокрушительное поражение под Нарвой, заставившее приступить к перевооружению и переоснащению войска. И всего два года спустя была одержана знаменательная победа.

А. В. Макаров – кабинет-секретарь царя Петра Первого, автор «Гистории Свейской войны».

В 27 день поутру около 7 часов пришло все войско наше под Нотебург (или Орешек) и стало в лагерь на мысу от города ниже по реке Неве верстах в двух и уставило обоз свой.

Того же дня в городе на башне после обеда, когда уже подлинно узнали об осаде, поставили королевское знамя в знак осады своей и желая помощи от своих.

В 28 день по вышеписанному знаку пришли 3 шкуты из Корелы к городу с запасом и с людьми, а с нашей стороны продолжали апроши делать.

В 29 день и в 30 день две батареи да два кетеля на пушки и мортиры сделаны. При работе этой убит только 1 рядовой солдат. Того же числа с 50 судов с Ладожского озера с полмили сухим путем чрез лес волочены в Неву реку, и той же ночью 12 мортир да 31 пушка на батареи и кетели поставлены.

В 1 день октября около 4 часов поутру 1000 человек Преображенского и Семеновского полков в суда посажены и на другую сторону Невы посланы, где неприятельский шанц был, дабы оный взять и приход неприятеля занять, которое учинилось без потеряния единого человека, понеже неприятели, дав один залп из шанца, тотчас побежали.

Того же дня на той стороне под Нотебургом пост заняли с траншементом, и 3 полка там определены.

Того же дня послано письмо от нашего фельдмаршала к коменданту той крепости с трубачом, хочет ли он ту крепость на способный договор сдать, потому что у него со всех сторон путь сикурсу [помощи] отнят.

На сие письмо последовало изустное учтивое соответствование к фельдмаршалу от коменданта, в том состоящее, что он благодарит за милостивое объявление сей жестокой осады, почему желает 4 дня срока, дабы ему в Нарву к вышнему своему командиру генералу Горну послать о сем с ведомостью, и уведать о том его намерение, на что ему ответствовано пушечною стрельбою и бомбами со всех наших батарей и кетелей залпом; которые около 4 часов после полудня начаты и продолжены вплоть до приступа.

Во 2 день октября около 10 часов поутру неприятельская партия, состоящая из 400 человек пехоты да из драгунской роты с четырьмя полевыми пушками, явилась на той стороне Невы реки у пильной мельницы, недалеко от взятого шанца, у которого стоял наш караул в 100 человек, на которых неприятели жестоко напали.

Услышав эту стрельбу, наши тотчас добрую партию послали, которые (хотя тогда еще не гораздо искусны были в воинском деле) неприятеля ретироваться принудили и за ним следовали, который хотя и с добрым порядком ретираду имел, однако ж 3 пушки нашим покинуть принужден, також одного капрала и 7 рядовых в полон взяли.

С нашей стороны 10 человек убито и несколько ранено. С неприятельской стороны убито 64 человека (как о том по взятии [крепости] от самого командира той партии уведались).

Сею партией с неприятельской стороны командировал майор Лион; с нашей же стороны командовал Кенигсек, полковник и посланник польский. <...>

В 3 день ничего знатного не учинено, кроме того, что барабанщик из крепости – с письмом от комендантши и от имени всех офицерских жен, в той крепости обретающихся, – был прислан к фельдмаршалу, моля его о позволении, дабы они могли быть выпущены из крепости из-за великого беспокойства от огня и дыма и бедственного состояния, в котором они обретаются.

И на то им учинен ответ от капитана бомбардирской компании Преображенского полка (капитаном бомбардирским был сам Его Величество. – *Примеч. Макарова*), который был тогда на батареях и не хотел терять зря время, напрасно посылая в обоз к фельдмаршалу для ответа на сие прошение, ответствовал им письменно следующим образом, что он с тем к фельдмаршалу не едет, ибо подлинно ведает, что фельдмаршал не изволит опечалить их тем разлучением; а если хотят выехать, то изволили б и любезных супружников своих вывесть купно с собою. И с тем того барабанщика потчевав, отпустил в город.

Но сей комплимент знатно осадным людям показался досаден, потому что по возвращении барабанщика тотчас великою стрельбою во весь день по той батарее из пушек докучали паче иных дней, однако ж урона в людях не учинили.

В 4 день октября взята неприятельская конная партия; а в тот же вечер около 8 часов вышеименованным капитаном бомбардирским на острове, который [находился] меж крепостью и нашими апрошами, пост занят и по учиненном занятии 300 человеками осажен в силу близости к городу.

В 5 день некоторые охотники под командой полковника Гордона хотели было взять неприятельские шкуты и суда, стоящие под крепостью; но понеже сии суда [были] на берег взволочены и цепями прикреплены, того ради не могли они сего своего намерения исполнить за великим огнем из крепости, но принуждены довольствоваться добычей, которую они в тех судах получили, а именно: ветчиной, маслом, крупой и сухарями, и те суда разрубили и прием 15 человек наших побито. <...>

В 6 день был великий пожар в крепости, который учинился от нашего каркаса.

В 7 день велено собирать охотников к приступу, коих большое число записалось.

В 9 день розданы лестницы для приступа, понеже хотя бреши в 2 башнях и куртине учинены, однако ж из-за великой высоты стен зело крут всход был, а более стрелять было невозможно, понеже у пушек запалы зело разгорелись, и всякому офицеру назначено место к приступу и отданы принадлежащие суда.

Того же дня сделан и летучий мост через Неву.

В 11 день октября в воскресенье рано около 2 часов учинился великий пожар в крепости. <...>

Против 11 числа пошли на приступ. И потом наши охотники к приступу, которые со своими судами с полмили на озере стояли, указ получили к нападению чрез три выстрела из 5 мортир залпом и около половины четвертого часа утра учинили начало приступа со всех сторон к крепости, который приступ тем охотникам не гораздо удался; того ради посланы подполковник Семеновского полка князь Голицын, а потом Преображенского полка майор Карпов (который вскоре жестоко картечью ранен сквозь ребра и руку) с командированными. <...>

И так сей приступ продолжен был в непрестанном огне 13 часов, а именно от получетвертого часа утра до полупятого часа после полудня, однако ж на брешь ради крутости и малого места земли около города и сильного сопротивления неприятельского за краткостью наших приступных лестниц (которых в иных местах более полутора саженей не хватало) взойти и овладеть не могли. <...>

А неприятели с одной стороны строение, которым было наши защитились, каркасами зажгли и непрестанно дробью по нашим из пушек стреляли, тако ж бомбы непрестанно зажигая, со стен катали, отчего великий и несносный вред нам учинился, в силу чего был послан указ об отступлении, но оный посланец не смог из-за тесноты пройти к командиру; а команду-

ющий подполковник князь Голицын суда велел порожние отпустить, понеже некоторые люди стали от той неприятельской стрельбы бежать... И когда сие замешкалось, тогда бомбардир поручик Меншиков суда сбирать начал и еще несколько человек к берегу привел для переезда на помощь нашим. <...>

Тогда неприятель, видя такое десператное [отчаянно смелое] действо наших, также в 13 часов столь утомлен, [что] ударил шамад, по которому шамаду послан секретарь Шафиров да поручик Жерлов в город; а из города комендант выслал поручика с аккордными пунктами, и по учиненной пересылке оные пункты того ж вечера от фельдмаршала подписаны, и тою же ночью наши во все три бреша для занятия поста впущены. <...>

Того же дня генерал-фельдмаршал с генералитетом пошли в город и по воздании Богу благодарения, при троекратной пушечной и из мелкого ружья стрельбе, [была] тогда сия крепость переименована в Шлюсенбург (Шлиссельбург. – *Ред*.), и по сему имени потом с помощью Божиею действительно сталось: ибо сим ключом отворились ворота в неприятельскую землю.

Также объявлены тогда чины за труды, показанные во время осады сей крепости, от бомбардир поручику Меншикову губернатором Шлюсенбургским, подполковнику от гвардии Голицыну полковником от гвардии Семеновского полка, майору от гвардии Карпову подполковником от гвардии ж Преображенской, и пожалованы деревнями, тако ж и прочие офицеры и рядовые, каждый по достоинству своих трудов, были награждены деревнями и золотыми монетами; недостойные ж, особливо те, которые с приступа побежали, несколько десятков рядовых ошельмованы, а именно гонены сквозь строй и, лица их заплевав, казнены смертью.

Взятие крепости Нотебург настолько напугало шведов, что губернатор города Ниеншадт при крепости Ниеншанц приказал сжечь все жилые и складские постройки. Между тем русская армия подступила к Ниеншанцу.

Северная война: взятие Ниеншанца, 1703 год
Аникита Репнин, Алексей Макаров, Борис Шереметев, Джон Ден

Крепость Ниеншанц оставалась важнейшим шведским укреплением на Неве, и захватить ее было жизненно необходимо. Петр I поручил командование походом на Ниеншанц фельдмаршалу Б. П. Шереметеву (*сам он находился в Воронеже, где строился военный флот*). *Впрочем, до возвращения царя из Воронежа решительных действий армия не предпринимала, накапливая силы* (*в том числе артиллерию*) *в Шлиссельбурге. А на верфях на реке Сясь строились первые корабли будущего Балтийского флота.*

О численности русских войск, собранных для штурма крепости, мы узнаем из письма генерала А. И. Репнина, позднее – лифляндского генерал-губернатора.

1703 года полки под Канцами были дивизии генерала и кавалера князя (Аникиты Ивановича) Репнина: — Людей число

Горданов (Александра Гордона)	927
Гулицов (Ефима Гулица)	713
Дедютов (Симона Дедюта)	781
Брюсов (Романа Брюса)	618
Дромонтов	660
Романовского (Алексея Романовского)	470
Буковина (Петра фон Буковена)	523
Павла Бернера	662
Ивана Бернера	536
Трейденов (Тимофея Трейдена)	769
Рыдеров (Дениса Риддера)	900
Итого:	7559

Сверх того:

Преображенский (Ивана Чамберса)	2936
Семеновский (Михаила Голицына)	2104
Бильсов (Ильи Бильса)	717
Купоров (Данилы Купера)	710
Пальмеров	643
Максима Гурика, который был на взморье	758
Инглисов (Андрея Инглиса) у артиллерии	486
Итого:	8354

О том, как происходила осада крепости, оставили заметки А. В. Макаров и Б. П. Шереметев.

В 24 день [апреля], не дошед до крепости 15 верст, посылал фельдмаршал партию в 2000 пехоты, под командою полковника Нейтарта и Преображенского полка капитана Глебовского, водою для занятия поста, которые против 25 дня в ночь счастливо к городу пришли и на неприятельских драгун в 150 человеках, у самого рва стоящих, напали и, сбив их, у ворот градских 2 человека взяли.

И при том счастливом действии зело смелым сердцем и мужественно на один бастион малыми людьми несколько из той партии взошли, и когда бы другие помогли, то б сей шанец без атаки взят был, но понеже оный командир о том указа не имел, но послан токмо для занятия поста и взятия языков, также и об фортеции не был известен, того ради учинить того не смел. <...>

Сего апреля 25 дня пришли мы до вечера за полчетверта с Преображенским и Семеновским, да с Билсовым, с Пахмеровым, с Гуриковым и с Инглисовым полками, около того валу, который одержала наша посланная партия [Нейтгарта и Глебовского]: хотя и безопасен от пушек, а бомбы будут доставать, только инова места нет, где стать, все болота, лес и кочки. <...>

В нынешний час станем работать против ворот батарею, чрез реку Охту мост. А под мортиры еще не бывали мосты [платформы], также лопаток и кирок мало.

Гаврило Иванович [Головкин] не бывал, с фашинами и с турами Степан Стрекалов не бывал же. Зело место тесно, где Преображенский и Семеновский полки стали.

На другой стороне реки Невы сделана крепостца земляная, и люди в ней есть, и я нынешней ночью пошлю... (Из письма Б. П. Шереметева царю.)

Того же числа в ночи [в ночь с 25 на 26 апреля] генерал инженер Ламберт с командированною пехотою апроши зачал делать в ближнем расстоянии у города, а именно в 30 саженях, которому неприятели из города непрестанною пушечною стрельбою докучали, однако ж без великого вреда...

В 28 день в вечеру Государь, яко капитан бомбардирский, с семью ротами гвардии, в том числе с четырьмя Преображенскими, да с тремя Семеновскими управяся, поехал водою в 60 лодках мимо города для осматривания Невского устья и для занятия оного от прихода неприятельского с моря.

В 29 день господин капитан бомбардирский и при нем бывшие со взморья возвратились в обоз, в которое время в шанцах наши под командою майора Керхина бывшие, увидя огонь в

городе, по приказу залп дали... А батареи и кетели в то время были уже готовы, и для того той же ночи на те новые батареи начали ставить пушки и мортиры. <...>

В 30 день [апреля] пополудни, как пушки и мортиры со всем изготовили, тогда фельдмаршал посылал в город к коменданту трубача с увещевательным о сдаче города письмом, который трубач там умедлил часов с 6, того ради послан был барабанщик, чтоб немедленно трубача отпустили.

Потом оный трубач с письмом от коменданта возвратился, в котором за обещание акорда [капитуляции] возблагодарил; а о сдаче крепости отговаривался, что вручена им от короля для обороны и что принуждены оборонять. <...>

Новыми послами в крепость были ядра и бомбы 20 тяжелых пушек и мортир. Стреляли залпами; на каждую пушку приходилось по девяти снарядов, мортиры же работали всю ночь. В начале бомбардирования шведы отвечали нам усиленным огнем с крепостных верков, но вскоре этот огонь стал слабеть, а к утру затих совершенно.

На рассвете 1 мая дан был одновременный залп из всех пушек и мортир осады.

Артиллерия дело сделала. <...>

Мая в 1 день на рассвете в 5 часу неприятель стал бить шамад [барабанный сигнал о готовности к сдаче крепости]. Тогда от наших пушечная стрельба и метание бомб унято. <...>

Мая в 1 день после полудни в 10 часу Преображенский полк введен в город, а Семеновский в контрэскарп [палисады перед стеной]. Артиллерия, амуниция и прочее у них принято, и караул по городу везде наш расставлен, а гарнизону дано было на несколько дней срока для убирания в свой путь...

Во 2 день [мая] за оную полученную над неприятелем победу о взятии той крепости, а наипаче, что желаемая морская пристань получена, учинено было благодарение Господу Богу при троекратной стрельбе из пушек и из ружья.

Потом фельдмаршал шел в город, которого не доходя близ градских ворот комендант той крепости с офицерами встретя, подал ему городовые ключи.

И того же числа вышепомянутый комендант и при нем будучие офицеры и солдаты и прочие жители из города выпущены, и поставлены были у палисадов у Невы реки до указу. <...>

В тот же день по указу царя Ниеншанц переименовали в Шлотбург – Замок-город. А еще 2 мая одержал свою первую победу русский флот. В «Журнале» А. В. Макарова читаем:

Того же дня [2 мая] в вечеру получена ведомость от наших караульщиков о приходе на взморье неприятельских кораблей, и что они, пришед к устью Невскому, учинили в город лозунг о своем приходе двумя выстрелы пушечными (будучи в той надежде, что люди их в городе сидят), и для того по приказу фельдмаршала велено ввечеру и поутру в нашем обозе стрелять из пушек шведский лозунг по дважды, чтоб на тех кораблях не дознаемо было помянутого города взятие; дабы сим их обмануть, и какой над ними поиск учинить, что и удалось; понеже по тому лозунгу прислали с адмиральского их корабля бот, или шлюпку для лоцманов.

Из той шлюпки выходили солдаты и матросы на берег; и наши, которые на карауле укрыты в лесу были, одного из них поймали, а остальные ушли; который сказал, что над той пришедшей эскадрою командует вице-адмирал Нумберс. <...>

Пришли 2 шведские судна, шнава и большой бот, и стали перед устьем на якорь для того, что опоздали и в устье войти не могли.

По которым ведомостям мая в 6 день, капитан от бомбардиров и поручик Меншиков (понеже иных на море знающих никого не было), в 30 лодках от обоих полков гвардии, которые того ж вечера на устье прибыли и скрылись за островом [Овечьим], что лежит против деревни Калинкиной [Кальюлы] к морю.

А 7 числа [мая] пред светом половина лодок поплыла тихою греблею возле Васильевского острова под стеною оного леса и заехали в оный от моря; а другая половина сверху на них пустилась.

Тогда неприятель тотчас стал на парусах и вступил в бой, пробиваясь назад к своей эскадре (также и на море стоящая эскадра стала на парусах же для выручки оных), но узкости ради, глубины не могли скоро отойти... И хотя неприятель жестоко стрелял из пушек по нашим, однако ж наши, несмотря на то, с одной мушкетною стрельбою и гранаты (понеже пушек не было) оные оба судна абордировали и взяли.

А мая 8 о полудни привели в лагерь к фельдмаршалу оные взятые суда, бот адмиралтейский, именованный «Гедан», на оном 10 пушек 3-фунтовых, да шнява «Астрель» («Астрильда» – *Ред.*), на которой было 14 пушек. (Людей на оных было всех 77 человек.) <...> И те полоненники сказали, что они с теми судами посланы были в город к коменданту с письмами, и те письма найдены в тех судах; и тогда шведы, которые из гарнизона Канецкого вышли и задержаны были у города, увидев те взятые суда, дознались, что для того у нас шведский лозунг, стреляли и их задержали.

Шведскую версию этого боя, с некоторыми любопытными подробностями, изложил английский морской офицер на русскойслужбе Дж. Ден в своей «Истории российского флота в царствование Петра Великого».

Примерно в двух милях от устья реки последние [моряки «Астрильды» и «Гедана»] заметили повсеместное присутствие российских войск и догадались, что городок [Ниеншанц] уже занят. Тем не менее, не предвидя опасности со стороны воды, ибо они знали, что у россиян не было здесь боевых судов, они оставались здесь некоторое время, продолжая наблюдения свои на глазах у неприятеля.

Царь, лично присутствуя при этой браваде, возмутился этим и, посоветовавшись с несколькими из морских офицеров своих, снарядил отряд из отборных и хорошо вооруженных людей и таких, которые хоть сколько-нибудь были знакомы с действиями на море, и, собрав столько лодок, сколько можно было в такое короткое время, отправил их вниз по реке дожидаться шведов у бара – узкого места реки, переполненного отмелями при отсутствии каких-либо знаков или вех, какими могли бы руководствоваться суда для курса; место это было вполне доступным для плавания российских лодок, но неудобно для неприятеля.

Заметив движение лодок вниз по другому рукаву реки, шведы решили отступить и присоединиться к своему флоту, но, лишь только они достигли бара, с наступлением ночи поднялся противный западный ветер, который погнал их по течению. В этот самый момент напали на них россияне, поражая их со всех сторон пулями.

Шведы храбро защищались, нанося вред своими пушками, пока за темнотою ночи и противным ветром, одолеваемая численностью неприятеля, шнява не села на мель. Здесь, после отчаянного сопротивления и потеряв большинство своей команды, судно было сдано, заодно и вельбот, понятно, подвергся такой же участи.

Немедля по взятии судов царь явился на борт и, застав командира судна живым, велел со всяким тщанием ухаживать за его ранами, а по выздоровлении убедил его перейти к нему на службу.

Имя последнего – Карл фон Верден, талантливый человек, с тех пор постепенно получавший повышения по службе и ставший одним из любимых капитанов царя...

Это было самое первое военное судно, которым царь овладел на Балтийском море, и хотя само по себе судно было незначительным, однако, как столь удачно попавшееся ему в руки, он счел взятие такового за доброе предзнаменование, видя в этом случае как бы особое знамение Провидения в пользу морских его предначертаний.

Взятие Ниеншанца означало, что отныне все течение Невы, от истока до устья, оказалось во владении русских. До заложения крепости святых Петра и Павла на Заячьем острове оставалось всего несколько месяцев…

«ПРЕСЛАВНЫЙ ГРАД, ЧТО ПЕТР НАШ ОСНОВАЛ»
Первое столетие Петербурга

Начало Санкт-Петербурга заставляет вспомнить мифологический сюжет о сотворении мира из первозданного Хаоса и устроении Космоса. В данном случае Хаос – пустынная и болотистая дельта Невы и «водная стихия» (Финский залив и Нева с притоками), а царь Петр в этом контексте становится мифологическим героем, подобным древнеиндийским божествам или вавилонскому богу Мардуку, победившим Хаос и создавшим из него Космос.

«Ломая» патриархальное русское общество, Петр одновременно творил новый социум, и этому социуму требовался новый центр притяжения, новая столица, во всем противоположная Москве, с которой у царя вдобавок были связаны не слишком приятные юношеские воспоминания о стрелецком бунте, едва не стоившем ему жизни. Иными словами, Петербург строился не только как «окно в Европу» в стратегически выгодном, пусть и малопригодном для жизни месте, но и как антитеза боярской и косной Москве. (Именно тогда и началось длящееся по сей день противостояние, почти антагонизм двух городов, характерное, впрочем, не только для российской истории; достаточно вспомнить испанские Мадрид и Барселону, польские Варшаву и Краков или, скажем, португальские Лиссабон и Порту.)

По большому счету, Петр лишь заложил город и наметил контуры будущего «блистательного Петербурга». Зримые очертания город начал приобретать уже при преемниках Петра на троне империи, прежде всего при Анне Иоанновне и при Елизавете Петровне; многие и многие достопримечательности, которыми мы восхищаемся сегодня, появились на карте Петербургав царствование Екатерины II, а довершил формирование города – в значительной степени, хотя и не до конца – ее внук Александр I. Как раз в правление Александра Санкт-Петербург стал подлинно имперским городом и вступил в новый этап своей истории.

Основание Санкт-Петербурга, 1703 год
О зачатии и здании царствующего града Санктпетербурга в лето от первого дни Адама 7211, по Рождестве Иисус Христове 1703, Фридрих-Христиан Вебер

Шведская угроза, несмотря на недавние победы русского оружия, оставалась по-прежнему насущной, и потому вместо взятого штурмом Ниеншанца было решено заложить в устье Невы, на Заячьем острове, новую крепость, которую назвали в честь святых Петра и Павла. Крепость заложили 16 мая, а две недели спустя, в день святых апостолов, получил имя и город при крепости.

Пожалуй, на европейском морском побережье не найдется другого города, возведенного в столь неблагоприятном для строительства месте: болотистое устье Невы никак не располагало к градостроению. Тем не менее город был возведен – ценой множества жизней «работных людей», которых сгоняли сюда со всей России.

Об основании Петербурга сложено немало легенд. Так, в одном карело-финском предании утверждается: «Петербург не мог быть построен на таком топком, гибельном, проклятом Богом болоте известными в то время способами строительства. Он бы попросту утонул по частям. И поэтому его целиком возвели на небе и затем осторожно и тоже целиком опустили на землю». Другое предание, использованное В. Ф. Одоевским в его повести «Саламандра», гласит: «Стали строить город, но что положат камень, то всосет болото; много уже камней навалили, скалу на скалу, бревно на бревно, но болото все в себя принимает и наверху земли одна топь остается. Между тем царь состроил корабль, оглянулся, смотрит – нет еще города. "Ничего вы не умеете делать", – сказал он своим людям и с сим словом начал поднимать скалу на скалу и ковать на воздухе. Так выстроил он целый город и опустил на землю».

В современном этим событиям тексте «О зачатии и здании царствующего града...» говорится:

Май.

14-го царское величество изволил осматривать на взморье устья Невы реки и островов и усмотрел удобной остров к строению города. Когда сшел на средину того острова, почувствовал шум в воздухе, усмотрел орла парящего, и шум от парения крыл его был слышан; взяв у солдата багинет и вырезав два дерна, положил дерн на дерн крестообразно и, сделав крест из дерева и водружая в реченные дерны, изволил говорить: «Во имя Иисус Христово на сем месте будет церковь во имя верховных апостолов Петра и Павла». По довольном осмотрении оного острова изволил перейти по плотам, стоящим в протоке, которой ныне меж городом и кронверхом имеет течение. По прошествии протока и сшествии на остров изволил шествовать по берегу вверх Невы реки и, взяв топор, ссек куст ракитовый, и, мало отшед, ссек второй куст, и, сев в шлюпку, изволил шествовать вверх Невою рекою к Канецкой крепости.

15-го изволил послать неколико рот солдат, повелел берега оного острова очистить и, леса вырубя, скласть в кучи. При оной высечке усмотрено гнездо орлово того острова на дереве.

16-го, то есть в день Пятидесятницы, по божественной литургии, с ликом святительским и генералитетом и статскими чинами от Канец изволил шествовать на судах рекою Невою и по прибытии на остров Люистранд и по освящении воды и по прочтении молитвы на основание града и по окроплении святою водою, взяв заступ, и первый начал копать ров. Тогда орел с великим шумом парения крыл от высоты опустился и парил над оным островом.

Царское величество, отошед мало, вырезал три дерна и изволил принести к означенному месту. В то время зачатого рва выкопано было земли около двух аршин глубины и в нем был поставлен четвероугольный ящик, высеченный из камня, и по окроплении того ящика святою водою изволил поставить в тот ящик ковчег золотой, в нем мощи святого апостола Андрея Первозванного, и покрыть каменною накрышкою, на которой вырезано было: «По воплощении Иисус Христове 1703 майя 16 основан царствующий град Санктпетербург великим государем царем и великим князем Петром Алексиевичем, самодержцем Всероссийским». И изволил на накрышку оного ящика полагать реченные три дерна с глаголом: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь. Основан царствующий град Санктпетербург».

Тогда его царское величество от лика святительского и генералитета и от всех тут бывших поздравляем был царствующим градом Санктпетербургом; царское величество всех поздравляющих изволил благодарить, при том была многая пушечная пальба. Орел видим был над оным островом парящий. Царское величество, отшед к протоке, которой течение имеет меж Санктпетербургом и кронверхом, по отслужении литии и окроплении того места святою водою, изволил обложить другой раскат. Тогда была вторичная пушечная пальба, и между теми двумя раскатами изволил размерить, где быть воротами, велел пробить в землю две дыры и, вырубив две березы тонкие, но длинные, и вершины тех берез свертев, а концы поставлял в пробитые дыры в землю наподобие ворот. И когда первую березу в землю утвердил, а другую поставлял, тогда орел, опустясь от высоты, сел на оных воротах; ефрейтором Одинцовым оный орел с ворот снят.

Царское величество о сем добром предзнаменовании весьма был обрадован; у орла перевязав ноги платком и надев на руку перчатку, изволил посадить себе на руку и повелел петь литию. По литии и окроплении ворот святою водою была третичная из пушек пальба, и изволил выйти в оные ворота, держа орла на руке, и, сшед на яхту, шествовал в дом свой царский канецкой. Лик святительский и генералитет и статские чины были пожалованы столом; веселие продолжалось до 2 часов пополуночи, при чем была многая пушечная пальба.

Оный орел был во дворце; по построении на Котлине острове крепости святого Александра оный орел от его царского величества в оной Александровой крепости отдан на гобвахту с наречением орлу комендантского звания.

Подобное древле благочестивому царю Константину в сонном видении явил Бог о построении на Востоке града. Великий и равноапостольный царь Константин рассматривал места к зданию града и во время шествия от Халкидона водою к Византии увидел орла, летящего и несущего верфь и прочие орудия каменоделателей, которые орел положил у стены града Византии. Великий царь Константин на том месте построил град и наименовал во имя свое Константинград.

Оной Санктпетербурской крепости план и основание собственного труда его императорского величества Петра Великого.

Дополнительные подробности об основании крепости и города сообщает, в частности, посланник Брауншвейгского двора Ф.-Х. Вебер.

Его царское величество с самых юных лет выказал особенную склонность к воде и мореплаванию и в городе Москве, насколько там позволяли возможности, постоянно плавал под парусами по тамошним рекам. Когда же военное счастье так сопутствовало его оружию, что он в 1702 г. завоевал крепость Нотебург, ныне Шлиссельбург, а в следующем году торговый город Ниеншанц и, милей ниже [по течению], встретил различные острова, образованные рукавами реки Невы, он нашел эту местность удобнейшей для строительства города и закрепления на Восточном море. И вот там был разбит его большой лагерь, причем инфантерия встала на финской, а кавалерия – на ингрийской стороне. Поскольку же, как было сказано, его цар-

ское величество имел великую страсть к мореплаванию и в этом месте были к тому наилучшие возможности, то он сначала приказал там, где теперь Петербург и где тогда стояли лишь две рыбацкие хижины, возвести маленький шанец. Затем не только собственной персоной в шлюпках производил рекогносцировку реки Невы до большого залива Балтийского моря, но также приказал там точно рекогносцировать все вокруг на других судах. А поскольку было замечено несколько кораблей, крейсировавших в открытом море, то он откомандировал примерно тысячу солдат на остров Ретугари, или Рутцари (где теперь расположен Кронштлот), с приказом там закрепиться. Хотя шведы старались уничтожить этот отряд сильной пушечной стрельбой с одного корабля, но русские тем временем тихо стянулись за лежавшие на берегу многочисленные большие камни и укрылись за ними. Шведы решили, что все русские отступили за росший там небольшой кустарник и, возможно, с другой стороны острова ушли оттуда на судах. Тогда шведы высадили десант с намерением самим овладеть этой выгодной позицией. Однако прятавшиеся за камнями русские худо их встретили, так что шведам пришлось, оставив несколько мертвых, отступить на корабли и уйти на них в открытое море. После этого случая его царское величество прочно утвердился на острове и наконец (как ниже будет подробнее сказано) построил там регулярную гавань и крепостцу, а также уже порядочно большой поселок, ныне известный под названием Кронштлот.

Поскольку его царскому величеству очень полюбилась эта местность, тем более что она действительно является одной из приятнейших в том краю, то он решил основать на реке Неве не только крепость, но и главную верфь для строительства больших военных кораблей. А определив, в частности, что глубина реки в том месте, где теперь крепость, необычайно велика, именно 14–15 маховых саженей, или 90 футов, и, кроме того, окружающая местность состоит из одних болот и от природы является неприступной территорией, он распределил лежащие вокруг острова таким образом, что на одном маленьком островке должна была стоять крепость, а на других островах и на твердой земле – город.

Как только это было решено, тотчас были подготовлены приказы о том, чтобы предстоящей весной на работы явилось множество людей – русских, татар, казаков, калмыков, финских и ингерманландских крестьян; что действительно уже в 1703 году и произошло, ибо в начале мая месяца собралось много тысяч работных людей из всех уголков большой России (причем некоторые прибыли сюда даже за 200–300 немецких миль) и приступили к строительству крепости. Хотя тогда для такого множества людей не имелось ни достаточного провианта, ни рабочего инвентаря – лопат, кирок, досок, тачек и тому подобного, не было даже ни хижин, ни домов, однако работа благодаря множеству людей продвигалась необычайно быстро. Особенного же удивления было достойно то, что, поскольку земли в этом низменном месте очень мало и ее приходилось приносить издалека по большей части в полах одежды, в тряпках или мешочках из старых рогож на плечах или в руках, так как тогда русские еще не знали тачек, все же почти за четыре месяца крепость была возведена. Однако при этом погибло едва ли не сто тысяч человек, поскольку в этих пустынных местах ничего нельзя было получить за деньги; обычный подвоз часто также не поступал вовремя из-за противных ветров на Ладожском озере, и это непоступление тоже причиняло большие беды.

Потом крепость время от времени улучшалась, и на другой год были пристроены еще кронверк и несколько редутов (которые, однако, теперь должны быть срыты). Всем этим его царское величество сам руководил и распоряжался. Между тем, пока таким образом строилась крепость, постепенно начиналось и строительство города. С каковой целью множеству людей – как дворянам, так и купцам – было приказано переселяться из России в Петербург и строить дома; это тоже произошло с такой быстротой, что скоро все совершенно кишело людьми, ибо: 1) большие бояре и дворяне привезли с собой много людей и прислуги; 2) купцы и лавочники нашли себе доходы в этом новом городе, где все было чрезвычайно дорого; 3) много шведов, финнов и лифляндцев не могли оставаться в своих разрушенных и отчасти сожженных горо-

дах, и им ничего не оставалось, как, гонимым нуждой, огромными толпами бежать сюда; 4) для нового мореплавания и кораблестроения были доставлены сюда из всех уголков специалисты, ремесленники и матросы с женами и детьми; 5) также очень многие работные люди из татар, русских и калмыков, отработав установленный срок, не захотели отправиться в дальний обратный путь домой, а получили достаточно работы за деньги у многочисленных бояр, постепенно строивших все больше домов. Кроме того, несколько тысяч из этих работных людей, сами построив себе дома, обосновались [здесь], тем более что каждый волен застраивать любое понравившееся место. Таким образом, иначе и не могло произойти, что местность необычайно быстро заселялась, и по числу домов и людей теперь едва ли уступит какому-либо германскому городу. Сейчас насчитывается тысяч 60 домов, относящихся к городу Петербургу. Правда, надо иметь в виду, что под домами понимаются и совсем крохотные, какие за два часа могут быть разобраны и поставлены в другом месте, [такие есть] особенно в Татарской слободе, в Немецкой слободе левее верфи, в Финских шхерах вокруг финской и католической церквей и т. д.

Крепость стоит посреди города С.-Петербурга, ее со всех сторон обтекает река Нева... Правда, прежде на этом месте был уже маленький остров, называемый Заячьим, или, по-фински, Еннесари. Но поскольку при большой воде все на нем заливалось, то остров принесенной туда землей хотя несколько и поднят и увеличен, однако при длительном юго-западном ветре вода еще сильно заливается на внутреннюю площадь, так как это тот ветер, который весьма опасен для всего города.

Непосредственное участие Петра Великого в закладке крепости и города не подвергалось сомнению современниками и потомками, однако в конце XIX столетия П. Н. Петров, автор фундаментального труда «История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. 1703–1782» (1885), попытался опровергнуть этот факт и восстановить историческую справедливость (как он сам последнюю понимал). П. Н. Петров утверждал, что город основан «в государево имя» и в отсутствие царя, который 16 мая находился в Лодейном Поле или в Шлиссельбурге; настоящее же рождение Санкт-Петербурга состоялось 29 июня, в день тезоименитства Петра.

На самом деле именно 16 мая 1703 года была заложена крепость, позднее получившая название Петропавловской. Историк Петербурга А. М. Шарымов, изучив архивные документы и переписку тех лет, убедительно доказал, что 16 мая Петр присутствовал при закладке крепости, а на Ладогу отбыл уже на следующий день. А поскольку Петропавловская крепость и город неразрывно связаны, днем рождения Санкт-Петербурга по праву должна считаться дата 16 мая.

Основание Кронштадта, 1703 год
Фридрих-Христиан Вебер

Для защиты нового города, помимо Петропавловской крепости, на острове Ретусари была заложена еще одна «фортеция» – будущий Кронштадт.

Ф.-Х. Вебер в своем донесении писал:

Об острове Ретусари следует еще сказать, что он расположен в оконечности или в начале Восточного моря или, собственно, в устье Финского залива. Хотя выше острова к востоку лежит еще большое море, однако это не настоящее Восточное море, а лишь предморье, или внутреннее море, из чего видно, что Петербург расположен не на самом Восточном море, а в отдалении от него.

Сам по себе остров неплодороден, на нем не растет ни хлеб, ни что-либо другое. По южную сторону острова проходит настоящее течение, но имеющее лишь узкий проход, достаточно глубокий для больших военных кораблей. По северную же сторону из-за мелководья суда проходить не могут. Поэтому это место тем более удобно для надежной гавани царского флота, так как он может быть атакован только через этот узкий путь, и отсюда Кроншлот справедливо может быть назван оплотом города Петербурга. Прежде остров был необитаем или же по крайней мере его населяло несколько бедных рыбаков. Но после того как его царское величество нашел его весьма удобным, он не только действительно заложил там настоящую гавань для своего флота, но и укрепил его крепостцой и даже построил на нем большой город, называемый обычно Кроншлотом (несмотря на то, что это имя носит только крепость), а русскими – Котлином-островом.

Гавань порядочно велика и глубока, она расположена по южную сторону острова в открытом море, поскольку к берегу глубина так уменьшается, что к нему не подойти ни на каком судне, а если хочешь сойти, надо приставать к большому морскому мосту. Здесь царский флот обычно стоял и зиму, и лето, но потом он значительно увеличился, уже примерно до 40 ранговых кораблей; к тому же шесть лет тому назад была заложена гавань в Ревеле, и теперь большинство кораблей стоит там. Однако здесь есть и остается настоящая петербургская гавань, хотя этот город отстоит от Кроншлота почти на 4 немецких мили. Крепость, которая, собственно, и носит название Кроншлот, стоит против ингерманландской, или южной, стороны на расстоянии пушечного выстрела от острова посреди моря на песчаной отмели, которую большое течение, протекающее там в теснине, день ото дня все увеличивает. Крепость выглядит как круглая башня с тремя галереями, расположенными друг над другом, и снизу доверху уставлена пушками. Основание [крепости] устроили зимой на льду из ящиков с камнями, на них потом было поставлено все сооружение из дерева и земли. Поскольку на острове напротив крепости стоят две батареи в 10–12 пушек, да и большой морской мост, или голова гавани, также обеспечен 40–50, а при необходимости и большим количеством пушек, то вход в течение, ведущее к петербургскому предморью, хорошо простреливается и прикрывается. Да и сами корабли в расположенной позади гавани могут при этом внести свою лепту.

Что же, наконец, до города Ретусари, или Кроншлота, то он, учитывая краткость времени, минувшего с начала его строительства, уже довольно велик, и в частности насчитывает очень много домов. Он, однако, разбросан и со всех сторон открыт, не будучи обнесен ни рвом, ни палисадом, а дома деревянные. Только князь Меншиков возвел большое каменное здание с двумя флигелями, его самый нижний этаж приспособлен для купцов, а два верхних занимают палаты. Царь также приказал возвести четыре больших каменных здания, которые должны сдаваться в наем купцам с их товарами.

Позаботившись о защите «окна в Европу», создатели новой империи во главе с царем Петром приступили к обустройству «чухонских болот», на которых предстояло возникнуть новой столице государства.

Домик Петра Великого, 1703 год
Андрей Богданов, Александр Сумароков, Астольф де Кюстин

Одним из первых строений нового города был временный дворец царя, позднее известный как «домик Петра Великого».

А. И. Богданов – историк, автор первого подробного описания Санкт-Петербурга.

Первый деревянный дом, или дворец, блаженной и вечно-достойной памяти государя императора Петра Великого, который и поныне стоит в Санкт-Петербургском острову, построен в 1703 году.

Сей дворец его величества состоит в небольших хоромах брусчатых, по сторонам по одной светелке, а посередке сенцы; в длину не более десяти сажен, а в ширину три сажени; на верху кровли поставлена мортира, а по концам кровли лежат по одной бомбе с горящим пламенем, расписаны по кирпичному образцу и внутри обиты холстом.

Огорожен сей императорский дом (для охранения в предбудущие роды) каменным шатром, то есть: обставлен каменными столбами с перемычками, и сверху покрыт черепицею, и сия вещь великого удивления пред будущим родам достойна, что такой великий монарх в каком маленьком и убогом домике жить соизволил, о том всяк любопытный может весьма удивляться. <...>

В древних историях два преславных великолепных дома великих монархов превосходно строенные повествуются и за великие дивы почиталися; и во-первых, преславные палаты Кира, царя персидского, потом пребогатый дом Соломона, царя израильского, и третий, нынешних веков славится, – великолепный дом версальский Людовика XIV, короля французского. И оные первые два великих монарших дома за превосходную их величества и красоту, только одних истории древние упоминают и славу их возносят, Версальский же дом всей Европе есть известный, в какой красоте и славе ныне прославляющийся, оному весь свет самовидец есть; и по великости оных монархов таковые и дома себе для чести и славы своей царской имели. Ибо кто был Кир, царь персидский? Кто же и Соломон? Обоих оных не только светская, но и самая священная история славит. Людовик же XIV, король французский, и оный нынешних веков в историях есть государь славный. И тако вышеупомянутые монархи дома себе имели от избытков славы своей.

Посмотри же на Петра Великого, не в числе ли и он помянутых славных монархов? Ежели в военных действиях он есть Кир, царь персидский, победитель не только Европы, но и Азии; в премудрости ли он есть Соломон, царь израильский; в зданиях ли красоте великолепных домов и расширитель гражданства он есть и Людовик XIV, король французский. Петр Великий, толикий в свете славный монарх, великий делом и словом, а ко обитанию жительства себе и ко упокоению многотрудной монаршей своей плоти удобного и пространного дома себе не имел, но благоволяя водворити себя таковой великий монарх в малейшем созданном себе домике, который ничем лучший есть от убогих граждан подобитися может, или яко простой человек в малой хижине пребывая, его же величество, толикий всероссийский император, в таком малейшем доме жить соизволил.

И тако сей малейший первоначальный императорский домик за толикую превосходную свою честь, что толикого великого императора мог вместить в себе жительством, и при том еще достоин есть чести и славы за малейшее свое созидание, еще и мал, но высший есть оных и Кира царя прекрасных палат, и Соломонова многообитательного дома, и оный прекрасный Версаль почтен быть достоин. Сей малый императорский дом паче оных мал есть, но великий в самой

вещи есть, да яко же оный малейшее суденко ботик возродил в России великий флот, тако и сей маленький Петра Великого домик возродил на сем новонаселенном месте превеликое и прекрасное градоздание, и царствующую резиденцию представляя, учинился достоин чести и славы на нестареемые лета.

Позднее домику Петра посвятил оду один из первых русских поэтов А. П. Сумароков.

В пустынях хижина состроена сия,
Не для затворника состроили ея:
В порфире, с кипетром, с державой и короной
Великий государь имел жилище в оной.
Льзя ль пышный было град сим домом обещать?
Никто не мог того в то время предвещать;
Но то исполнилось; стал город скоро в цвете...
Каков сей домик мал, так Петр велик на свете.

А французский дипломат Астольф де Кюстин, побывавший в России в 1839 году, описывая жилище Петра Великого в своих путевых заметках, рассуждал, что личные удобства были для Петра куда менее значимы, нежели строительство нового города.

Я хотел тотчас же пройти через мост, чтобы вблизи осмотреть знаменитую крепость. Но мой новый слуга привел меня сначала к домику Петра Великого, находящемуся против крепости и отделенному от последней одной лишь улицей и пустырем. Эта хижина, как говорят, сохранилась в том же виде, как ее оставил царь. А напротив, в петровской цитадели, покоятся останки императоров и содержатся государственные преступники: странная идея – чтить таким образом своих покойников. Если вспомнить все те слезы, которые проливаются здесь над гробницами властителей России, то невольно покажется, что ты присутствуешь при погребении какого-нибудь азиатского владыки. Но орошенная кровью могила все же кажется менее страшной. Здесь слезы текут дольше и вызваны более тяжелыми страданиями.

В то время как царь-работник жил в своей хижине, напротив, перед его глазами, воздвигали будущую столицу. И во славу ему надо упомянуть, что Петр тогда меньше думал о своем «дворце», чем о создаваемом им городе. Одна из комнат этого домика, в которой царь занимался плотничьим ремеслом, превращена теперь в капеллу, в которую вступают с таким благоговением, как в самый почитаемый храм. Русские любят возводить своих героев в сонм святых; они прикрывают жестокие деяния властителей благодатной силой святителей и стараются все ужасы своей истории поставить под защиту веры.

В домике Петра мне показали бот, который им лично был построен, и другие тщательно сохраненные предметы, оберегаемые старым ветераном.

Летний сад, 1704 год
Фридрих-Вильгельм Берхгольц, Йоганн Геркенс

Неподалеку от царского дворца был разбит первый в новом городе парк – Летний сад. В «Дневнике» камер-юнкера Ф.-В. Берхгольца, сына голштинского дворянина на русской службе, читаем:

9-го герцог, покушав в 4 часа, ходил в царский Летний сад, находящийся прямо против дома, занимаемого его высочеством. Он хотя уже прежде был там на двух празднествах, но видел все только мельком и потому захотел теперь, будучи один и на досуге, с большим против прежнего удовольствием осмотреть хорошенько весь сад. Ни царя, ни царицы не было в Петербурге: они уже несколько дней находились в своих увеселительных дворцах в окрестностях города. Но принцессы только в этот день поехали в Екатерингоф, откуда их ожидали к вечеру. Тайному советнику Клауссенгейму (который думал, что должен будет скоро опять уехать из Петербурга) очень хотелось хорошенько видеть царский Летний сад, и он уговаривал его высочество рассматривать в нем все в подробности.

Сад этот имеет продолговатую форму; с восточной стороны к нему примыкает летний дворец царя, с южной – оранжерея, с западной – большой красивый луг (на котором при всех празднествах обыкновенно стоит в строю гвардия и о котором уже было говорено выше), а с северной он омывается Невою, в этом месте довольно широкой. Расскажу по порядку все, что там есть замечательного. С северной стороны, у воды, стоят три длинные открытые галереи, из которых длиннейшая средняя, где всегда при больших торжествах, пока еще не начались танцы, ставится стол со сластями (mit Confect). В обеих других помещаются только столы с холодным кушаньем, за которые обыкновенно садятся офицеры гвардии. В средней галерее находится мраморная статуя Венеры, которой царь до того дорожит, что приказывает ставить к ней для охранения часового. Она в самом деле превосходна, хотя и попорчена немного от долгого лежания в земле. Против этой галереи аллея, самая широкая во всем саду: в ней устроены красивые фонтаны, бьющие довольно высоко. Вода для них проводится в бассейны из канала с помощью большой колесной машины, отчего в ней никогда не может быть недостатка. У первого фонтана место, где обыкновенно царица бывает с своими дамами, а далее, у другого, стоят три или четыре стола, за которыми пьют и курят табак, – это место царя. Вправо от этой круглой и разделенной четырьмя аллеями площадки с одной стороны стоит прекрасная статуя с покрытым лицом, у подножия которой течет, или, лучше сказать, бьет вода со всех концов, а с другой находится большой птичник, где многие птицы частью свободно расхаживают, частью заперты в размещенных вокруг него небольших клетках. Там есть орлы, черные аисты, журавли и многие другие редкие птицы. Тут же содержатся, впрочем, и некоторые четвероногие животные, как, например, очень большой еж, имеющий множество черных и белых игл до 11 дюймов длиною. В день празднования Полтавского сражения царь, показывая этого ежа его высочеству, приказал вынуть несколько таких игл, которые уже слабо держались. Из них одну я сберег для себя. Кроме того, там есть еще синяя лисица, несколько соболей и проч. В высоком домике с восточной стороны множество прекрасных и редких голубей. На другой стороне фонтана, против упомянутой статуи, устроена в куще деревьев небольшая беседка, окруженная со всех сторон водою, где обыкновенно проводит время царь, когда желает быть один или когда хочет кого-нибудь хорошенько напоить, потому что уйти оттуда нет никакой возможности, как скоро отчалит стоящий вблизи ботик, на котором переправляются к беседке. На воде плавает здесь большое количество самых редких уток и гусей, которые до того ручные, что позволяют кормить себя из рук. По берегу вокруг расставлены маленькие домики, где они, вероятно, запираются на ночь. Здесь же красуется вполне снаряженный кораблик, на

котором иногда потешается карла царя. Против большого птичника устроен еще в виде водопада красиво вызолоченный мраморный фонтан, украшенный многими позолоченными сосудами. Это место (где находится также и оранжерея), бесспорно, одно из лучших в саду; все оно обсажено кустарником и окружено решеткой, которая запирается. Далее отсюда, вправо, стоит большая, сплетенная из стальной проволоки клетка с круглым верхом, наполненная всякого рода маленькими птицами, которые целыми группами летают и садятся на посаженные внутри ее деревца. Еще далее, налево, строится новый грот, который снаружи уже почти совсем готов, но внутри не сделано еще и половины того, что предположено сделать. Он будет очень красив и великолепен, потому что для покрытия его стен и потолка назначается бесчисленное множество разных превосходных раковин, приобретение которых стоило больших издержек. Кроме того, в этом саду находится приятная рощица, о которой я уже прежде не раз говорил, и устроено еще несколько фонтанов; одним словом, там есть все, чего только можно желать для увеселительного сада. Особенно украшают его драгоценные мраморные фонтаны и находящаяся между ними статуя Венеры, которой будто бы 2000 лет и которая, как говорят, куплена у папы за 3000 скуди и подарена царю. Когда мы пересмотрели все и распили несколько бутылок хорошего венгерского вина, герцог поехал домой, потому что становилось уже поздно. При отъезде его высочество приказал вручить несколько червонцев кунстмейстеру, который всюду водил нас и открывал фонтаны. Он сначала отказывался принять их, но наконец взял с радостью. Таким образом мы приятно окончили день, по крайней мере для меня: я всегда особенно радуюсь, когда успею рассмотреть что-нибудь любопытное. Уже прежде я несколько раз собирался в этот сад, но намерение мое все оставалось без исполнения, потому что туда пускают только по воскресеньям, и то не всех.

О саде при царском дворце упомянул и автор «Точного известия о новопостроенной его царским величеством Петром Алексеевичем на большой реке Неве и Восточном море крепости и города Санкт-Петербург», предположительно – немецкий путешественник Й. Геркенс .

Она (царская резиденция. – *Ред*.) представляет собой маленький дом в саду на самом берегу реки, выстроенный в голландском стиле и пестро раскрашенный, с позолоченным оконным переплетом и свинцом [на стеклах].

Рядом расположен маленький птичник, в котором щебечут всевозможные пташки. Далее в саду изящная беседка, устроенная из невысокого штакетника; около нее стоит большой дом для придворных служителей и корабельная кухня его величества. Сзади в саду стоит большой дом, в котором находится водоподъемная машина для фонтанов, приводящая в движение большое колесо. Рядом маленький зверинец с цаплями, аистами, розовыми пеликанами и тому подобными птицами. За водоподъемной машиной есть далее дом для некоторых служителей и караульня, личный состав которой, однако, весьма немногочислен. Наконец, имеется круглая оранжерея с относящимися к ней несколькими маленькими домами.

Сам сад довольно велик и хорошо разбит, однако я не увидел в нем чего-либо особенно достопримечательного, помимо нескольких статуй и бюстов из белого мрамора, особенно изображающих короля Польши Иоанна Собеского и его супругу; также хорошо выполнены бюсты шведской королевы Кристины и еще некоторых других.

В середине сада находится большой водоем, выложенный тесаным камнем, а посреди него – искусственный грот, из которого бьет фонтан. А в оранжерее растет несколько апельсиновых, лимонных, лавровых деревьев, гвоздичных кустов и т. д. Говорят, они доставлены из Польши.

Садовником большого сада был немец, а оранжереи – голландец.

За этим садом находится большой дом и двор, это зверинец [с домашней живностью] и магазин, или кладовая со всевозможными съестными припасами для кухни его величества.

Рядом большой огород; огородником был швед по происхождению. Он благодаря усердному труду хорошо устроил этот огород и привел его в доброе состояние.

В новом городе должны были жить новые люди, европейцы как по духу, так и по облику. Чтобы европеизировать внешний вид россиян, Петр в 1705 году издал знаменитый указ о брадобритии: указ предписывал бритье бород и усов людям «всякого чина», кроме священнослужителей, а также взимание пошлин с тех, кто не захочет этого делать. Той же цели – приближению к Европе – служили и открытие первой в России газеты «Ведомости» (1702), и учреждение Медицинского училища (1707), и указ об обязательном бесплатном обучении (хотя мера эта распространялась лишь на детей дьяконов и священников), и создание Консилии министров (1701) вместо боярской думы, а через 10 лет (в 1711 году) учреждение Правительствующего Сената – высшего государственного органа, подчиненного императору.

Адмиралтейство и адмиралтейские верфи, 1706 год
Анонимный источник

Санкт-Петербург создавался как город-крепость и город-порт. Не удивительно, что одними из первых городских сооружений стали верфи и различные флотские мастерские, а вскоре появилось и здание управления флотом – Адмиралтейство.

Рассказ польского очевидца цитируется по книге М. И. Пыляева «Старый Петербург».

Нас пригласили в адмиралтейство, где ожидал царь. Пройдя мост на канаве и ворота, мы вошли через сени в громадное помещение, где строятся корабли; здесь мы осматривали нововыстроенный большой, красивый корабль, затем отправились в кузницу, где было 15 горнов и при каждом 15 кузнецов с мастером. Оттуда мы прошли через другой канал к большому трехэтажному дому, выстроенному в виде треугольника на прусский манер. Царь ходил с нами по разным магазинам, находящимся в этом здании; мы осматривали все корабельные принадлежности: были там канаты навощенные, насмоленные, намазанные разным жиром; некоторые были толщиной в половину человека, гвозди для прибивки досок лежали большими кучами и т. д. Несколько палат завалены были большим количеством тяжелого, как олово, дерева, привезенного из Ост-Индии; царь говорил, что если бы у бояр его было столько дерева, то ему хватило бы его на два года. Это дерево употреблялось для выделки колес, вращающих канаты; далее царь им показывал несколько других вещей; затем в двух комнатах они увидали множество меди, взятой у шведов, и царь при этом сказал послу, что «это шведы ему пожаловали». Гости после отправились в галерею, находящуюся в среднем этаже, где адмирал Апраксин угощал их одними корабельными блюдами, т. е. копченой говядиной, языком, морскими рыбами и т. д.; давали и полпиво очень холодное. В это время на башне играла музыка. Посидев немного, мы отправились в коллегии, где было много молодежи. Там столы накрыты были зеленым сукном, на стенах развешаны зеркала, чертежи, гравюры. Преподаватель здесь объяснял военное искусство. Отсюда мы сошли к каналу, в котором стояло несколько судов с насосами. Потом пошли в комнату, где была библиотека, в которой были большие запасы разного рода бумаги: белой, серой, черной. Несколько комнат было занято готовым платьем разного цвета, на 24 000 человек. Затем пошли мы через канал, где живут разного рода ремесленники, видели, где цирюльники приготовляют мази и пластыри для ран, было здесь около восьмисот портных, работающих над парусами. Было там тоже здание большое и широкое на сваях, в два этажа; здесь приготовляли модели кораблей. Вечером, когда стал идти дождь, мы отправились в комнаты, где было много вина и пива и где начальник кораблей Головин нас угощал. Он носит постоянно золотой циркуль, украшенный драгоценными камнями, в знак своего достоинства. Царь его на каждом пиру сажает с собой рядом, пьет его здоровье и делает с него гравюры. Во время пира царь привстал и, кланяясь, налил вино, ходил и раздавал нам всем рюмки, исполняя свою обязанность так, как если бы не сделал этого, то должен был бы уплатить штраф.

Александро-Невская лавра и перенесение мощей святого Александра Невского, 1710 год Обри де ла Мотрэ, Фридрих-Вильгельм Берхгольц

Формальные градообразующие признаки европейского города XVIII века – наличие ратуши (магистрата) и городской церкви или собора. Роль первой в Санкт-Петербурге играл сначала дворец Петра Великого, затем дом А. Д. Меншикова, генерал-губернатора Петербурга, а в 1710 году началось строительство собственно ратуши на Троицкой площади. Что касается городских церквей, то на берегах Невы были построены две церкви Пресвятой Живоначальной Троицы (1703 год и 1710–1711 годы, вместо сгоревшей первой), а в 1710 году был основан главный городской монастырь – Александро-Невский (в 1797 году он получит статус лавры). Заметим, что Петропавловский собор, возведенный по проекту Доменико Трезини, был освящен архиепископом Феофаном Прокоповичем только в 1733 году.

По преданию, царь Петр повелел заложить монастырь на том самом месте, где в 1240 году Александр Невский разгромил шведов. В честь князя, которого церковь признала святым покровителем нового города, и в память о соборной церкви Живоначальной Троицы он получил название Свято-Троицкого Александро-Невского монастыря.

Французский путешественник О. де ла Мотрэ посетил монастырь в 1726 году.

Красота местности и дороги, но более всего превосходные манеры принявшего меня настоятеля побудили меня побывать там еще; я ездил в монастырь четыре раза. Первый раз – в конце сентября, спустя три-четыре дня по прибытии в Петербург, вместе с г-ном и г-жой Лефорт, представившими меня настоятелю. Он оказал нам в высшей степени любезный прием, угостил превосходными цукатами, фруктами, тонкими винами и ликерами. По происхождению он серб, и его мать по-прежнему жила в Буде. Он угощал нас вином из винограда, растущего в окрестностях этого города, с которым я немного познакомился, дважды его проезжая. Настоятель довольно хорошо говорил на латыни, немного по-турецки и на простонародном греческом. Его одежда была черной, как одежда калоерос, или греческих монахов... с той лишь разницей, что подкладка была из пурпурного атласа. На шее он носил золотую цепь, на ней висел золотой крест с шестью изумрудами, пересыпанный на перекладине маленькими бриллиантами. Настоятель жил или по крайней мере принимал гостей в довольно хорошем доме, с юга отделенном от монастыря большой площадью. При доме есть приятный и плодородный сад. Этот монастырь, если когда-либо будет закончен, должен стать превосходным по архитектуре, самым прекрасным и самым большим во всей России. Чтобы дать общее представление о нем, достаточно было бы сказать, что проект создал синьор Трезини и к постройке было привлечено несколько других хороших архитекторов. Я сказал: «если когда-либо будет закончен», так как в ту пору была сделана лишь половина <...> великолепная церковь, которую начали возводить, должна была находиться в центре всего ансамбля, а ансамбль должен был стать таким, как он изображен на той же гравюре.

Богослужение тогда проводилось в другой церкви, <...> она построена в основном из дерева, но очень приятна. В пределах ансамбля есть, кроме того, чрезвычайно красивая часовня – истинная жемчужина по своей архитектуре и декору. Именно в этой часовне покоится прах св. Александра Невского. Он в гробу, покрытом малиновым бархатом, украшенным по углам золотым шитьем, галунами и бахромой. Гроб находится в южной части алтаря. Несколько ниже на той же стороне стоит трон, на котором сидел Петр I во время церемонии канонизации Александра Невского. Трон украшен подобным же шелком, над троном императорская корона, расшитая золотом. Трон достаточно большой, чтобы на нем могли сидеть два

человека; императрица (как мне говорили) в день церемонии сидела на нем рядом с Петром I. Когда она приезжала в монастырь после смерти этого монарха (что делала довольно часто) и присутствовала на богослужениях, проводившихся тогда в этой часовне, она обычно сидела на троне. Князь Меншиков, как правило, сопровождавший ее, сидел слева от нее в кресле с подлокотниками. Когда я впервые увидел ее [в Петербурге] вне дома, мне сказали, что она направлялась туда (в монастырь). У нее на шее был орден св. Екатерины на белой ленте. Расстояние, с которого я наблюдал, не позволило мне разглядеть образ святой, я видел крест, сверкавший драгоценными камнями. Мне говорили, что образ – в середине на эмали, а с другой стороны девиз.

Что касается внешности императрицы, она весьма и весьма изменилась с тех пор, как я видел ее на реке Прут в 1711 году. Императрица утратила хороший цвет лица, отяжелела, лицо располнело и приобрело желтизну и некоторую бледность – словом, она выглядела так, будто ей угрожала водянка.

Монастырь весь – из камня и кирпича; то, что уже закончено, чрезвычайно хорошо спланировано и выполнено. Трапезная – одна из самых больших, виденных мною, и имеет свыше 50 шагов в длину и 26 в ширину. Над ней зал, или галерея, почти таких же размеров и высоты. Монашеские кельи очень приятны, там живет 65 монахов, помимо настоятеля. В соответствии с установлением Петра I никто не мог быть принят в этот монастырь без экзамена и доказательств учености и доброго поведения. Петр I взял лучше подготовленных и менее невежественных из других монастырей, которые он упразднил, превратив в госпитали или во что-либо иное. Предполагалось, что по завершении строительства монахов должно было стать по крайней мере вдвое больше. Однако они в большинстве своем не могли воздерживаться от неумеренного употребления спиртных напитков, о чем я скажу ниже. Настоятеля считали добрым священником и способным математиком. Петр I с пользой употреблял его в различных церковных и мирских делах. Император назначил его на этот пост вместо Феодосия, которого за несколько месяцев до своей смерти поставил архиепископом Новгородским. Последнего считали одним из самых ученых священнослужителей всей России и в то же время злейшим врагом суеверий. Это качество являлось достоинством при Петре I, но не при Екатерине I, и обеспечило ему слишком могущественных врагов среди духовенства, особенно монахов, которые попытались взять верх, как только она взошла на имперский престол. Как мне говорили, императрица более боялась их, нежели любила; она возвратила им многие доходы и привилегии, отнятые Петром. Императрица полагала, что за это они станут ее поддерживать. Князь Меншиков был злейшим врагом Феодосия (величайшее преступление которого в том и состояло), никогда не переставая преследовать его, до тех пор пока не добился от Синода решения о его отставке и ссылке. Основными пунктами обвинения, выдвинутыми против Феодосия от имени духовенства, было то, что «он обезображивал и уничтожал образа в церквах... в своих проповедях отрицал чудеса, совершенные некоторыми из этих святых, и выступал против их почитания, считавшегося обязательным в учении святой греческой церкви, и т. д.». Обвинения от имени императрицы заключались в том, что «он пытался в союзе с другими недовольными лицами опровергнуть достоверность распоряжения покойного императора относительно престолонаследия, что он вел разговоры с целью вызвать недовольство персоной ее императорского величества, представить ее правление как узурпацию и пытался подбить ее подданных на бунт против нее».

Никто не посмел выступить в его защиту, кроме графа Толстого. Относительно первого обвинения тот сказал, что прелат поступал по прямому приказу покойного императора, а что касается последнего обвинения, то помимо слова князя и заявления о том, что он якобы располагает бесспорными фактами, нет доказательств относительно каких-либо действий прелата против императорского престолонаследия. Слово князя сочли достаточным, а сказанное графом лишь дало повод князю представить императрице графа как одного из недовольных. Она,

возможно, лишила бы службы и своей благосклонности графа, которого никак нельзя было счесть другом князя, если бы не помнила, что за несколько дней до кончины император Петр рекомендовал ей графа как человека, наиболее подходящего для поста, тогда им занимаемого, или если бы она не опасалась какого-нибудь рокового переворота со стороны русской знати. Князь, который не мог не предвидеть, что ее падение неизбежно и одновременно повлекло бы за собой и его собственное, дождался другой возможности одержать верх над графом – той, о которой я упоминал.

Приехав во второй раз в монастырь св. Александра Невского, я застал там князя Меншикова, он обедал и еще сидел за столом с новым епископом Новгородским, одной из его креатур, и с настоятелем. Меншиков сидел между епископом и настоятелем, при кресте св. Андрея на голубой ленте... Архиепископ был одет так же, как настоятель, носил такой же крест, с той только разницей, что в его середине был лишь один изумруд; крест был украшен также бриллиантами и сапфирами.

Приехав в монастырь, я увидел, что подавали последнюю перемену блюд. 12 монахов сидели вокруг стола, на котором стояли бутылки и большие стаканы, а в руках у монахов были псалтыри и листы бумаги. В комнате, примыкающей к залу, где находились три высокие персоны, эти монахи в продолжение всего обеда распевали гимны во славу Господа и святого Александра. Пели также песни, прославляя императрицу Екатерину и князя Меншикова, и в перерывах пили. Один из них, видевший меня в обществе настоятеля в первое мое посещение монастыря, пригласил меня войти и сесть с ними. Я сделал это, чтобы послушать их пение. Не успел я войти, как он предложил мне полный до краев большой стакан. Едва я его выпил, как другой монах подал мне еще стакан, затем мне дали третий; это повторялось столь быстро и часто, что я сказал своему знакомцу, довольно хорошо говорившему на латыни, что прошу компанию позволить мне самому обслуживать себя, как привык в своей родной стране. Он это передал, но монах, как раз наполнивший для меня стакан, оказался пьяным и, обидевшись на эти слова, выплеснул вино ему в лицо. Тут я поднялся, намереваясь уйти и попросив у знакомца прощения за то, что оказался причиной этой грубости. Он ответил, что это ничего, и от имени всей компании просил меня остаться, обещая, что мне не придется пить больше, чем хочу. Пьяный монах вышел из комнаты и, по дороге встретив одного из слуг князя Меншикова, так толкнул его локтем, что тот упал, но вместе с ним свалился и монах. Поскольку он не смог подняться, двое самых сильных в нашей компании подхватили его под руки и уволокли в его келью, где и оставили. Не прошло 20 минут, как двое других, не менее пьяных, затеяли драку, ударяя то один, то другой своими книгами и получая ответные удары. Я не имел желания более смотреть на это, поблагодарил моего знакомца, попросил его позволить мне удалиться, так как я был приглашен графом Рабутиным (я действительно обещал провести с графом вечер). Он позволил мне уйти, взяв обещание приехать снова и вскоре вновь увидеться с ним. Я, воспользовавшись суматохой потасовки, удалился, не встретив сопротивления. Я сдержал свое слово и спустя несколько дней вновь приехал с целью нанести ему визит. Монах этот весьма разумный человек, обладал некоторой ученостью; он прежде учился за границей.

Прах князя Александра Невского покоился во владимирском Рождественском монастыре. В 1723 году царь Петр распорядился перенести мощи святого в монастырь его имени. Перенесение мощей сопровождалось красочной церемонией, которую наблюдал Ф.-В. Берхгольц.

30-го (августа – по старому стиля, 12 сентября – по новому стилю. – *Ред.*), в воскресенье, в 5 часов утра три пушечных выстрела подали всем буерам, торншхоутам и другим маленьким судам сигнал для отплытия к Александро-Невскому монастырю, а часов в десять раздался точно такой же сигнал для всех барок, шлюпок и вереек. Поэтому и его королевское высоче-

ство послал туда свою барку, но сам не поехал, между тем как императрица и императорские принцессы отправились в монастырь. На старом маленьком боте, родоначальнике всего русского флота, развевался императорский государственный флаг. Когда все суда выстроились в ряды, а именно около часа пополудни, показался гроб с мощами святого Александра (если они только были в нем). Его везли на большой, как говорили, адмиральской галере, на которой спереди помещались три большие металлические пушки. Он стоял под большим балдахином, и за ним следовала императорская яхта, называемая «Принцесса Елисавета». Как скоро эта адмиральская галера стала подходить ближе, ей начали салютовать – сперва знаменитый ботик, стоявший на якоре впереди всех, из маленьких металлических пушек, а потом и вся флотилия. Яхта «Принцесса Елисавета» отвечала из своих пушек. Император, князь Меншиков и многие другие знатные русские господа выехали навстречу мощам, а затем его величество и бывшие с ним возвратились на галеру, на которой в честь святого развевался императорский флаг и на которой с веслами сидели все гвардейские гренадеры. Когда адмиральская галера причалила к нарочно устроенной пристани и гроб перенесли на берег, со всех судов два раза выпалено было из пушек. После того офицеры с церемонией понесли гроб в монастырь. Гроб этот, серебряный, вызолоченный, несен был под большим бархатным балдахином, на котором стояло серебряное распятие. Все духовенство в богатейших облачениях встретило его у моста. Оно шло потом впереди и позади гроба. Император находился между шедшими впереди певчими, а прочие русские господа шли кто впереди, кто позади. Во время этой процессии звонили во все колокола и не было видно ничего, кроме необъятного множества зрителей, которые крестились и кланялись. Большая часть из них, проникнутая глубоким благоговением, горько плакала; но были такие, которые смеялись или смотрели с сожалением на слепую и глупую толпу. Император с обеими императорскими принцессами, обе герцогини и все дамы в великолепнейших нарядах находились на переднем монастырском дворе, у архиерейского дома, и там ждали приближения гроба. Увидев его, они также начали креститься и кланяться, причем некоторые старые дамы заливались слезами не менее простолюдинов. Как скоро гроб пронесли мимо ее величества императрицы, она последовала за ним со всею своею свитой, идя перед духовенством, шедшим позади его. Освященная только в этот день утром часовня нового монастыря, где должны были оставаться мощи святого до окончательного устройства главной церкви и всего монастыря (еще вполовину не отделанного), возвышалась на целый этаж от земли; к ней вела поэтому очень большая и широкая терраса, по которой гроб и внесли туда. Тотчас после того, как его поставили на место, из окна был выкинут флаг, которым подали сигнал к началу пушечной пальбы в третий раз. Затем духовенство совершило в часовне несколько церемоний, после которых знатнейшее духовное лицо сказало похвальное слово святому Александру Невскому, продолжавшееся почти целый час. По окончании его совершены были еще кое-какие церемонии, и тогда их величества, равно как прочие высокие особы и все присутствовавшие, отправились опять на свои суда. Возвратившись вечером в С.-Петербург, мы узнали, что несколько монахов Александро-Невского монастыря приезжали приглашать туда его высочество к обеду на другой день и что князь Меншиков вечером того же дня будет все общество угощать у себя. Ввечеру город в память мира с Швецией был иллюминован.

В 1724 году впервые состоялось празднование памяти Александра Невского как святого покровителя Санкт-Петербурга.

Город строится, 1710–1720-е годы
Петр I, Карл Рейнхольд Берк, анонимный источник

Первоначально город был деревянным (*а валы Петропавловской крепости – и вовсе земляными*). *С 1704 года в Санкт-Петербург со всей страны направляли плотников, которые трудились на верфях, строили мастерские, склады, укрепления и жилые дома. Естественно, деревянному городу угрожали пожары: так, в 1710 году огонь уничтожил первый гостиный двор и первую церковь Пресвятой Живоначальной Троицы.*

В 1714 году произошло знаменательное событие: царский указ повелел строить в Петербурге каменные дома, «како столице подобает»; более того, второй указ запретил на несколько лет вести каменное строительство где-либо в России за пределами города.

Царского величества указ о строении домов

Прошлого апреля 4 дня, публикован его царского величества указ, дабы при Санктпетербурхе на городском и адмиралтейском островах, также везде по большой Неве и большим протокам деревянного строения не строить, а строить мазанки. А окромя двух вышеписанных островов и набережных домов строить и деревянные. А каким манером домы строить, брать чертежи от архитектора Друзина. А печи делать с фундаменту с большими трубами. А кровли крыть везде ли дерном в два дерна, по жердям с скалою, а не по драни или тесу, или черепицею. А инако отнюдь не крыть под жестоким штрафом. Также по всем улицам застроивать строением, а не заборами и конюшнями. А ныне его царского величество указал тот вышеозначенный указ подтвердить, дабы всеконечно в строении домов чинили по тому его царского величества указу под опасением жестокого штрафа. А строить дома по манеру, каковы при сем указе кто как захочет при препорции дворовых мест. <...>

Понеже здесь (в Петербурге. – *Ред*.) каменное строение зело медленно строится от того, что каменщиков и прочих художников того дела (достать) трудно и за довольную цену, того ради запрещается во всем государстве на несколько лет (пока здесь удовольствуются строением) всякое каменное строение.

Двадцать лет спустя в Петербурге побывал К. Берк, будущий член шведской Академии изящной словесности, истории и древностей. В его записках сохранились подробности того, как велось (*с 1712 года*) *каменное строительство в столице России*.

Вообще о Петербурге известно, что весьма немногие русские поселились в нем по доброй воле, и особенно это относится к Васильевскому острову. Бояре получили приказ строить каменные дома соответственно их состоянию и по выданному чертежу. Им пришлось повиноваться, но поскольку без охоты, то они под любым предлогом – поездок по делам в другие местности и т. д. – старались уклоняться от завершения строительства или тянуть время до тех пор, пока у государя не пройдет первый пыл, и потом с радостью оставляли начатые дома.

Посему на этом острове много с размахом заложенных дворцов без окон, дверей и полов, они с каждым днем все больше разрушаются. Не похоже, что их когда-нибудь достроят, поскольку вся знать желает быть близ императорского двора или по крайней мере на том же берегу реки.

С деревянными строениями дело обстоит подобным же образом – весьма многие на этом острове и в других местах так и не были завершены либо, с радостью покинутые владельцами, за несколько лет совершенно разрушились, что ужасно обезображивает город.

За эти прошедшие 30 лет в Петербурге было построено больше, чем можно увидеть глазами, так как очень многое из хорошо построенного снесено, а взамен построено другое, или же построенное разрушилось до основания и возведено заново. Порой признается подлежащей сносу целая улица хороших деревянных строений, а их владельцы получают приказ за год-два возвести каменные дома определенной высоты. Они должны немедля ломать свои дома, переносить их во двор или на другое место, где разрешается стоять деревянным строениям, или по дешевке продавать свои постройки, уступая дворовое место тому, кто хочет [тут] строиться в камне.

Способ строительства

Но как же в России строят? Это делается без старательных поисков добрых материалов и не приноравливаясь к должному времени года. Из плохо обожженного кирпича, только что срубленных бревен и сырых досок быстро и даже посреди зимы возводят дом, который снаружи выглядит сносно, но спустя непродолжительное время замечаешь, что крыша, пол и двери рассохлись, а стены сгнили. Владельца это мало печалит, ему лишь бы построить дом; какое-то время он может сполна взимать плату за наем и в конце концов оставит дом пустым, пока не поступят новые приказы.

Архитектура приблизительно такова. На болотистом грунте, в котором невозможно вырыть подвал, стоит дом с толстыми каменными стенами (они вследствие упомянутого беспечного способа строительства не высохнут и за несколько лет), деревянными крышей и стоком, английскими окнами, орнаментом вокруг них и над воротами, тоже из крашеного дерева; наружные сени и лестница построены со стороны двора, они тоже деревянные; все славно и удобосгораемо. Нет домов выше трех этажей, включая самый нижний – это подвал, причем очень низкий. Поэтому много изрядных домов, куда не проходит ни одна карета, и до́лжно ездить через задние ворота, или же проломлена стена второго этажа, и тогда проход становится высоким, как триумфальные ворота; оба эти способа вполне безобразны.

В комнатах русских людей редко увидишь обои, а лишь несколько зеркал, столов и стульев; кафельные печи очень большие и топятся преимущественно из сеней. Часто они стоят прямо на балках черного пола, слишком близко к дереву, так что пожары возникали главным образом из-за скверной конструкции кухонных и изразцовых печей. Потому пришлось запретить горожанам отапливать комнаты после пяти часов вечера, дабы огонь не застиг людей спящими.

В Петербурге найдется мало домов, которые не имели бы своих ледников. Их строят тоже над землей, из дерева, с двойными стенами, засыпая промежутки между ними камнями и землей. Лед обычно нарубают на Неве, так как на каналах он редко бывает достаточно толстым. Но всякий живущий на берегу может рубить лед только напротив своего дома, а также обязан не забыть обнести прорубь оградой. Другие должны внести за нарубленный лед определенную сумму в полицию. Обычно какой-нибудь работник становится подрядчиком – вносит плату в полицию, находит себе помощников и поставляет лед в подвалы по 10–15 копеек за квадратную сажень, в зависимости от расстояния до дома. Говорят, в Москве один-единственный человек арендовал торговлю льдом по всему городу. Кто не желает нести такие расходы, но не имеет пруда в своем саду, тот сгребает в кучу снег, он в оттепель уплотняется, потом замерзает и делается столь же хорош, как любой другой лед.

О том, как появлялся каменный Петербург, свидетельствовал и один из членов польского посольства 1720 года. Его слова цитирует М. И. Пыляев.

Здесь всякий сенатор, министр и боярин должен иметь дворец; иному пришлось выстроить и три, когда приказали. Счастлив был тот, кому отведено сухое место, но кому попалось болото и топь, тот порядком нагрел себе лоб, пока установил фундамент; еще и теперь, хотя дома и отстроены, но они трясутся, когда около них проезжает экипаж. Здесь есть церкви, коллегии, дворцы и лавки, где можно получить все. Лавки – это четырехугольное строение, в котором как по одну, так и по другую сторону живут купцы. Дворцы громадные, каменные, с флигелями, кухнями и удобствами, но только они наскоро построены, так как при малейшем ветре валятся черепицы. Сады очень красивые. Я слыхал от самого царя, который сказал нам: «Если проживу три года, буду иметь сад лучше, чем в Версале у французского короля». И в самом деле сюда привезена для сада морем, из Венеции, даже целая беседка из алебастра и мрамора, расположенная у самой реки между каналами. За дворцом Меншикова находится французская улица, где живут одни ремесленники, как то: скульпторы, плотники, мастера, делающие фонтаны, а также и те, которые выделывают разные вещи из олова и других металлов, но все это для царя. На берегу Невы есть длинный двухэтажный каменный дом, в котором шесть комнат внизу и столько же наверху. С одного берега до самого дома проложен мост, на котором находится избушка и балкон столярной работы. В каждой из комнат этого дома стоят станки для выделывания полотна. На противоположной стороне реки есть другое здание, где выделывают крахмал. Есть два стрельбища, где учат стрелять из пушек.

Зимний дворец, 1711 год
Карл Рейнхольд Берк

Одна из главных достопримечательностей Санкт-Петербурга – Зимний дворец работы Ф. Растрелли – появилась лишь во второй половине XVIII века. Это четвертый по счету Зимний дворец; первый был построен в 1711–1712 годах близ Зимней канавки, второй строили в 1715–1722 годах.

Шведский путешественник К. Берк описал в своих путевых заметках второй (Старый) и третий (Новый, 1732–1736) Зимние дворцы.

Старый Зимний двор

Во время Петра I и Екатерины русский двор еще не был таким регулярным и пышным, как ныне, потому не требовал обширных покоев. Зимой государи жили в большом каменном доме на берегу прямо напротив крепости. Этот дом, называемый сейчас Старым Зимним двором, не имеет ничего, что бы отличало резиденцию столь великого монарха. Он стоит очень стесненно, а именно: с востока стеной к стене с частным домом; с юга проходит улица, откуда также въезжают через не слишком большие ворота; с запада – узкий канал, проходящий у самой стены, и с севера река Нева, где ширина берега едва 15 шагов и имеется лишь простая деревянная лестница. Архитектурные украшения есть только на фасаде, выходящем на Неву, да и они не особенно дорогие. Колонны кирпичные, а скульптуры под окнами и статуи и морской наградной венок (знак любви Петра I к морскому делу) вверху на фасаде – все это деревянное. Если что-то и может быть названо дорогим – так это железная крыша, которая, правда, в местах, где проржавела, постепенно была снята и заменена дранкой, как и у всех других [крыш] в городе. Во внутреннем дворе есть портики, идущие вокруг дворца и совершенно лишенные украшений.

При упомянутых правителях дворец, однако, был не таким большим, как теперь, ибо тогда между вышеотмеченным большим [домом], где сейчас въезд, и берегом параллельно проходила узкая улица. Вся она теперь ушла под помещения. Потому и Петр из-за нехватки места держал свои мастерские и токарные станки по соседству в маленьких деревянных постройках и велел возвести во дворе каменный домик, в котором принцессы имели свои комнаты.

Но Петр II с приходом к правлению не жил уже в этом дворце, ибо сей юный император попал под такое влияние князя Меншикова, что даже и жил у него на Васильевском острове. С падением этого фаворита государь переехал в Летний двор, а затем в Москву. Ныне правящая ее величество императрица пробыла в старой столице едва два года до своего прибытия в С.-Петербург. Старый Зимний двор был тогда сочтен слишком тесным и потому оставлен под квартиры итальянским комедиантам, музыкантам и некоторым придворным служителям.

Новый Зимний двор

Государственный адмирал Апраксин завещал Петру II свой большой и по петербургским понятиям красивый дом, расположенный в нескольких сотнях шагов западнее Зимнего двора. Дом с приездом ее величества был взят под императорский; стоявшие восточнее дома графов Савы и Ягужинского также были взяты у владельцев. Стены были проломлены, и эти дома соединены с домом Апраксина; все они теперь и называются Новым Зимним двором.

В той части [дворца], где живет императрица, помещения довольно красивые, хотя и не по-императорски. Лестница деревянная, а передняя очень тесная. Но вот что способно возмутить шведа: в этой передней висят два одинаковых портрета короля Карла XI в полный

рост, выполненные Эренстралем, и портрет королевы Ульрики Элеоноры Старшей, тоже кисти Эренстраля; поколенный портрет короля Густава-Адольфа; портрет сидя полководца Понтуса Делагарди, а также поясные портреты других иностранцев и среди них – датского короля Фредрика Четвертого. Подозреваю, что они утащены из разных лифляндских домов (тем более что есть два одинаковых изображения Карла XI, а ведь известно, что наши короли часто дарят свои портреты, выполненные один по другому) и находились, говорят, в комнатах графа Апраксина, но когда готовили покои для государыни, русские нравы позволили повесить их в передней.

В большом зале, где до начала этого года танцевали и кушали по торжественным дням, есть плафон, расписанный в хорошем итальянском вкусе. Однако русские не постеснялись забить в двух местах железные скобы – вероятно, для закрепления балдахина или чего-либо подобного. В этом зале над дверьми висят пять превосходных картин. Стенные ковры, китайские шпалеры, большие серебряные люстры, зеркала и тому подобные украшения комнат представляют, конечно, ценность, но не заслуживают запоминания.

Однако императрица нашла этот Зимний двор не достаточно большим и посему приказала снести массу стоявших западнее незначительных зданий, а на их месте возвести большой флигель. Он, правда, не более двух с половиной этажей, но длинный и с несколькими выступами на фасаде. Если взглянуть на всю композицию в целом, не задерживаясь на отдельных ее частях, то это здание превосходно, не следует только искать в нем прекрасных образцов архитектуры и тесаного камня, ибо найдешь не что иное, как немного рустики на самом нижнем этаже, а на других несколько пилястров и карнизов над окнами. Все это выполнено грубо и скверно из кирпича и гипса, а сама крыша выстлана дранкой.

Архитектором дворца является итальянец Растрелли, приехавший в Россию в юном возрасте и, следовательно, мало поучившийся у добрых мастеров, но обладающий хорошей головой и стремлением к успеху. Он жаловался на русских, желающих иметь всякое здание готовым как можно скорее. Через считанные дни после приказа о создании чертежа он уже должен быть готов и обычно тут же утверждается, между тем как художник, пекущийся о собственной репутации, хочет еще несколько раз просмотреть и улучшить свой первоначальный проект. Сразу спрашивают, как скоро он может быть реализован. Если архитектор отвечает, что на это потребуется, скажем, шесть месяцев и 200 работников ежедневно, то следует приказ собрать 1200 человек, с тем чтобы здание было выстроено за месяц. Все делается в страшной спешке, принимаются за работу мастеровые – и худые, и умелые; быстро свозятся материалы, плохие они или хорошие; замки для дверей выпиливаются, когда еще только закладывают фундаментные камни, и так далее. Архитектор должен наблюдать за всем этим и давать чертеж то тому, то другому чуть ли не одновременно. Посему его можно извинить, если не все окажется учтенным и исполненным.

Огромное деревянное здание в Москве с разбитым партером и водяными затеями [перед ним] было совершенно готово и обставлено, так что двор смог в него вселиться спустя три с половиной месяца после того, как принялись обтесывать первое бревно.

Новое деревянное здание у Летнего двора, которое в длину не менее 150 шагов и весьма красиво, было построено за шесть недель. На вышеупомянутый флигель понадобилось не более трех лет, прежде чем почти все комнаты могли быть заселены.

Прообраз того дворцово-музейного комплекса, который известен ныне как Государственный Эрмитаж, появился в 1762 году, когда Ф. Растрелли завершил строительство «капитального» Зимнего дворца.

Гостиный двор, 1713 год
Андрей Богданов

Подобно Зимнему дворцу, Гостиный двор отнюдь не сразу обрел свой нынешний облик (*и нынешнее местоположение*). *Первый гостиный двор, еще деревянный, появился в городе в 1705 году. О том, что было дальше, рассказывает первый историк Петербурга А. И. Богданов*.

1. Сперва за гостиный двор почитались просто ряды, в которых продавались товары всякие смешанные, а не сортно, так что в одной лавке сукно и сапоги, холст и камки, и прочие сему подобные товары продавались.

2. Оные первоначальные ряды сперва были на Троицкой площади, и в 1710 году переведены на то место, где на Санкт-Петербургском острове старый отдаточный дом стоял, а ныне по новому плану выстроены обывательские дворы.

3. Первый гостиный двор мазанковый, построенный на Санкт-Петербургском острове на Троицкой площади в 1713 году, который был немалой величины в два апартамента, в нижнем были торговые лавки, а вверху кладовые амбары, и сквозь оный начат был и канал строиться, дабы сквозь оный могли всякие торговые суда проходить, а внутри сего дома находилась деревянная ратуша, и в 1735 году все купечество перешло торговать на Адмиралтейскую сторону для того, что на Адмиралтейской стороне жителей стало умножаться, а на Санкт-Петербургской стороне умаляться.

Потом в том старом гостином дворе лежала полковая амуниция, а в 1737 году оный разобран.

4. Гостиный двор каменный, прежде именованный Мытный, на Адмиралтейской стороне построен в 1719 году, на самом том месте близ Зеленого моста на Мойке, где ныне дом генерал-полицмейстера и кавалера Николая Ивановича Чичерина, наименован Мытным потому, что оный построен был только для продажи съестных припасов, но между тем несколько лавок занято было и с разными товарами, и потом отчасу более стало умножаться в нем купечества с хорошими и богатыми товарами, оный более стал именоваться Гостиным двором, а не Мытным.

Сей Гостиный, или Мытный, двор в 1736 году, загоревшись изнутри, весь сгорел, и от того пожара весь развалился, понеже оный строен был весьма стенами тонко, потолки, двери и затворы все были деревянные, и, не стерпя сильного огня, распался, а напоследи и остатки разобрали.

В Морской улице гостиный двор каменный расположением был построен таким образом, чтоб внизу были торговые лавки, а наверху жилые покои, остатки оного и ныне есть и слывут под именем Чиркиных лавок.

5. Гостиный двор на Васильевском острове, который прежде зачат был строиться в 1721 году после Кадетского сада, который потом отменен в 1722 году, и оное строение гостиного двора так и осталось.

6. Гостиный каменный двор, который застроен был в 1722 году Мытным двором, на Васильевском острове, по Малой Невке, который и окончен 1735 года.

На сей гостиный двор в 1736 году после случившегося тогда сильного пожара на Адмиралтейской стороне (от которого, как выше упомянуто, тогда гостиный двор сгорел) хотели торг всего купечества перевести торговать на Васильевский остров, на вышеобъявленный гостиный двор.

Но всему купечеству на Васильевском острове быть главному торгу не понравилось, что и отменилось по их желанию.

И оный гостиный двор ныне занят весь под кладовые товары, привозимые от всех городов для порту или заморского отпуска.

При сем гостином дворе имеется корабельный порт, портовая и внутренняя таможня и биржа, почему и называется портовый гостиный двор.

7. Новый деревянный гостиный двор зачат строиться в 1737 году на Адмиралтейской стороне, где была роща березовая подле большой Невской першпективной дороги.

Сей гостиный двор построен коштом всего купечества для того, что бывший каменный гостиный двор на Мойке у Зеленого моста от пожара в 1736 году сгорел и за неисправностью в скором времени из казны выстроиться не мог, то по изволению купечества построить на счет казенный; и когда оный построится, тогда из Санкт-Петербургского острова старого гостиного двора торг весь переведен.

Ныне на сем месте строится большой каменный гостиный двор в два этажа, по Невской першпективе и по Большой Садовой улице.

Большой Гостиный двор (*проект Ж.-Б. Валлена-Деламота*) *был закончен лишь в 1785 году.*

Кунсткамера, 1714 год
Андрей Богданов, Обри де ла Мотрэ

Еще до основания Петербурга при царском дворе начали собирать коллекцию всевозможных диковинок для «просвещения умов невежественных», причем в своем стремлении просветить народ царь Петр следовал совету знаменитого немецкого философа Г. В. Лейбница. В 1714 году эту коллекцию перевезли из Москвы в новую столицу государства. Сначала она размещалась в царском Летнем дворце в Летнем саду, затем в Кикиных палатах (*особняке корабела А. В. Кикина*)*; в 1718 году началось строительство особого здания, которое и появилось на Васильевском острове 16 лет спустя.*

О коллекции Кунсткамеры («*кабинета редкостей*») *А. И. Богданов писал*:

Императорская кунсткамера начала собираться в 1714 году, а во Академию наук соединена в 1724 году, которая чрез 33 года в большую силу и величество всяких любопытных вещей приумножена, так что никаких прочих преосвященных держав собраниям редкостей не уступает. Вещи в ней следующие:

1. Большой Готторпский глобус, который в 1716 году государю императору Петру Великому во время путешествия в чужих краях подарен от владеющего Шлейзвиг-Голстинского герцога и из Киля привезен сухим путем в Петербург.

Сей глобус: 1) снаружи изобразует земной глобус; 2) внутри небесный; 3) посреди его стол круглый, а на сем 12 зодий; 4) посреди того стола в половину диаметра маленький земной глобус; 5) весь оный глобус движение свое имеет чрез машину; 6) внутрь его вмещается 12 человек; и сей глобус во всем мире славен есть отменною величиною.

2. Камера, в которой хранятся всякие математические инструменты, модели, корабельные машины, сферы, зрительные трубки и прочие.

3. Камера, в которой стоят токарные машины и к ним принадлежащие инструменты, все оные машины собственные были блаженной и вечнодостойной памяти государя императора Петра Великого.

4. Камера, в которой находится портрет, из воска сделанный, по величине возраста государя Петра I, а при том и платье полтавское.

5. Камера, в которой хранятся животные четвероногие, птицы, травы, семена.

6. Камера, где имеются всякие скелеты человеческие, кита рыбы и других, кости слоновые, львовы и прочих зверей, и при том мамонтовые, и разные роги и зубья.

7. Зал, в котором хранятся всякие анатомические изъявления и всяких родов рыбы и гады.

8. Минеральный кабинет, в котором хранятся разного рода земли, руды серебряные и золотые, медные и прочие, и притом разные каменья, жемчужные и прочие раковины.

9. Минц-кабинет, в котором хранятся всякие древние разных государств монеты и деньги, также и нынешние, а при том российские древние и новые монеты.

Еще тут всякие дорогие вещи, сосуды, досконы, кинжалы, скипетры, уборы всякие золотые и прочие сему подобные вещи.

И сия императорская Кунсткамера и библиотека декабря 5 числа 1747 года погорела, из которой все лучшие вещи и книги выбраны, токмо большой Готторпский глобус сгорел, но который ныне старанием Академии наук в прежнее состояние паки приведен.

Французский путешественник О. де ла Мотрэ стал одним из первых посетителей Кунсткамеры.

Что не было предпринято? Чего не исполнил Петр I, что бы он еще предпринял и сделал, проживи дольше? Какое искусство, какую науку не ввел он в своей империи? Он учредил публичные лекции по анатомии, даже названия которой его подданные не знали до его правления. Он купил кабинет знаменитого Рюйша, содержащий множество разнообразных препаратов и уродов, столь же поучительных, сколь и любопытных.

Среди препаратов и уродов мне показали несколько *corions*, то есть зародышей, образовавшихся в чреве в своей естественной среде и затем сохраненных в искусственной. Яйцеклетки, как оплодотворенные, так и неоплодотворенные, с отклонениями или без оных; одни с образовавшимся зародышем, другие без него; из одних зародыш извлечен, из других нет. Все части и ступени развития, положение ребенка в утробе в возрасте от 15 дней до 9 месяцев. Половые органы гермафродита, у которого лишь женские были найдены способными к копуляции и оплодотворению. Утверждают, что у всех гермафродитов всегда лишь один пол способен к этому. Четырехмесячный человеческий зародыш мавританской девочки, голова которой больше тела. Калмыцкий ребенок примерно девяти месяцев с двумя телами и двумя головами, с хорошо оформившимися всеми соответствующими органами; его головы, кроме того, были почти отделены друг от друга. Рука мужчины, умершего от чрезмерного пьянства, со всей кровью, оставшейся в венах.

Череп француза, весь цельный, состоящий из сплошной кости, без малейшего следа разделения. Француз очень страдал головными болями, имел очень большое сердце и большой желудок, а его детородный орган был очень маленьким; он поразительно много ел и пил и был ростом больше 7 футов. Он родился в Кале и звался Буржуа. Царь привез его из Франции в Петербург, где он и умер в возрасте 42 лет, оставив вдову с двумя детьми; она вновь вышла замуж за одного из гайдуков императрицы Екатерины.

Летающий, как утверждают, дракон, или, как говорят, змей с крыльями – о нем рассказывают много удивительных историй и сделано много его забавных изображений в виде дьявола или тех фигур, какими обыкновенно изображается сей ангел тьмы; в действительности же это род ящера, но крылья его, кроме того, что они слишком малы, чтобы поднять его тело, годились скорее для плавания, а не для полета. Саламандра, о которой также рассказывают историю, а именно, что она живет в огне и не сгорает. Некоторые натуралисты, испытывавшие ее, утверждают, что этот зверек действительно сопротивляется огню дольше, чем какой-либо другой. Они объясняют это тем, что из тела зверька выделяется присущая ему одному влага или жир, и пока она выделяется, зверек, кажется, остается живым или же по крайней мере сохраняет форму своего тела. Но как только запасы этого жира исчерпываются и выделение прекращается, он рассыпается в прах. Из этого я заключаю, что саламандру можно сравнить с горящей свечой, фитиль которой не сгорает и не меняет форму до тех пор, пока не кончится сало, смачивающее его.

Я видел там змей различнейших типов; кроме того, очень много животных и насекомых других видов; их перечисление было бы утомительно. И все это столь хорошо сохранено благодаря раствору, приготовленному г-ном Рюйшем, что их не отличить от живых.

Среди чучел животных я видел род зайца, передние ноги которого гораздо короче двух задних. Мантуку, разновидность лисы, с тем отличием, что хвост не такой пушистый и длинный, как у обычной лисицы, о чем можно прочитать у Уильяма Пизона.

Птицу, называемую райской птицей, о которой говорят, что у нее нет ног, но это ошибка: ноги есть, но она втягивает их, как будто под кожу, подобно тому как черепаха втягивает голову.

Казуара – индийскую птицу, весьма похожую на страуса фигурой и величиной, но она вместо хохолка из перьев имеет нечто вроде пушистой шапки; ее яйца, кроме того, длиннее страусиных.

Среди современных, древних и искусственных редкостей [видел] несколько превосходных маленьких корабликов и галер со всем тем, что к ним принадлежит. Ковчег, в который р[имские] католики кладут освященное тело Христово, – так искусно позолоченный и изящно выделанный, что о нем можно было бы сказать, как Овидий сказал о Дворце Солнца, а именно, что работа здесь более ценна, чем материал; декоративная отделка представляет собой портик старого готического кафедрального собора. Мне говорили, что дед Петра I отнял его у тевтонских рыцарей, но это противоречит истине по хронологии; этот орден был уничтожен задолго до того, в правление Ивана Васильевича, прозванного Тираном. Он был вторым из семьи *Beala*, кто носил титул царя. Я намекнул, какое опустошение он произвел в Ливонии, которую обложил данью. Епископ Дерптский должен был выплачивать ему свою долю – 1000 золотых дукатов ежегодно. В 1560 году он (царь) взял крепость Феллин и в качестве трофея увез в Москву старого великого магистра Фюрстенберга, который был там на покое после своего отречения.

Мне показали кусок золотоносной руды из Сибири, руда содержала очень много золота, и золотоносный песок, найденный близ Каспийского моря; железную руду, найденную близ озера Онега, из которой русские производили все, в том числе легкие и прочные пушки, не уступающие бронзовым... Гробницу (Urn) из редкостного мрамора с голубыми и красными прожилками, с вырезанными изображениями крестов, найденную в Сибири, а также много других древностей. Русские при помощи этих изображений пытались доказать мне древность христианства в этой стране, но я возразил им, опираясь на суждение известных историков, которые показали, что такие изображения были найдены на монументах, воздвигнутых задолго до рождения И[исуса] Х[риста]... И сами эти изображения, гравюры с которых я заказал, видели не только на монетах древних языческих королей готов и других частей Скандинавии, но также на рунических камнях, которые по-прежнему часто находят в Швеции.

Идолы, утварь и сосуды для жертвоприношений, бóльшая часть которых была найдена близ Каспийского моря, с до сих пор не понятыми или неистолкованными изображениями. Я обнаружил несколько довольно похожих на эти в Ногайской Татарии. <...>

Там имеется также большое количество медалей, но преимущественно весьма распространенных; если среди них и есть редкостные, то лишь единицы.

Дом, где хранится это собрание редкостей, стоит почти напротив больших императорских пивоварен, которые, как уже было сказано, расположены на другом берегу Невы на континенте финляндской Карелии. Троицкий остров тоже следовало бы включить в число относящихся к этому континенту, так как он ближе к нему, нежели к континенту Ингрии, на котором мы теперь находимся. Петр I приказал начертить и обозначить несколько улиц на этой стороне до самого места напротив Ниеншанца и даже еще выше, но там построено лишь несколько домов. Интересно, будут ли они (улицы. – *Ред.*) когда-нибудь застроены, ведь нынешнему двору, кажется, гораздо больше нравится в Москве, нежели в Петербурге.

Янтарная комната, 1716 год
Петр I

Далеко не все редкости хранились в Кунсткамере. Многие украшали собой особняки вельмож и – конечно же – царские дворцы. В частности, в 1716 году царь получил в подарок от прусского короля Фридриха Вильгельма I знаменитую Янтарную комнату (*или Янтарный кабинет*)*, которую доставили в Россию год спустя.*

Царь Петр писал своей супруге Екатерине:

Катаринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй! О здешнем объявляю, что наш приезд сюда не даром, но с некоторою пользою. Мы отсель поедем сего дня, дай боже, чтоб до места уже доехать и Вас скорее видеть... Петр. Из Габельберга в 17 д. ноября 1716 г.

P. S. К[ороль] подарил меня изрядным презентом яхтою, которая в Посдаме зело убранная, и кабинетом янтарным, о чем давно желали.

К царскому письму прилагалось описание подарка.

Роспись янтарной каморы, которую его королевское величество прусское его царскому величеству презентовать изволил и которая состоит в следующих штуках: 1. Две большие стенные штуки, в которых две рамы с зеркалами. 2. Две таковых же штуки, при которых токмо одни порожние рамы. 3. Четыре таковые же стенные штуки немного поуже и каждая с отдельными зеркалами. 4. Два крыла пошире и еще два немного поуже, сии двенадцать штук все равной вышины. 5. Десять особливых панельных штук равной вышины, но разной ширины, все сполна. 6. Еще к тому приданы следующие штуки, которые також употреблены могут быть: четырехугольная доска, обложенная янтарем, изготовленный щит с большой главой, три изготовленные большие головы на дереве, семь малых голов, четырнадцать изготовленных тулипанов, двенадцать изготовленных роз, три штуки с раковинами, двои изготовленные зимца (карнизы), две малые наугольные штуки, маленькая долговатая доска с двумя шурупами, четыре маленькие янтарем обложенные доски, двадцать три маленькие доски, которые еще к одному крылу, чистого янтаря, которые в ста семи малых штуках состоят.

Вышеписанные янтарные вещи в 18 больших и малых связках находятся. В Берлине 13 генваря 1717 г.

Загородные дворцы, 1717 год Фридрих-Христиан Вебер, Обри де ла Мотрэ, Астольф де Кюстин

Одновременно со строительством города за городской чертой начали возводиться загородные дворцы знати – на «европейский манер». Пример подал светлейший князь Меншиков, по приказу которого в 1710 году началось строительство Большого дворца в Ораниенбауме. В 1711 году был заложен деревянный дворец Петра в Стрельне, в 1714 году – Большой дворец в Петергофе, в 1717 году – Екатерининский дворец в Царском Селе.

Иностранные путешественники, прибывавшие в Петербург, неизменно посещали загородные дворцы – и оставляли восторженные воспоминания, как, например, Ф.-Х. Вебер .

Для описания всех дворов и увеселительных домов понадобилось бы слишком много места, поэтому расскажу кое-что лишь о трех из них.

Первый – Ораниенбаум, сад и дворец князя Меншикова, расположенный как раз напротив Кронштлота. Здесь чрезвычайно приятная местность, и для большего удобста, чтобы суда могли подходить по обычному морю, князь распорядился построить выступающий в море мост длиной 300 шагов, потребовавший больших расходов.

Дворец выложен из камня, он трехэтажный, с двумя длинными крыльями в форме полуовала. Но сад, расположенный перед зданием у моря, еще не в должном состоянии.

В полутора милях оттуда находится Петергоф – сады и увеселительные дома царя. Один сад расположен на высоком берегу, а другой в 600 шагах от него внизу у моря, и оба уже в основном завершены. Это место царь любит особенно, больше всех других, и прилагает всяческие старания сделать из него нечто хорошее. Для этого под горой перед домом устроен большой грот с двойными каскадами, от них проведен весьма глубокий канал к морю, по которому можно подплывать к гроту и дому, стоящему на горе на высоте 60 футов.

Дома, как верхний на горе, так и нижний у моря, возведены в камне и оба закончены; они хотя и невелики, но построены очень хорошо и могут считаться самыми лучшими во всем этом краю, за исключением зданий князя Меншикова.

Да и сама местность – красивейшая на всем побережье предморья. Тем более что из увеселительного дома на возвышенности видны и Петербург, и Кронштлот, и можно обозревать все происходящее на море.

В миле оттуда находится мыза Стрельна, вновь заложенные сад и дворец царя. Прежде его царское величество имел там только деревянный дом, но после того как он на впадающей в море маленькой речке, называемой Стрельна, получил большое удовольствие, то решил, построив там совершенное царское увеселительное здание и разбив сад, сделать из этого второй Версаль.

Прежде из-за мелководья там нельзя было подойти к суше даже на самых маленьких лодках. Но после того как некий генерал-майор, немец, возвел в открытом море из фашин и земли главную плотину шириной 20 и длиной 700 шагов, теперь можно за нею удобно подходить на всевозможных судах. Правда, поначалу считали, что эта плотина ни за что не устоит. Однако теперь, по прошествии трех лет, убедились, что даже сильнейшие бури, разрушающие почти все мосты, плотины и водоподъемные устройства, не причиняют ей никакого вреда. Так что эта работа – одна из лучших, выполненных на воде, и является наиболее долговечным и дешевым способом строительства даже морской гавани. Особенно же если учесть, что плотину можно чинить без труда и с малыми затратами, время от времени легко повышать и, таким образом, невзирая на все буйство моря, при наличии фундамента надежно осуществить строительство.

Сад разбит весьма большой, и со временем, пожалуй, из этого могло бы получиться нечто особенное, если он будет доводиться до совершенства согласно подготовленным чертежам. Ведь его царское величество не жалеет на него никаких расходов. До сего времени несколько тысяч человек занималось планировкой грунта, и начало было положено посадкой нескольких тысяч лип; особенно же усердно трудятся над приданием формы амфитеатра стоящей рядом горе, на которой предполагается построить дорогой и красивый дворец.

Таким образом, поскольку у царя нет недостатка ни в хороших архитекторах, рабочих и подсобных работниках, ни во всех потребных для строительства материалах, то не приходится сомневаться, что как работа в этой местности, так и все прочие предприятия в Петербурге в считанные годы будут успешно завершены и в дикой прежде Ингерманландии возникнет восьмое чудо света.

Француз де ла Мотрэ был совершенно очарован Петергофом.

Примерно в 13 верстах далее на юго-восток находится Петергоф – простой маленький дом, который если и заслуживает называться дворцом, то благодаря построившему его великому монарху. Однако дом возведен частично из камня, частично из кирпича, довольно регулярный и приятный. Он расположен чрезвычайно удачно на возвышенности, к северу обращен на обширный сад, находящийся вровень с ним. Этот сад в хорошем порядке, с несколькими прудами и прекрасными фонтанами, и под холмом есть другой, омываемый с севера морем и протянувшийся далеко с востока на запад. Этот сад обустроен гораздо богаче первого различными водяными затеями, несколькими очень приятными строениями, преимущественно из хорошего песчаника, с колоннами, статуями, бюстами, живописными изображениями, выбрасывающими воду фонтанами. Есть цветники, здания в стиле храмов, летние дома, залы, гавани, и все это исключительно хорошо размещено. Когда спускаешься в этот сад от дворца по двум высеченным в холме величественным лестницам, по левую руку видишь прекраснейший грот, от него к подножию холма идет тройной каскад с несколькими статуями и фигурами из позолоченного свинца. От этого каскада начинается прорытый до моря глубокий канал, по нему сюда могут подходить яхты и другие суда.

Среди наиболее примечательных фонтанов есть один в середине партера, довольно близко от грота; фонтан, выбрасывая воду примерно из ста трубок, образует занятную пирамиду. Есть другой, меньший, но производящий почти такой же эффект, он расположен напротив оранжереи. Эта оранжерея – весьма приятное строение с редкостными деревьями и растениями из чужих стран. Бассейн Евы – самый красивый из всех, он снабжен превосходными фигурами и украшениями, некоторые из них мраморные. Фигуры других фонтанов – почти все из позолоченного свинца либо из меди.

Среди наиболее ценных зданий – Монплезир и Марли. В обоих богатое убранство. Монплезир – это, как они его называют, маленький дворец, очень приятный, состоит из довольно длинной залы и красивой галереи над ней, с хорошо расположенными и спланированными апартаментами по обоим концам [здания]. Потолки залы и галереи, а также некоторых апартаментов расписаны фресками и украшены лучшими рисунками г-на Пильмана. Перед этим маленьким дворцом – терраса, с которой открывается превосходный вид на залив. Терраса окаймлена балконом, образующим своего рода галерею вокруг партера, составляющего середину террасы.

Марли – павильон, красиво построенный и довольно высокий, его вершину огибают тонко выделанные железные перила, образующие балкон. Он весьма напоминает турецкие беседки. Мне рассказывали, что когда императрица приезжала сюда (как это было, например, при ее приезде с князем Меншиковым незадолго до моего появления в Петербурге), здесь везде, даже в садах, устраивали иллюминацию, а в вечер их приезда зажгли свыше 4 тысяч

фонарей. Добавляли, что князь приказал сделать подобное в своем доме и в садах в Ораниенбауме, когда императрица оказала ему честь своим посещением.

Восторгался Петергофом и другой француз, маркиз де Кюстин.

В петергофском парке можно проехать с милю, не побывав два раза на одной и той же аллее; вообразите же себе весь этот парк в огне! В этой льдистой и лишенной яркого солнечного света стране иллюминации похожи на пожары. Кажется, будто ночь хочет вознаградить людей за тусклый день. Деревья исчезают под бриллиантовыми ризами, и в каждой аллее огней больше, чем листьев. Перед вами Азия, не реальная Азия наших дней, но сказочный Багдад из «Тысячи и одной ночи» или еще более сказочный Вавилон времен Семирамиды.

Говорят, что в день тезоименитства императрицы шесть тысяч экипажей, тридцать тысяч пешеходов и бесчисленное множество лодок покидают Петербург и располагаются лагерем вокруг Петергофа. Это единственный день, когда я видел настоящую толпу в России. Штатский бивуак в насквозь военной стране сам по себе уже диковинка. Конечно, войска тоже принимают участие в празднестве: часть гвардии и кадетские корпуса стоят в лагерях около царской резиденции. И весь этот люд – офицеры, солдаты, купцы, крепостные, дворяне, царедворцы – бродит, перемешавшись друг с другом, в лесу, откуда мрак ночной изгнан двумя с половиной сотнями тысяч огней.

Мне назвали эту цифру, и я ее повторяю наобум, ибо для меня двести тысяч и два миллиона не составляют разницы – я не имею соответствующего глазомера. Я знаю одно: это огромное количество огней дает столько света, что перед ним меркнет естественный свет северного дня. В России император затмевает солнце. К концу лета ночи здесь вступают в свои права и быстро увеличиваются, так что без иллюминации вчера было бы темно в течение нескольких часов.

Мне передавали еще, что тысяча восемьсот человек зажигают в тридцать пять минут все огни парка. Примыкающая к дворцу часть парка освещается в пять минут. Напротив главного балкона дворца начинается канал, прямой как стрела и доходящий до самого моря. Эта перспектива производит магическое впечатление: водная гладь канала обрамлена таким множеством огней и отражает их так ярко, что кажется жидким пламенем. Нужно иметь богатейшее воображение, чтобы изобразить словами волшебную картину иллюминации. Огни расположены с большой изобретательностью и вкусом, образуя самые причудливые сочетания. Вы видите то огромные, величиной с дерево, цветы, то солнца, то вазы, то трельяжи из виноградных гроздьев, то обелиски и колонны, то стены с разными арабесками в мавританском стиле. Одним словом, перед вашими глазами оживает фантастический мир, одно чудо сменяет другое с невероятной быстротой. Голова кружится от целых потоков сверкающих всеми цветами радуги драгоценных камней на драпировках и нарядах гостей. Все горит, блестит, везде море пламени и бриллиантов. Становится страшно, как бы это великолепное зрелище не закончилось грудой пепла, подобно настоящему пожару.

В конце канала, у моря, на колоссальной пирамиде разноцветных огней возвышается вензель императрицы, горящий ослепительно белым пламенем над красными, зелеными и синими огнями. Он кажется бриллиантовым плюмажем, окруженным самоцветными камнями. Все это такого огромного масштаба, что вы не верите своим глазам. «Сколько труда положено на праздник, длящийся несколько часов, – это немыслимо, – твердите вы, – это слишком грандиозно, чтобы существовать на самом деле. Нет, это сон влюбленного великана, рассказанный сумасшедшим поэтом».

Увеселения Санкт-Петербурга: фейерверки, 1720-е годы
Андрей Богданов, Карл Рейнхольд Берк

В царствование Петра I в Россию пришла мода на все иноземное, в том числе на такую забаву, как «огненные потехи» – фейерверки. С легкой руки Петра фейерверки устраивались по любому сколько-нибудь значимому поводу (или вообще без повода), а в Петербурге для их проведения был построен специальный «театр на воде» на стрелке Васильевского острова.

А. И. Богданов в своем «Историческом, географическом и топографическом описании Санкт-Петербурга от начала заведения его...» писал:

От начала России до времен Петра Великого не токмо не видали потешные огни, но ниже слыхали о них, или бы по крайней мере, хотя бы на бумаге оные видал кто, но великий Петр, яко торжественник, для преславных богодарованных побед всеусердные благодарения Всевышнему воздавал, а при том для оных побед и для всенародных торжеств повелел делать оные фейерверки, то есть огненные забавы, в которых изображаются всякие исторические фигуры, приличные тех торжеств действа представляющие.

И хотя сперва виктории и прочие торжества, пока еще царствующий сей град был в самом юношеском возрасте, и еще на свет театра славы своей не взошел, отправляемы оные были в Москве; но когда сей град прииде в мужество, в меру возраста, исполнения лет своих, тогда в нем самом стали все торжества и виктории производиться, для которых и оные фейерверки строены были, коих почти на всякий год не только по одному, но по два и по три бывает: 1) на Новый год; 2) на день рождения императорского величества; 3) на день воспоминания коронации; 4) ежели случится какая знатная виктория. И для оных отправлений в 1731 году построен был мост, или театр на воде, на мысу Васильевского острова против Большого императорского Зимнего дома. На оном же театре и разные иллюминации отправляются.

А в 1713 году в сентябре месяце позади Миллионной у Летнего сада на лугу построена галерея, пред которой ставятся щиты для зажжения фейерверков.

Шведский путешественник К. Р. Берк наблюдал петербургские фейерверки воочию.

Иллюминация

В торжественные дни и другие праздники дома по всему городу украшаются иллюминацией, но поскольку такие расходы ложатся на бедных жителей слишком часто, то они освещают окна своих домов весьма экономно. И, напротив, нет ничего красивее публичных иллюминаций. Крепость, Адмиралтейство (то есть вал вокруг корабельной верфи и складов), а также огненный театр, построенный перед дворцом на песчаной отмели у Васильевского острова, усеяны бессчетным множеством ламп с разноцветными огнями, благодаря чему можно изобразить различные произведения архитектуры, гербы, вензеля и т. д. Все огни зажигают минут за 5–6, обычно это происходит спустя час после открытия бала, то есть в половине шестого, и продолжается до 10–11 часов вечера.

Фейерверк

Фейерверк жгут через час после зажжения иллюминации и продолжается он не долее половины – трех четвертей часа; танцующие употребляют это время на отдых. Фейерверк всегда устраивается на Неве перед двором – зимой прямо на льду, а летом на плоскодонных судах с помостом. Плоские фигуры – аллегории, изображаемые цветными фитильными огнями и поднимаемые вверх на тонких досках, а также обелиски, каскады и т. д. весьма живописны,

но еще большее внимание зрителей привлекают полые шары (*pumpkulorna*), букеты и ракеты, которые разрываются не один за другим, а сотнями, и чувствуешь себя почти как на Этне. Ракеты с шестами весят порой по два пуда, то есть около четырех шведских лисфунтов. Пока еще никого не убило падающими шестами от ракет; это побудило ее величество приказать артиллеристам либо впредь не приходить с ракетами, либо делать их такими, чтобы они не поднимались настолько высоко, что при падении могли покалечить.

Увеселения Санкт-Петербурга: ассамблеи, 1720-е годы Питер Генри Брюс, «Дневник» Я. Сапеги

Еще одним нововведением Петра I, заметно оживившим повседневную жизнь русского дворянства и купечества, стали ассамблеи – собрания, по выражению самого царя, «увеселения ради, или для рассуждения и разговоров дружеских».

Об учреждении ассамблей оставил краткое сообщение шотландский офицер на русской службе Питер Г. Брюс, дальний родственник знаменитого сподвижника Петра Я. Брюса.

Поскольку царь очень близко к сердцу принимал благополучие и возвышение своего народа, он не упускал ни единой возможности к просвещению подданных. В это время он распорядился устраивать ассамблеи: приказал проводить их дважды в неделю попеременно в домах вельмож. Одна комната предназначалась для бесед, вторая – для карт, третья – для танцев. Начало назначалось на 8 часов и окончание – в 11. Хозяину дома надлежало обеспечить буфет с винами, не предлагая их, пока не спрашивали, а также карты и музыкантов. На ассамблеи свободно допускались господа всех званий, русские и иностранцы, со своими женами и дочерьми. Это нововведение чрезвычайно понравилось дамам, поскольку освобождало от суровых ограничений их жизни: им не разрешалось появляться в обществе. Посредством же ассамблей они учились и одеваться, и вести беседу.

О том, как проходили ассамблеи, читаем в «Дневнике» великого гетмана литовского Я. Сапеги, позднее получившего от императрицы Екатерины титул фельдмаршала.

24-го того же месяца. С утра от всех полков одни за другими приходили оркестры и барабанщики поздравлять с пожалованным чином и играли свою музыку до самого полудня. Их щедро вознаграждали: раздавали на каждый полк по два чана водки и по две бочки вина. Затем неожиданно пришел его княжеская милость и после короткого с его милостью теперешним господином фельдмаршалом совещания вернулся в свой дворец. В четыре же часа пополудни, когда должны были съезжаться во дворец его княжеской милости на упомянутую церемонию, теперешний его милость господин фельдмаршал отправился туда в обществе других их милостей. И все находившиеся в зале и в иных покоях ожидали прибытия ее императорской милости. Она только в семь часов выехала от своего дворца в сопровождении кавалеров и дам; более десяти карет ехало перед траурной каретой ее императорской милости, а первым прибыл со своей свитой его милость герцог Голштинский. Затем все знатнейшие пошли вниз, сопровождая ее императорскую милость, и взошли наверх в следующем порядке. Впереди придворные кавалеры, потом министры и сенаторы, за ними ее императорская милость, которую вел его милость герцог Голштинский. За ее императорской милостью в залу вошли ее милость герцогиня Голштинская с герцогиней Мекленбургской, ее милость цесаревна и затем дамы, которых было, наверно, около сорока. Не задерживаясь там, ее императорская милость пошла, сопровождаемая одними дамами, в покои ее милости княжны, среди сопровождавших в это время находилась и сама ее милость княжна. Вскоре ее императорская милость в том же сопровождении вновь вошла в залу, а за ней ее милости герцогиня Голштинская и цесаревна, ведя ее милость княжну Меншикову, виновницу этого торжества.

Встав там посередине, ее императорская милость взяла у молодых кольца и, обменяв, надела им на пальцы. Присутствовавший здешний архиепископ, прочтя краткую молитву, благословил их святым распятием. После этого ее императорская милость пошла к своему столу, он был отдельный и большой. За ним сидели справа от императрицы ее милость герцогиня Голштинская, рядом с нею ее милость княжна как виновница этого торжества, далее ее милость

цесаревна, а за нею супруга шведского посла заключала эту сторону, так как половина стола от залы была пуста. Слева сидели его милость герцог Голштинский, герцогиня Мекленбургская и княгиня Долгорукая, а ее милость княгиня Меншикова как хозяйка заключала эту сторону. У того же стола стояли двое кравчих ее императорской милости – один подавал [блюда], а другой уносил. В этой зале было три больших и длинных четырехугольных стола, поставленных вдоль стен в три линии, за ними сидели сенаторы, министры и генералы; однако самое первое место отдано было господину старосте Бобруйскому как фельдмаршалу. Место напротив – его сыну как виновнику торжества, второе место – его милости господину старосте Мерецкому. Далее сидели по своим рангам в[еликий] адмирал Апраксин и другие. Со стороны же его милости господина старосты Бобруйского занимали свои места иностранные министры. Дамы и другие кавалеры сидели за столами, поставленными в других комнатах, так как мест было на 300 персон. Через полчаса после того, как сели за столы, его княжеская милость подошел к ее императорской милости, испрашивая позволения начать веселье за ее здоровье.

Получив позволение, он велел подать себе большой бокал и, наполнив его, встал в середине перед государыней. Он обратился сначала к его милости господину старосте Здзитовскому как виновнику торжества, и они оба выпили, стоя посередине. Затем его княжеская милость, вторично подойдя к ее императорской милости, подал ей рюмку. Она, выпив за здоровье виновников торжества под громкую пушечную стрельбу и под звуки труб, литавр и другой музыки, велела налить больший бокал и подать его милости г. старосте Бобруйскому, который, обратившись к сидевшему рядом шведскому послу, вышел с ним на середину, и оба выпили за здоровье ее императорской милости. И так же все стали выходить по двое на середину, а выпив, возвращались на свои места. С провозглашением же ее императорской милостью каждого тоста за чье-либо здоровье палили из пушек, а также когда их милости герцог и герцогиня Голштинские, ее милость цесаревна и виновники торжества пили за здоровье ее императорской милости, палили из пушек только по одному разу. Для иных же их милостей было сопровождение только труб, литавр и другой музыки. Через несколько часов ее императорская милость поднялась из-за стола и пошла в комнаты ее милости княжны. К ее императорской милости пошел его милость князь Меншиков, испрашивая позволения увеселить эту церемонию танцами. Хотя она в этом поначалу отказала из-за траура, в котором была и во время этой церемонии вместе со всей фамилией и свитой, однако же потом разрешила это кавалерам и дамам, не имевшим траурного знака, и сама со всеми присутствовавшими дамами вернулась в залу.

Итак, по воле ее императорской милости за первым французским танцем обрученных последовали дальнейшие, а потом и другие их милости продолжили разные танцы. Его же княжеская милость польским танцем в первой паре, а во второй его милость господин староста Бобруйский увеселили ее величество. Затем его княжеская милость возобновил веселье и, стоя на коленях перед ее императорской милостью, выпил за ее здоровье большой бокал и предложил другим их милостям совершить такую же церемонию.

Пробыв до часу пополуночи, ее императорская милость поднялась и, будучи сопровождаема многочисленными их милостями дамами и кавалерами, отбыла в свой дворец. Проводив ее императорскую милость, некоторые их милости вернулись наверх, и все пошли к их милостям княжнам. Выпив там под пушечную стрельбу и звуки разнообразной музыки за здоровье виновников торжества, разъехались. А его милость господин староста Бобруйский, пригласив их милостей князя и княгиню со всей фамилией на завтрашний обед, пошел в свою резиденцию. Весь дворец их милостей князя и княгини снаружи с вечера всю ночь был в иллюминации. Наверху на фасаде дворца была большая картина с изображением ангела, державшего два сердца с монограммами имен в середине под одной короной и с русской надписью наверху: «Небо посылает меня утвердить союз ваш». По обеим же сторонам колонны с гербами – на одной сапежинский, на другой его милости князя Меншикова. Все это сзади украшалось превосходной иллюминацией и смотрелось так хорошо и явственно, словно горело прямо в огне.

Фигура, гербы и буквы были видны более чем за полверсты, как будто смотришь с близкого расстояния.

При Петре I были сделаны и такие, не свойственные прежде российским городам распоряжения: начались систематические наблюдения за погодой, которые вел вице-адмирал Корнелий Крюйс, издан указ «О содержании в Петербурге по улицам фонарей, о чищеньи и мощении улиц»; для вывоза мусора с улиц города было назначено определить несколько лошадей с возчиками, и «чтобы каждый житель токмо против своего двора навоз в груду сгреб, а оные определенные люди брали и отвозили в удобные места».

Петр I – император, 1721 год
О зачатии и здании царствующего града Санктпетербурга в лето от первого дни Адама 7211 по Рождестве Иисус Христове 1703, Михаил Ломоносов

Правление Петра кардинально преобразило Россию – из восточной деспотии страна начала превращаться в государство европейского типа. Можно долго спорить о том, какими методами осуществлялись преобразования, но заслуги царя-реформатора перед Россией неоспоримы. В 1721 году царя Петра провозгласили императором, отцом Отечества и присвоили ему титул Великого.

В 1721 году октября в 11 день по упрошению всенародному царское величество изволил принять титул императорской и в церкви Живоначальной Троицы от лика святительского и генералитета и всех чинов поздравлен великим императором отцом отечества и от всех коронованных государей чрез послов и грамоты императором поздравлен, и его императорским величеством начало восприяла четвертая монархия северная, то есть Российская империя.

Хотя великое, как гласит известное присловье, лучше всего видится издалека, величие свершений Петра признавали и современники, и ближайшие поколения потомков. К последним принадлежал, в частности, замечательный русский ученый, бесспорный сторонник прогресса Михаил Ломоносов, составивший в 1755 году «Слово похвальное блаженной и вечнодостойной памяти Государю императору Петру Великому».

Давно долженствовали науки представить славу его ясными изображениями; давно желали в нарочном торжественном собрании превознести несравненные дела своего основателя. Но ведая, сколь великое искусство требуется к сложению слова, их достойного, поныне умолчали, ибо о сем герое должно предлагать, чего о других еще не слыхано. Нет в делах ему равного, нет равных примеров в красноречии, которым бы мысль последуя могла безопасно пуститься в толикую глубину их множества и величества. Однако, наконец, рассудилось лучше в красноречии, нежели в благодарности, показать недостаток, лучше с произносимыми от усердной простоты разговорами соединить искренностию украшенное слово, нежели молчать между столькими празднественными восклицаниями... Итак, оставив боязливое сомнение и уступив ревностной смелости место, сколько есть духа и голоса должно употребить или паче истощить на похвалу нашего героя. Сие предпринимая, откуду начну мое слово? От телесных ли его дарований? От крепости ли сил? Но оные явствуют в преодолении трудов тяжких, трудов неизсчетных и в разрушении ужасных препятствий. От геройского ли виду и возраста, с величественною красотою соединенного? Но кроме многих, которые начертанное в памяти его изображение живо представляют, удостоверяют разные государства и города, которые, славою его движимы, во сретение стекались и делам его соответствующему и великим монархам приличному взору чудились. От бодрости ли духа приму начало? Но доказывает его неусыпное бдение, без которого невозможно было произвести дел столь многих и великих. Того ради непосредственно приступаю к их предложению, ведая, что удобнее принять начало, нежели конца достигнуть, и что великий сей муж ни от кого лучше похвален быть не может, кроме того, кто подробно и верно труды его исчислит, есть ли бы только исчислить возможно было. <...>

К великим своим намерениям премудрый монарх предусмотрел за необходимо нужное дело, чтобы всякого рода знания распространить в отечестве и людей, искусных в высоких науках, также художников и ремесленников размножить... Неоднократно облетая наподобие орла

быстропарящего европейские государства, отчасти повелением, отчасти важным своим примером побудил великое множество своих подданных оставить на время отечество и искусством увериться, сколь великая происходит польза человеку и целому государству от любопытного путешествия по чужим краям. Тогда отворились широкие врата великой России, тогда через границы и пристани, наподобие прилива и отлива, в пространном океане бывающего, то выезжающие для приобретения знаний в разных науках и художествах сыны российские, то приходящие с разными искусствами, с книгами, с инструментами иностранные беспрестанным текли движением. Тогда математическому и физическому учению, прежде в чародейство и волхвование вмененному, уже одеянному порфирою, увенчанному лаврами и на монаршеском престоле посажденному, благоговейное почитание в освященной Петровой особе приносилось. <...>

Похвалялись некогда окрестные соседи наши, что Россия, государство великое, государство сильное, ни военного дела, ни купечества без их спомоществования надлежащим образом производить не может, не имея в недрах своих не только драгоценных металлов для монетного тиснения, но и нужнейшего железа к приуготовлению оружия, с чем бы встать против неприятеля. Исчезло сие нарекание от просвещения Петрова: отверсты внутренности гор сильною и трудолюбивою его рукою. Проливаются из них металлы и не только внутрь отечества обильно распростираются, но и обратным образом, как бы заемные, внешним народом отдаются. Обращает мужественное российское воинство против неприятеля оружие, приуготованное из гор российских российскими руками. <...>

Кто мог помыслить, чтобы двенадцати лет отрок, отлученный от правления государства и только под премудрым покровительством чадолюбивой своей родительницы от злобы защищаемый, между беспрестанными страхами, между копьями, между мечами, на его родственников и доброжелателей и на него самого обнаженными, начал учреждать новое регулярное войско, которого могущество в скором времени почувствовали неприятели, почувствовали и вострепетали, и которому ныне вся вселенная по справедливости удивляется? Кто мог помыслить, чтобы от детской, как казалось, игры столь важное, столь великое могло возрасти дело? Иные, видя несколько молодых людей, со молодым государем обращающих разным образом легкое оружие, рассуждали, что сие одна ему только забава, и потому сии новонабранные люди потешными назывались. Некоторые, имея бóльшую прозорливость и приметив на юношеском лице цветущую геройскую бодрость, из очей сияющее остроумие и в движениях сановитую поворотливость, размышляли, сколь храброго героя, сколь великаго монарха могла уже тогда ожидать Россия! Но набрать многие и великие полки, пехотные и конные, удовольствовать всех одеждою, жалованьем, оружием и прочим военным снарядом, обучить новому артикулу, завести по правилам артиллерию, полевую и осадную, к чему немалое знание геометрии, механики и химии требуется, и паче всего иметь во всем искусных начальников казалось, по справедливости, невозможным делом, ибо во всех сих потребностях знатный недостаток и лишение государевой власти отняли последнюю к тому надежду и малейшую вероятность. Однако что потом последовало? Паче общенароднаго чаяния, против невероятия оставивших надежду и... происков и явительного роптания самой зависти загремели внезапно новые полки Петровы и в верных россиянах радостную надежду, в противных страх, в обоих удивление возбудили. <...>

Мы ныне, озираясь на минувшие летá, представляем, сколь великою любовью, сколь горячей ревностью к государю воспалялось начинающееся войско, видя его в своем сообществе, за одним столом, ту же приемлющего пищу, видя лицо его, пылью и потом покрытое, видя, что от них ничем не разнится, кроме того, в обучении и в трудах всех прилежнее, всех превосходнее. Таковым чрезвычайным примером премудрый государь... доказал, что монархи ничем так величества, славы и высоты своего достоинства прирастить не могут, как подобным сему снисхождением. <...>

Столь знатными победами прославив с собою великий монарх во всем свете свое воинство наконец доказал, что он сие больше для нашей безопасности учредить старался, ибо не

только узаконил, чтобы оное никогда не распускать, ниже во время безмятежного мира, как то при бывших прежде государях нередко к немалому упадку могущества и славы Отечества происходило, но и содержать всегда в исправной готовности. О, истинное отеческое попечение! Многократно напоминал он своим ближним верным подданным, иногда со слезами прося и целуя, чтобы столь великим трудом и с столь чудным успехом предпринятое обновление России, а паче военное искусство не было после него в нерадении оставлено. <...>

Откуда толикая слава и сила российских флотов по столь многим морям в краткое время распространилась? Откуда материи? Откуда искусство? Откуда махины и орудия, нужные в столь трудном и многообразном деле? Не древние ли исполины, вырывая из густых лесов и гор превысоких великие дубы, по брегам повергли к строению? Не Амфион ли сладким лирным играним подвигнул разновидные части к сложению чудных крепостей, летающих чрез волны? Таковым бы истинно вымыслам чудная поспешность Петрова в сооружении флота приписалась, если бы такое невероятное и выше сил человеческих являющееся дело в отдаленной древности приключилось, и не было б в твердой памяти у многих очевидных свидетелей и в письменных достоверных известиях. В сих мы с удивлением читаем, что нельзя определить, сухопутное ли или морское войско учреждая, больше труда положил Петр Великий. Однако о том нет сомнения, что в обоих был неутомим, в обоих превосходен, ибо, как для знания всего, что ни случается в сражениях на сухом пути, не только прошел все чины, но и все мастерства и работы испытал собственным искусством, дабы ни над кем не просмотреть упущения должности и ни от кого излишества свыше сил не потребовать. Подобным образом и во флоте, не учинив опыта, ничего не оставил, в чем бы только его проницательныя мысли или трудолюбивыя руки могли упразднiться. <...>

К основанию и произведению в действо столь великой морской и сухопутной силы, сверх сего к строению новых городов, крепостей, пристаней, к сообщению рек великими каналами, к укреплению пограничных линей валами, к долговременной войне, к частым и дальным походам, к строению публичных и приватных зданий новою архитектурою, к сысканию искусных людей и всех других способов для распространения наук и художеств, на содержание новых чинов придворных и штатских великая казна требовалась, – всякому ясно представить можно и рассудить, что к тому не могли достать доходы Петровых предков. Того ради премудрый государь крайнее приложил старание, как бы внутренние и внешние государственные сборы умножить без народного разорения, и по врожденному своему просвещению усмотрел, что не только казне великая прибыль воспоследует, но и общее подданных спокойство и безопасность единым учреждением утвердится, ибо, когда еще не было число всего российского народа и каждого человека жилище известно, своевольство не пресечено, каждому, куда хочет, переселиться и странствовать по своему произволению не запрещалось, наполнены были улицы бесстыдною и шатающеюся нищетою, дороги и великие реки нередко запирались злодейством воров и целыми полками душегубных разбойников, от которых не только села, но и города разорялись. Превратил премудрый герой вред в пользу, леность в прилежание, разорителей в защитников, когда исчислил подданных множество, утвердил каждого на своем жилище, наложил легкую, но известную подать, чрез что умножилось и учинилось известное количество казенных внутренних доходов и число людей в наборах, умножилось прилежание и строгое военное учение. Многих, которые бы в прежних обстоятельствах остались вредными грабителями, принудил готовыми быть к смерти за отечество.

Сколько другие к сему служащие премудрые учреждения спомоществовали, о том умолчу; упомяну о приращении внешних доходов. Всевышнего промысл споспешествовал добрым намерениям и рачениям Петровым: отворил рукою его новые пристани на Варяжском море при городах, храбростью его покоренных и собственным трудом воздвигнутых. Совокуплены великия реки для удобнейшего прохода российского купечества, сочинены пошлинные

уставы, утверждены купеческие договоры с разными народами. И так, прирастая внутрь и вне... продолжая двадцать лет трудную войну, Россия от долгов была свободна. <...>

Сколь много требовало неусыпности основание и установление правосудия, учреждение Правительствующаго Сената, Святейшего Синода, государственных коллегий, канцелярий и других мест присутственных с узаконениями, регламентами, уставами, расположение чинов, заведение внешних признаков для оказания заслуг и милости, наконец, политика, посольства и союзы с чужими державами!.. Когда бы прежде начала Петровых предприятий приключилось кому отлучиться из Российского отечества в отдаленные земли, где бы его имя не гремело, буде такая земля есть на свете, потом бы, возвратясь в Россию, увидел новые в людях знания и искусства, новое платье и обходительства, новую архитектуру с домашними украшениями, новое строение крепостей, новый флот и войско; всех сих не только иной образ, но и течение рек и морских пределов усмотрел перемену, что б тогда помыслил? Не мог бы рассудить иначе, как что он был в странствовании многие веки, либо все то учинено в столь краткое время общими силами человеческого рода, или творческою Всевышнего рукою, или, наконец, все мечтается ему в сонном видении. <...>

За великие перед отечеством заслуги назван он отцом Отечества...

Повседневная жизнь города, 1720-е годы
Из «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1727 год

В 1725 году император Петр Великий скончался, и трон наследовала его супруга Екатерина I. В ее краткое двухлетнее правление состоялось торжественное открытие Академии наук (*именной указ об учреждении Академии наук с университетом и гимназией был объявлен Сенатом еще в 1724 году*) *в зданиях на Петровской и Университетской набережных* (*1725*)*, Кунсткамера переехала в новое здание на Васильевском острове, а в целом в городе уже насчитывалось свыше 6 тысяч дворов и более 40 тысяч жителей. Немного позднее, уже в царствование Петра II, город был разделен на пять частей – Адмиралтейскую, Василеостровскую, Выборгскую, Московскую и Петербургскую. При этом в 1728 году двор перебрался из Петербурга в Москву.*

О повседневной жизни двора, страны и города в те годы можно судить по сообщениям «Санкт-Петербургских ведомостей», первой русской газеты, которая с 1703 года печаталась в Москве, а с 1711 года – попеременно в обеих столицах.

Сего ноября 23 дня года 1727 в день празднования Святой Великомученицы Екатерины в Зимнем дворце Ея Императорского Величества дома в 6 часов пополудни при присутствии отправлено всенародное пение, где были российские и чужеземные министры от гвардии штаб и обер. В 10 часу поутру собрано было против Исаакиевской церкви на лугу в числе 40 персон, знатных шляхтичей, конница, к которой тогда на богато убранной лошади прибыл его святейшество князь Меньшиков, яко командир кавалерии. Пошли к Зимнему двору ея величества.

Сего генваря вначале на реке Неве поставлена была новопостроенная изрядная и богатоубранная Иордань, при которой на входе поставлены были вновь написанные изрядными мастерами образы. А именно образ Богоявления Господня с надписью: «Сей есть Сын мой возлюленный, о нем же благоволих». Здесь же новопоставлены Образ похождения, Образ всемирного Потопа, Образ Иоанна Крестителя, Образ Духа Святого.

Его императорское величество (Петр II. – *Ред*.) в достопоминаемое первое присутствие свое в Верховном Тайном Совете к подданным своим во облегчении их податей и в прочем соизволил милосердно показать, что следует ниже сего:

Положенные за прописку при переписи люди крестьяне кому душ сколько, столько денег сложить.

Вотчинной коллегии со всеми делами из Санкт-Петербурга быть в Москве. Другим же коллегиям быть в Санкт-Петербурге.

Петербург в царствование Анны Иоанновны, 1730-е годы Василий Тредиаковский, Христофор Манштейн

Последний прямой потомок рода Романовых по мужской линии, император Петр II скончался в 1730 году, и волей обстоятельств на троне оказалась Анна, дочь брата и соправителя Петра Великого Ивана Алексеевича. В годы ее правления в жизни Петербурга произошло несколько знаменательных событий. Был принят утвержденный еще Петром II герб города (1730) – «Скипетр желтый, над ним герб государственный, около его два якоря серебряные, поле красное, вверху корона императорская»; окончательно герб был утвержден в 1780 году при Екатерине II – «В красном поле два серебряных якоря, положенные крестом, и на них золотой скипетр». Из Москвы в Петербург вернулся царский двор (1732), это событие было торжественно обставлено – длинная процессия, сопровождавшая кареты императрицы и особ двора, въезжала через несколько специально сооруженных триумфальных арок. В Меншиковском дворце открылся Кадетский корпус – первое в России военное (сухопутное) учебное заведение. Императрица Анна Иоанновна учредила Комиссию о санкт-петербургском строении, в обязанности которой входило составление общего плана города с обозначением мест, где должны быть площади, улицы и строения. Городским улицам, каналам, площадям, мостам присвоили официальные названия (1738), правда, распоряжение об установлении специальных досок с названием улиц издала только спустя 30 лет императрица Екатерина II. В том же 1738 году была создана Танцевальная школа, впоследствии Театральная школа, Театральное училище, Хореографическое училище, а ныне Академия русского балета имени А. Я. Вагановой.

Императрице Анне Иоанновне посвятил панегирик первый из великих русских поэтов В. К. Тредиаковский.

Да здравствует днесь императрикс Анна
На престол седша увенчанна,
Краснейше солнца и звезд сияюща ныне!
Да здравствует на многа лета,
Порфирою златой одета,
В императорском чине.
Се благодать всем от небес лиется:
Что днесь венцем Анна вязется.
Бегут к нам из всей мочи сатурновы веки!
Мир, обилие, счастье полно
Всегда будет у нас довольно;
Радуйтесь, человеки.
Небо все ныне весело играет,
Солнце на нем лучше катает,
Земля при Анне везде плодовита будет!
Воздух всегда в России здравы,
Переменятся злые нравы,
И всяк нужду избудет.

О том, насколько оправдались эти надежды, какова была жизнь в стране в целом и в Петербурге в частности в годы правления Анны Иоанновны, читаем в записках адъютанта фельдмаршала Миниха, немца на русской службе Х. фон Манштейна.

В январе 1732 г. двор выехал из Москвы в Петербург. Для этого путешествия выбрана была зима, так как в этой стране летние путешествия очень неудобны по причине обширных болот и комаров. Зимою из Москвы в Петербург, т. е. расстояние в 200 французских лье, можно очень удобно проехать в санях в трое суток. В свете нет страны, где бы почта была устроена лучше и дешевле, чем между этими двумя столицами. Обыкновенно везде дают на водку ямщикам, чтобы заставить их скорее ехать, а между Петербургом и Москвой, напротив, надобно давать на водку, чтобы тише ехали. <...>

Когда двор прибыл в Петербург, императрица усердно принялась за дело. Она хотела, чтобы во всей ее обширной империи все было приведено в лучший, чем когда-либо, порядок. Она начала с войска. Граф Миних, назначенный ею президентом военной коллегии, после опалы фельдмаршала князя Долгорукого был пожалован в звание фельдмаршала и поставлен во главе всего военного ведомства. Императрица не могла сделать лучшего выбора, потому что благодаря стараниям этого генерала русская армия приведена в такой стройный порядок, какого прежде не бывало, и в войске водворилась дотоле столь чуждая ему некоторая дисциплина.

В видах образования хороших младших офицеров для армии Миних с самого начала 1731 г. предлагал устроить им рассадник посредством основания кадетского корпуса для юношей русского и лифляндского дворянства, также и для сыновей иностранных офицеров, которые согласились бы вступить на службу в корпус. Этот проект понравился и был одобрен. Миниху поручено главное управление корпусом, а в помощники ему дан генерал-майор барон де Люберас. Прусский король прислал офицеров и унтер-офицеров для первого устройства этого корпуса и обучения прусским военным приемам. Помещением для кадет был выбран дом Меншикова. Это здание обширно, и в нем удобно размещены 360 человек кадет и все офицеры и учителя корпуса. Это заведение – одно из лучших в России; молодые люди получают здесь очень хорошее воспитание, и обучают их не только телесным упражнениям, но, по желанию и по способностям, учат наукам и литературе. Выпущенные из корпуса офицеры оказываются, бесспорно, лучшими между остальными офицерами из русских.

По совету же графа Миниха императрица приказала образовать три кирасирских полка. До того времени в России такого рода войска не существовало, да она, я полагаю, могла бы и обойтись без него; эта кавалерия стоила больших издержек, а государство до сих пор почти не воспользовалось ею. Первый из этих полков был лейб-кирасирским, второй был дан графу Миниху, а третий – принцу Брауншвейгскому. Так как в России не водятся лошади настолько крепкие, чтобы они годились для тяжелой кавалерии, то пришлось их закупать в Голштейнском герцогстве, а для того чтобы привести эту кавалерию в порядок и устроить на прусский лад, король прусский прислал многих офицеров и унтер-офицеров для этих полков. Но король не ограничился тем только, что снабдил войско императрицы офицерами и унтер-офицерами как для кадетского корпуса, так и для кавалерии; спустя несколько времени он прислал ей инженерных офицеров, которые должны были войти в состав инженерного корпуса. Взамен этого он получил 80 человек рослых солдат для своего лейб-гренадерского корпуса.

Около этого времени императрица одобрила другой проект графа Миниха, состоявший в том, чтобы увеличить весьма скудное до того жалованье офицеров из природных русских. Петр I при образовании армии учредил три оклада жалованья: иностранцы, вновь поступавшие на службу, получали высшее жалованье; те, которые родились в России – так называемые старые иноземцы, – получали меньшее, а природные русские – наименьшее; прапорщик имел не больше восьми немецких гульденов в месяц. Миних представил, что таким жалованьем невозможно содержать себя и что несправедливо было давать иностранцам большее жалованье против своих; и так уравняли всех, и жалованье русских было удвоено.

По совету же фельдмаршала Миниха предпринято было составление нового военного штата, которым армия была бы поставлена в более правильный против прежнего порядок. Двор

назначил комиссию из нескольких генералов армии, которым было поручено составить этот штат под руководством Миниха. В 1733 г. штат был публикован и введен в армию.

Императрица не довольствовалась тем, что привела в порядок свою армию; она хотела, чтобы и торговля процветала в ее государстве. Она уменьшила на треть ввозную пошлину на многие товары и возобновила все прежние торговые договоры.

Несогласие, господствовавшее уже несколько лет между петербургским и копенгагенским дворами, кончилось заключением в Копенгагене союзного трактата при посредничестве императора. Несогласия обоих дворов начались еще при Петре I. Еще будучи союзником датского короля, Петр I был недоволен им, а когда он решился выдать свою старшую дочь замуж за герцога Голштейнского, Петр вступился за интересы своего зятя против того двора. В том же духе действовали Екатерина и Петр I, так что согласие обоих дворов окончательно расстроилось. Когда же Анна вступила на престол, интересы герцога Голштейнского уже не возбуждали сочувствия ее двора, так что легко было согласить обе стороны. Этим трактатом король датский признал впервые императорский титул за русскими государями, а императрица обязалась ограждать все без исключения области, входящие в состав владений короля.

Около этого же времени в Петербург прибыло китайское посольство. Это было вообще первое при европейском дворе. Оно состояло из трех послов и многочисленной свиты. В прежние времена китайские дипломаты отправлялись только к губернатору Сибири и все торговые дела решали в Тобольске. Ни нравы, ни воспитание китайское не оказались поучительными в этом посольстве, хотя послы были из числа мандаринов второй степени, следовательно, лица высшего звания. Один из них был украшен двумя павлиньими перьями – знак высокого отличия в Китае. Привезенные ими петербургскому двору подарки состояли из большого количества фарфора, из коралловых и перламутровых фигур. Они же увезли с собою в большом количестве меха и серебряную модель военного корабля. Последним подарком хотели дать китайскому императору понятие о морских силах России.

Петербургский двор давно уже искал удобного случая с честью отделаться от областей, завоеванных Петром у Персии и стоивших государству более расходов, нежели было от них выгоды, особенно как в них погибло множество народу. Наконец средство было найдено. Двор вступил в переговоры по этому предмету с испаганским двором и уступил области взамен многих разных льгот по торговле. Но так как Тамас-Кули-хан намеревался возобновить войну с турками, то одною из статей договора Россия обязывалась содержать в крае свои гарнизоны еще несколько лет; таким образом императрица оставила некоторые города за собою до 1734 г. Россия принуждена была содержать в этих областях до 30 человек гарнизонного войска, и не проходило года, чтобы не встретилась надобность пополнять их более чем наполовину, потому что непривычный для русских климат страны производил между ними такую смертность, что они умирали как мухи. Рассчитано, что с 1722 г., когда Петр начал войну, во время выхода войск из Персии погибло до 130 000 человек. Спустя несколько времени по заключении договора Шах-Надир объявил войну туркам и осадил город Ардебиль, но осада его не подвигалась. Тогда главнокомандующий русскими войсками в Персии генерал Левашев по приказанию двора послал шаху нескольких артиллерийских и инженерных офицеров для управления осадой; город хотел уже сдаться, когда Левашев предложил свое посредничество; обе стороны приняли его. Он выхлопотал свободный выход турецкому гарнизону и отправку его в принадлежащую Порте крепость Шамаху. Этим генерал Левашев заслужил большую благодарность обеих сторон. Во все время, что русские офицеры находились в персидском лагере, они носили персидское платье, чтобы турки их не узнали.

Около этого времени у России возник спор с Польшей. Эта республика решила разделить герцогство Курляндское на воеводства после смерти владетельного герцога, и это дело предстояло обсудить сейму. Однако императрица велела объявить, что она ни за что не потерпит этого разделения, а так как она имела притязание на Курляндию относительно своей вдовьей

части, то располагала сохранить за тамошним дворянством право выбирать герцога в случае смерти царствующего, если бы этот умер бездетным. Ее посланник в Варшаве представлял там несколько записок по означенному предмету, но так как русскому двору казалось, что на представления его не обращают должного внимания, то и было приказано нескольким полкам двинуться к границам Польши для поддержки требований посланника. Однако после некоторых переговоров дело это уладилось; войска были вызваны обратно в квартиры, но не слишком удалились от границы. Еще по другой причине войско было двинуто к границам Польши. Примас и фамилия Потоцких опасались покушения короля на польскую вольность, так как он во многих случаях поступал в противность *Pactis conventis* (заключенным соглашениям – *лат.*); между прочим, он хотел назначить графа Понятовского коронным гетманом до открытия сейма. Поэтому они послали бельского воеводу из фамилии Потоцких же к русскому двору просить защиты императрицы против короля. Когда же, спустя несколько месяцев этот государь умер, то те же войска, которые двинулись было к границе против него, теперь вступили в Польшу, чтобы утвердить сына его на престоле.

Вода и пламень: пожары и наводнения в Петербурге, 1710–1740 годы Фридрих-Христиан Вебер, Педер фон Хавен

При Анне Иоанновне в Петербурге развернулось строительство военных городков – слобод. Началось все еще при Екатерине I, которая в 1726 году распорядилась отвести Преображенскому и Семеновскому полкам земли по Большой першпективной дороге (впоследствии – Невский проспект), неподалеку от Адмиралтейства. В декабре 1739 года императрица Анна Иоанновна повелела строить гвардейские полковые слободы на Московской стороне, за Фонтанкой. В указе говорилось: «Вместо казармов строить полковые слободы, дабы солдаты с вещею выгодой с женами своими жить, а дети их сбережены и при полковых школах обучены и воспитаны быть могли». Слобода Преображенского полка располагалась позади Литейного двора, Семеновского – за Фонтанкой, Измайловского – за Калинкиной деревней; впоследствии Измайловскому полку отвели участок, ограниченный нынешними Московским и Лермонтовским проспектами, Фонтанкой и Обводным каналом. Именно из этих слобод позднее развились городские районы, а имена полков сохранились в названиях улиц; в частности, Измайловский проспект своим названием обязан Измайловскому полку.

Поскольку город изначально был деревянным, да и каменное строительство затронуло лишь центральную часть, пожары являлись настоящим бедствием. С 1710 года, когда огонь уничтожил первую церковь Пресвятой Живоначальной Троицы и гостиный двор, пожары в Петербурге случались с пугающей регулярностью; в 1718 году, к примеру, сильнейший пожар уничтожил здания Сената и Военной коллегии.

Для борьбы с огнем принимались разнообразные меры: так, еще Петр Великий распорядился войскам оказывать помощь при тушении пожаров, в 1713 году горожанам вменили в обязанность принимать участие в тушении огня, в 1720 году был опубликован указ, запрещавший «подлому народу» строить бани, а в 1722 году была создана городская пожарная команда.

О том, как обстояли дела в борьбе с огнем при Петре I, читаем у Ф.-Х. Вебера.

Хотя весь город – деревянный, а крыши покрыты, в частности, легко загорающимися тонкой дранкой и щепой, тем не менее редко сгорает больше двух домов, даже если они стоят вплотную друг к другу. Ибо от огня приняты столь хорошие меры, что можно не опасаться большого ущерба. Эти меры в основном таковы. Во-первых, на башнях денно и нощно стоят сторожа, которые, заметив огонь, тотчас начинают бить в колокола особым звоном. Этому звону вторят на других колокольнях, и сразу же по всему городу бьют в барабаны пожарную тревогу. Как только это случилось, отовсюду сбегаются несколько сот и даже тысяч плотников (каких полно во всех местах города) с топорами в руках [так спешно], будто у них горят волосы на голове. Дело в том, что все плотники, как и солдаты, под страхом сурового наказания обязаны мгновенно явиться на место. Его царское величество, если находится в городе, обычно первым оказывается на пожаре, или же князь Меншиков, или комендант крепости, или некоторые генералы и высокие офицеры.

Поскольку же в таких случаях больше зависит от хорошего командира, чем от сотни работников, то происходит следующее. Соседние дома по обе стороны от уже горящих мигом организованно сносят. А так как тем временем прибывают и большие пожарные насосы, то не только огонь с необыкновенной быстротой полностью гасится, но часто наполовину спасают и уже загоревшиеся дома. Его царское величество обычно находится среди рабочих, в самом нужном месте с топором в руке забирается на полусгоревшие дома и действует так, что у смот-

рящих на это порой мороз по коже. Благодаря этим мерам и доброму порядку все же редко обращается в пепел больше одного, в крайнем случае нескольких домов (хотя пожары возникают чуть не каждую неделю), сколь бы опасным это ни казалось.

В 1736 году в Петербурге побывал датчанин П. фон Хавен, которому довелось воочию наблюдать пожар на Дворцовой площади.

Пожар в Петербурге

Возможность для знакомства с епископом мне предоставил Аптекарский сад, где я жил и где епископ имел обыкновение прогуливаться из-за своего недуга. Его смерть все же не отняла у меня удовольствия, получаемого от местоположения моей квартиры. Но после его кончины в Петербурге случилось великое несчастье, более значительное и всеобщее. В середине августа, в полдень, ровно в 12 часов начался пожар, за восемь-девять часов обративший в пепел около тысячи домов. Пожар случился на Дворцовой стороне, где город был застроен наиболее сильно и плотно. Большинство сгоревших домов хотя и были деревянными, но красивы и возведены по принятым у нас правилам строительства.

Средства для тушения пожара

Некий превосходный и заслуживающий доверия автор в своей «Русской истории» сообщает о применяемых в Петербурге средствах тушения пожара, что они столь хороши, как едва ли где-либо еще. Император Петр Алексеевич для этого распределил соответствующие обязанности между всеми высокими и низкими военными и гражданскими служащими. Он сам тоже имел свои обязанности среди этих пожарных и при возникновении пожара всегда являл собой добрый пример остальным, сам участвуя в тушении, и часто с величайшей опасностью для жизни поднимался на дома. Поэтому во все его время, когда тоже были сильные пожары, за один раз никогда не сгорало больше четырех-пяти домов. Упомянутый автор показывает это далее на примере пожара, случившегося в октябре 1718 года.

Эти средства в 1736 году не были упразднены, более того, улучшены весьма полезными предписаниями. Несмотря на это, в считанные часы среди дня и в безветренную погоду, в месте, где не было недостатка в каналах или воде, обратились в пепел около тысячи домов, хотя огонь возник в доме с фундаментными стенами и спустя целый час еще не достиг какого-либо деревянного дома.

Через год сгорело несколько прекраснейших улиц Петербурга, сплошь застроенных красивыми домами с фундаментными стенами. В Москве обратилось в пепел 20–30 тысяч домов, причем князь и нынешний великий канцлер Черкасский понес убытков на сумму около 20 тысяч рублей. В Ярославле и других больших русских городах в том году пожары были не менее беспощадны. А поскольку средства для тушения повсюду были такими же, как во времена императора Петра Первого, то видно, что в подобного рода случаях дело зависит не от одних только средств; средства и распоряжения – это одно, а их верное и проворное исполнение – это другое.

Огонь возник из-за персов

Пожар, возникший спустя год, был, как говорили, устроен убийцей-поджигателем. По этому случаю провели строгое расследование. Подозреваемые лица после мучительных допросов и полученного признания были подвергнуты наказанию. Все другие свободные люди, которые под именем иноземных офицеров пребывали в Петербурге, желая определиться на рус-

скую императорскую службу, получили приказы безотлагательно покинуть страну. Но в том, именно 1736 году с тем большим трудом можно было себе представить, что поджог устроили злоумышленники, ведь ясно было, что пламя вспыхнуло в одном из дворцов персов, которые по неосторожности и разгильдяйству с огнем часто подвергали Петербург опасности, наводя страх. Хотя они и магометане, или, лучше сказать, последователи пророка Али, но все же многие из них еще придерживаются старых персидских суеверий поклонения огню. Поэтому они часто, когда им нужно, разводят довольно большие костры. И когда на всех улицах полыхало, видели, как часть персов весьма радовалась воображаемому могуществу и великолепию своего божества.

Этот азиатский народ выглядит в Петербурге очень необычно. Посему для разъяснения хочу сообщить о причине пребывания персов в городе, особенно затем, что ниже я не раз буду говорить, отчего знать это необходимо.

Тот же П. фон Хавен подробно писал и о другой беде Санкт-Петербурга – наводнениях.

Это наводнение не причинило никакого вреда, так как там уже привыкли к подобным [происшествиям, случающимся] каждую осень, и время от времени принимают следующие меры, посредством которых можно предупредить несчастье.

Грунт ценой неимоверных трудов и расходов во всех должных местах подсыпан землей по берегам и снабжен такими прочными бульверками, что вода не может их размыть. Бедняки, возможно, испытывают в своих низких жалких жилищах в том или ином месте некоторые тяготы. Но более всего кажутся подверженными опасности сады и склады купцов в подвалах. Однако что касается первого, то садов в Петербурге не много. В Аптекарском саду все то, что могло быть испорчено водой, было заранее перенесено в его высокую оранжерею, где и находилось в совершенной безопасности. Подвальные склады повсюду охраняются таким образом, чтобы, едва заметят подъем воды, их легко было запереть и сохранить в порядке. И если наводнение причинит какой-либо ущерб тому или иному купцу, то ему следует отнести это на счет собственной неосторожности. Но поскольку в Петербурге многие иностранные купцы являются комиссионерами предпринимателей Голландии, Англии и других государств, то они видят свою выгоду в том, чтобы обращать внимание лишь на то, что каждый год терпят из-за наводнений невозместимый ущерб. Поэтому обычно говорят, что если в Петербурге в какой-то год не случится большого пожара или очень высокой воды, то наверняка некоторые из этих тамошних иностранных факторов обанкротятся.

Причины наводнений

Причины этих наводнений, удивительным образом случающихся в Петербурге каждую осень, представляются мне достойными изучения. Теперь это видится тем более легким, что прежде уже изучалось другими. Но в действительности задача труднее, чем кажется, ибо, насколько мне известно, причина еще пока никем удовлетворительно не объяснена. Мне думается теперь, что ее следует искать и она может заключаться в следующих трех вещах: во-первых, в поре года, затем в расположении местности и реки и, наконец, в ветре.

Что касается времени, то такие наводнения случаются каждую осень в конце октября или начале ноября месяца. Теперь известно, что в это время все воды выше, чем в какую-либо иную пору года. Ибо хотя реки весной, когда тают лед и снег и также льют сильные дожди, конечно, могут и обязательно должны сильно подниматься, однако тогда они зато имеют более сильное и быстрое течение, поскольку их уровень выше уровня открытого моря, в которое они впадают. И, напротив, осенью моря, реки и все большие водоемы поднимаются столь же высоко. Причина тому заключается в следующем. Весной воздух теплеет, поэтому расширяется и, сле-

довательно, придавливает все воды. Осенью же, наоборот, воздух остывает, вследствие чего сжимается и освобождает воде пространство – прибывать и подниматься вверх. Опыт подтверждает сказанное настолько ясно, что в его пользу нет нужды приводить какие-либо примеры, особенно учитывая, что вдаваться в подобные материи моим намерением не является.

Относительно местоположения края и реки следует заметить, что река Нева вытекает из неспокойного Ладожского озера, затем проходит различные пороги, прежде чем, разделяясь на многочисленные рукава, образовать острова, на которых заложен и отчасти построен Петербург; затем она между Петербургом и Кронштадтом становится очень широкой, но по мере приближения к Кронштадту все более глубокой и узкой и наконец впадает в тесный Финский залив, который, протянувшись с северо-востока на юго-запад, выходит в открытое Балтийское море.

Весь край вокруг Петербурга до самого Кронштадта очень болотистый и низменный. И если бы наводнения в Петербурге не имели никаких иных причин, то уже само расположение местности и реки Невы могло бы быть для этого достаточным, особенно если учесть удивительную неспокойность Ладожского озера, до причин чего по сю пору никто не смог доискаться, хотя знать их было бы весьма важно.

Однако же прежде всего эти наводнения вызывает юго-западный ветер; вот уже почти 30 лет, с тех пор как туда пришли разумные, ученые люди, замечают, что такой ветер всегда сильно дует на протяжении нескольких дней до начала подъема воды. Этот ветер сдерживает воду в Ладожском озере и в реке Неве и также гонит мимо Кронштадта соленую морскую воду в пресную. Опыты подтверждают, что всегда, когда долго дует юго-западный ветер, между Кронштадтом и Петербургом появляется солоноватая вода. Этот ветер вряд ли способен вызвать наводнение зимой, весной и летом, ибо, как уже было сказано, вода в этой реке течет очень быстро. Кроме того, в северных областях России юго-западный ветер бывает редко. Однако каждую осень на протяжении нескольких дней он обязательно дует в округе Петербурга и северо-восточных областях [России]. Ведь легко понять, что на северо-востоке должно скорее становиться холодно, чем на юго-западе. И когда воздух от холода сжимается, то испарения в еще теплом и более расширенном юго-западном воздухе необходимо должны стремиться туда, где могли бы получить пространство, то есть на северо-восток. Поскольку ветер – не что иное, как быстрое передвижение испарений с одного места в другое, то юго-западный ветер непременно должен наконец несколько дней каждую осень дуть в Петербурге. Поскольку же этим ветром вода задерживается в Ладожском озере и реке Неве, то едва ветер изменит направление или утихнет, не может быть ничего иного, как реке сразу с большой силой устремиться в море, особенно если учесть, что она вытекает из большого Ладожского озера и минует различные водопады, прежде чем прийти к Петербургу. Но поскольку Нева в Петербурге широка, а у Кронштадта становится узкой, то ее можно рассматривать как воронку, которая должна переливаться, если в нее льют слишком много и быстро. При таких обстоятельствах весь край вокруг Петербурга обязательно должен уходить под воду и совершенно затопляться. Кроме того, замечено, что наводнения всегда происходят в полнолуние. Поскольку теперь известно, что вся влага на земле и в земле осенью, зимой и весной убывает и прибывает вместе с луной, то возможно, что полная луна может иметь какое-то отношение к наводнениям. Однако объяснить это нелегко, так как невозможно назвать причину, почему юго-западный ветер должен больше дуть именно в полнолуние, а не в новолуние. Если же от наводнений в Петербурге хотят окончательно избавиться, то я не знаю лучшего способа, чем следующий. Надо, если позволят особенности местности, прокопать канал в море из юго-западного устья реки Невы в северо-восточном направлении, и тем самым легче будет перевести течение реки Невы с южной стороны от Кронштадта, между ним и Ингерманландией, на северную сторону, между ним и Карелией. Тогда, вероятно, вода смогла бы выливаться, какой бы ветер ни был, так как она, собственно, задерживается ветром прежде всего у Кронштадта.

Увеселения: Ледяной дом, 1740 год
Георг Вольфганг Крафт

Правление Анны Иоанновны во многом превратило страну в подобие средневекового баронского двора с присущими этому двору простыми и грубыми нравами. Увеселения, которым предавалась императрица, утратили даже подобие европейского лоска, привитого было Петром I. Зимой 1740 года по приказу Анны Иоанновны на Дворцовой площади Петербурга возвели знаменитый Ледяной дом, где и сыграли свадьбу князя А. М. Голицына, низведенного в шуты, с шутихой Буженинoвой.

Г. Крафт – академик петербургской Академии наук, оставивший обстоятельное описание Ледяного дома.

Здесь, в Санкт-Петербурге, художество гораздо знатнейшее дело изо льду произвело. Ибо мы видали из чистого льда построенный дом, который по правилам новейшей архитектуры расположен и, для изрядного своего вида и редкости, достоин был, чтоб, по крайней мере, таково ж долго стоять, как наши обыкновенные домы, или чтоб в Сатурна, как в число звезд, перенесен и между двумя весьма достопамятными строениями, а именно – между созданною, от блаженной и вечнодостойной памяти императора Петра Первого, адмиралтейскою крепостью и построенным, от блаженной ж и вечнодостойной памяти государыни императрицы Анны, новым зимним домом, который, для своего великолепия, достоин всякого удивления. На сем месте строение опять началось: самый чистый лед, наподобие больших квадратных плит, разрубали, архитектурными украшениями убирали, циркулем и линейкою размеривали, рычагами одну ледяную плиту на другую клали, а каждый ряд водой поливали, которая тотчас замерзала и вместо крепкого цемента служила. Таким образом, чрез краткое время, построен был дом, который был длиною в 8 сажен, или 56 лондонских футов, шириною в 2 сажени с половиною, а вышиною, вместе с кровлею, в 3 сажени; и гораздо великолепнее казалось, нежели когда бы он из самого лучшего мрамора был построен, для того, что казался сделан быть будто бы из одного куска, и для ледяной прозрачности и синего его цвета на гораздо дражайший камень, нежели на мрамор походил...

Напереди перед домом стояло 6 ледяных пушек, которые имели колеса и станки ледяные ж, что и о всем последующем разуметь должно, разве что неледяное случится, о чем именно упомянуто будет. Помянутые пушки величиною и размером против медных трехфунтовых сделаны и высверлены были. Из оных пушек неоднократно стреляли, в котором случае кладено в них пороху по четверти фунта, а при том посконное или железное ядро закачивали. Такое ядро, некогда в присутствии всего императорского придворного штата, в расстоянии 60 шагов, доску, толщиною в два дюйма, насквозь пробило. Еще стояли, в том же ряду с пушками, две мортиры. Оные мортиры сделаны были по размеру медных мортир против двухпудовой бомбы, из которых многократно бомбы бросали, причем на заряд в гнездо по четверти фунта пороху кладено. Напоследок, в том же ряду, у ворот, стояли два дельфина. Сии дельфины, с помощью насосов, огонь от зажженной нефти из челюстей выбрасывали, что ночью приятную потеху представляло. Позади помянутого ряда пушек и мортир сделаны были около всего дома из ледяных баляс изрядные перила, между которыми, в равном расстоянии, четырехугольные столбы стояли. Когда на оный дом из близи смотрели, то с удивлением видна была вверху, на кровле, четырехугольными столбами и точными статуями украшенная галерея, а над входом преизрядный фронтишпиц, в разных местах статуями украшенный.

Самый дом имел дверные и оконничные косяки, также и пилястры, выкрашенные краскою, наподобие зеленого мрамора. В оном же доме находились крыльцо и две двери. При входе в дом были сени, а по обеим сторонам – покои без потолка, с одною только крышкою. В сенях

были четыре окна, а в каждом покое – по пяти окон, в которых, как рамки, так и стекла из тонкого, чистого льда сделаны были. Ночью в оных окнах неоднократно много свеч горело и почти на каждом окне видны были на полотне писанные, смешные картины, причем сияние, сквозь окна и стены проницающее, преизрядный и весьма удивительный вид показывало. В перилах, кроме главного входа, находились еще двухсторонние ворота и на них горшки с цветами и с померанцевыми деревьями, а подле них – простые ледяные деревья, листья и ветви ледяные же имеющие, на которых сидели птицы, что все с изрядным мастерством сделано было. Теперь посмотрим, каким образом убраны покои. Тут стоял уборный стол, на котором находились зеркало, несколько шандалов со свечами, которые по ночам, будучи нефтью намазаны, горели, карманные часы и всякая посуда, а на стене висело зеркало. Тут видны были преизрядная кровать с завесом, постелью, подушками и одеялом, двое туфель, два колпака, табурет и резной работы камель, в котором лежали ледяные дрова, нефтью намазанные, многократно горели. Там стоял стол, а на нем лежали столовые часы, в которых находящиеся колеса, сквозь светлый лед, видны были. Сверх сего, на столе, в разных местах, лежали, для играния, приморожденные подлинные карты с марками. Подле стола, по обеим сторонам, стояли резной работы два легкие стула, а в углах – две статуи. Тут стоял, по правую руку, резной угольный поставец с разными небольшими фигурами, а внутри оного стояла точеная чайная посуда: стаканы, рюмки и блюда с кушаньем. Все оные вещи изо льда сделаны и приличными, натуральными красками выкрашены были.

Наружное и прочее сего дома украшение состояло в следующих вещах. Во-первых, во всякой стороне, на пьедестале с фронтишпицом, поставлено было по четырехугольной пирамиде. Помянутые пирамиды внутри были пусты, которые сзади от дома вход имели. На каждой оных стороне высечено было по круглому окну, около которых, снаружи, размалеванные часовые доски находились, а внутри восьмиугольный бумажный, большой фонарь висел, у которого, на каждой стороне, всякие смешные фигуры намалеваны были, и в котором ночью свечи горели. Оный фонарь находившийся внутри потайной человек вокруг оборачивал, дабы сквозь каждое окно, из помянутых фигур, одну за другою смотрители видеть могли.

Второе, по правую сторону дома изображен был слон в надлежащей его величине, на котором сидел персиянин с чеканом в руке, а подле его еще два персиянина, в обыкновенной человеческой величине, стояли. Сей слон внутри был пуст и так хитро сделан, что днем воду, вышиною на 24 фута, пускал, которая из близко находившегося канала Адмиралтейской крепости, трубами приведена была, а ночью, с великим удивлением всех смотрителей, горящую нефть выбрасывал. Сверх же того, мог он, как живой слон, кричать, который голос потаенный в нем человек трубою производил. Третье, на левой стороне дома, по обыкновению северных стран, изо льда построена была баня, которая, казалось, будто бы из простых бревен сделана была и которую несколько раз топили и действительно в ней парились.

Такого состояния был сей ледяной дом; и понеже жестокая стужа, с начала января месяца по самый март, почти беспрерывно продолжалась, то и оный дом до того же времени стоял, без всякого повреждения. В исходе марта месяца начал он к падению клониться и помаленьку, особливо с полуденной стороны, валиться, причем из обвалившихся льдин самые большие в императорский ледник отвезены были. Кроме того увеселения, которое сей ледяной дом в каждом смотрителе производил, можем мы оный еще и за действительный физический опыт почесть, который тем больше пользы имеет, что учинен великим числом ледяной материи. В таком рассуждении распространяем мы свое познание, как я уже выше упомянул, и, будучи уверен чрез самое искусство, видим теперь ясно, что изо льда, при жестокой стуже, можно строить: льдины поливая водою, в скором времени сплачивать, также и лед точить, сверлить, рубить, красить и, способом намазанной нефти, огонь производить, а притом еще из оного стрелять, не употребляя того, как некоторые думали, чтоб порох в жестяной трубе туда вкладывать. Все сие познали мы при сем предприятии, и о истине того совершенно уверены, хотя в

немецкой земле некоторые нашлись, которым наибольшая часть вышеупомянутого описания, вероятно, и вымышлена казалась. И сия невероятность час от часу больше возрасти может, чем далее в полуденные страны слух о ледяном доме распространится.

После свадьбы, на которой гостей развлекали свыше 300 шутов в костюмах разных народностей, «молодых» оставили ночевать в Ледяном доме. Утром их обнаружили едва живыми от холода; заметим при этом, что в 1740 году была зарегистрирована рекордная для города минимальная температура –45°С ниже нуля. Ледяной дом растаял лишь в апреле.

Учреждение театра, 1756 год
Императрица Елизавета Петровна, Александр Сумароков

С восшествием на престол в 1741 году Елизаветы, дочери Петра Великого, развлечения знати стали постепенно приобретать все более цивилизованный характер. В 1750 году императорским указом дворянам разрешили устраивать в домах «вечеринки с пристойной музыкой» и «представлять русские комедии». Публичные представления в те годы проводились в Корпусе кадет, в «Оперном доме» на Малой Конюшенной и в придворном театре. В Корпусе кадет спектакли ставил – в том числе и по собственным пьесам – А. П. Сумароков.

В 1751 году театр сделался доступным не только для знати: купцам и их семьям также разрешили посещать представления (в 1756 году императрица Елизавета Петровна разрешила пускать в придворные сады избранную публику), а еще через год в Петербург переехала из Ярославля профессиональная труппа Ф. Волкова, основоположника русского театра.

В 1756 году указом императрицы Елизаветы был учрежден «Русский для представлений трагедий и комедий театр», и директором его назначили А. П. Сумарокова.

Повелели мы ныне учредить русский для представления трагедий и комедий театр, для которого отдать Головнинский каменный дом, что на Васильевском острову, близ Кадетского дома.

А для оного повелено набрать актеров и актрис: актеров из обучающихся ярославцев и певчих в Кадетском корпусе, которые к тому будут надобны, а в дополнение еще к ним актеров из других неслужащих людей, также и актрис приличное число.

На содержание оного театра определить, по силе нашего указа, считая от сего времени, в год денежной суммы по 5000 рублей, которую отпускать из Штатс-конторы всегда в начале года по подписании нашего указа. Для надзирания дома определяется из копиистов лейб-компании Алексей Дьяконов, которого пожаловали мы армейским подпорутчиком с жалованием из положенной на театр суммы по 250 рублей в год. Определить в оный дом, где учрежден театр, пристойный караул.

Дирекция того русского театра поручается от нас бригадиру Александру Сумарокову, которому из той же суммы определяется сверх его бригадирского жалования по 1000 рублей... А какое жалованье как актерам и актрисам, так и прочим при театре производить, о том ему, бригадиру Сумарокову, от двора дан реестр.

«От двора реестр» обернулся на практике множеством затруднений, о которых Сумароков рассказывал в своих письмах.

Я не ведаю, кто это мог сказать: мы-де по воле ее величества ездим в русский театр, а, впрочем, несносно-де терпеть от Сумарокова. Я ни с кем не говорю в это время и всегда почти на театре. Сказать легко все, а доказать трудно. В день представления – я только о том и думаю; и сколько я ни горяч, однако ни одному смотрителю ни малейшей неучтивости не сделал; а ежели я делал – для чего мне это терпится? Что обо мне говорят не истину, я этому не удивляюся. Тому только дивлюся, для чего я обвиняюсь без исследования. А я так счастлив был по сей день, что не только на меня жаловаться кто причину имел, но ниже я ни на кого. <...>

И. И. Шувалову
20 мая 1758 г.

Милостивый государь! Три представления не только не окупились, но еще и убыток театру принесли: свеч сальных не позволяют иметь, ни

плошек, а восковой иллюминации на малый сбор содержать никак нельзя. Я доносил с прописанием, да и в короткое время сил моих исправлять все потребности недостает; все надобно заблаговременно исправлять. Да и посылать мне, милостивый государь, некого, не имея кроме двух копиистов никаких театральных служителей.

Я затруднений напрасных не имею причины делать и что доношу, о том, утверждая моею честностью, говорю, что то истина. Я все бы исправил, ежели бы была возможность; а сегодня после обеда зачав, до завтра я не знаю, как переделать. Ежели я виноват и от меня происходят затруднения, так я признаю себя неспособным и отдаю на рассмотрение всего света, такое ли это дело поэзия и театр, чтобы исправление могло быть в такое короткое время.

Я вижу, что все мои, милостивый государь, предложения не приемлются, и тянул сколько можно. Я доношу, что мне восковой иллюминации иметь нельзя, и когда буду, пропустив время, под самый конец зачинать исправление, то не может быть порядку. А что Симонов поехал, спустя лето, в лес по малину, и не зачал исполнять того, что ему приказано заблаговременно, это, милостивый государь, не моя вина. Подумайте, милостивый государь, сколько теперь еще дела:

Нанимать музыкантов
Покупать и разливать приказать воск
Делать публикации по всем командам
Делать репетиции и проч.
Посылать к Рамбургу по статистов
Посылать к машинисту
Делать распорядок о пропуске
Посылать по караул.

А людей – только два копииста: они копиисты, они рассыльщики, они портиеры.

Я, наконец, доношу, что три представления уже не окупилися. Денег нет, занимать негде, своих у меня нет, жалованья за неимением денег и по воле Ломоносова не дают; моих денег издержанных г. Чулков семь лет не дает; в Академию с меня нехристианскою выкладкою за работы трагедий правят. Бог моей молитвы за грехи мои не приемлет, и к кому я ни адресуюсь, все говорят, что-де Русский театр партикулярный. Ежели партикулярный, так лучше ничего не представлять. Мне в этом, милостивый государь, нужды нет никакой, и лучше всего разрушить театр, а меня отпустить куда-нибудь на воеводство или посадить в какую коллегию. Я грабить род человеческий научиться легко могу, а профессоров этой науки довольно, ибо ни один еще не повешен. Лучше быть подьячим, нежели стихотворцем.

Императрице Елизавете Петровне
Октябрь 1758 г.

Всемилостивейшая государыня.

Вашего императорского величества человеколюбие и милосердие отъемлет мою робость пасть к стопам В[ашего] И[мператорского] В[еличества] и всенижайше просить о всемилостивейшем помиловании. Я девятый месяц по чину моему не получаю заслуженного моего жалованья от Штатс-конторы, и как я, так и жена моя почти все уже свои вещи заложили, не имея

кроме жалованья никакого дохода. Ибо я деревень не имею и должен жить только тем, что я своим чином и трудами имею, трудяся сколько сил моих есть по стихотворству и театру. А в таких упражнениях не имею ни минуты подумать о своих домашних делах. Дети мои должны пребывать в невежестве от недостатков моих, а я – терять время напрасно, которое мне потребно для услуг В[ашего] И[мператорского] В[еличества] в рассуждении трудов моих к увеселению двора, к чему я все силы прилагаю, и всею жизнию моею с младенчества на стихотворство и на театральные сочинения положился, хотя между тем и другие нес должности и многие лета был при делах Лейб-компании, которые правлены мною беспорочно... Труды мои, всемилостивейшая государыня, сколько мне известно, по стихотворству и драмам не отставали от моего места в исполнении желания, и сочинениями своими я российскому языку никакого бесславия не принес, и покамест не совсем утухнут мысли мои, я в оных к увеселению В[ашего] И[мператорского] В[еличества] и впредь упражняться всем сердцем готов. Я прошу, всенижайше припадая к стопам императорским, помилования, чтоб как жалованье мое заслуженное, так бы и издержанные по изустному В[ашего] В[еличества] повелению около четырехсот рублев, о которых я Василью Ивановичу Чулкову неоднократно подавал роспись, указать мне выдать; ибо, всемилостивейшая государыня, я много по недостаткам моим должен. Впрочем, что касается по трудам моим до особливого В[ашего] В[еличества] милосердия, о том, уповая на человеколюбие, природное В[ашего] И[мператорского] В[еличества] особе, в молчании пребываю и, имея маленьких детей, которых мне воспитать должно, припадаю и с ними, поручая и себя и их В[ашего] В[еличества] всемилостивейшей государыне нашей.

В[ашего] И[мператорского] В[еличества] всенижайший и всеподданнейший раб

Александр Сумароков

Петербург, 1750-е годы
Василий Рубан, Андрей Богданов

Тот Петербург, который позднее признали сокровищницей мировой архитектуры, закладывался при Анне Иоанновне и строился при Елизавете Петровне. Непосредственным свидетелем этого строительства был первый историк города А. И. Богданов, книга которого «Кратчайшее синопсическое описание, отчасти же топографическое изображение, показующее о построении преименитого, нового в свете, царствующего града Санкт-Петербурга» увидела свет лишь в 1799 году, хотя сам автор завершил работу над рукописью в 1751 году. Опубликовал работу А. И. Богданова историк и литератор В. Г. Рубан, значительно переработавший текст. В посвящении к изданию В. Г. Рубан писал:

Всеавгустейшая императрица!

Всемилостивейшая государыня!

Петербург есть град знатнейший в Европе. Намерения, с какими государь Петр Первый начал его созидать, суть велики, оные Ваше императорское величество открыли, приведши его в великолепнейшее состояние, в каком с удивлением видят его ныне обитатели подсолнечные.

Описание начал или первобытности его находилось доселе в безызвестии, что равно, как и красота, в каковую он во время царствования Вашего и извлеченными из недр земель российских мраморами облечен, достойны, чтоб их явить свету, и память возвращения и нынешнего цветущего состояния его сделать незабвенною.

И как сей град всем своим великолепием и славою одолжен наиболее Вашему императорскому величеству, Вам убо книгу сию с глубочайшим благоговением и посвящаю, прося удостоить оную милостивейшего принятия.

Сам Богданов характеризовал свою работу так:

От сочинителя к читателю <...>

Потрудился я собрать следующие известия.

1) Древность сего места и какие о нем знатные истории, 2) когда и каких ради причин град сей построен, 3) о прежнем его строении и о его великолепии, которого мы ныне кроме приложенных здесь рисунков совсем не видим, 4) когда оный в цветущее состояние приходить начал, 5) знатные места и урочища, 6) некоторые строения, какой знатной истории подлежат, 7) воды, реки, каналы и польза, от них происходящая, 8) жители, 9) державные императоры, царствовавшие здесь, 10) уставы и законы их, триумфы о победах и приезды разных послов, 11) церковное строение и прочее сему подобное, что все обстоятельно описано мною. <...>

Приведем некоторые сведения из «синопсического» описания А. И. Богданова.

Царствующий сей град по географическому расположению стоит на меридиане под шестидесятым градусом долготы, под пятьдесят девятым градусом широты, близ полюса Арктического, под знаком небесным Урса Маиор, то есть Медведя Большого, который находится под полюсом сим весьма студеным, так что почти большая половина года сего места бывает стужа, нежели тепла. И когда с норда или с норд-веста, или с норд-оста ветры веют летом, тогда в то время бывает стужа нарочитая, так что и плодам вредно бывает; зимою же наипаче прежестокие морозы бывают. Также летом, когда от веста ветры веют, бывает сиверко, а зимою чинит оттепель, так что и снеги стаивают. И тако более здесь ветры веют от приморской стороны, от полюса Северного, нежели от Южного, и потому жарких лет не часто случается. Однако сие

наиболее похвалы достойно, что хотя здешнего места климат нарочито студеный, но весьма к сожитию человеческому здоровый. <...>

Солнце восходит при здешнем месте летом в должайшие дни над сим горизонтом два часа в сорок пять минут пополуночи, а заходит девять часов пополудни в пятнадцать минут, и так здесь летние ночи бывают весьма короткие и светлые, так что всякую почти работу можно без свеч отправлять.

Зимою восхождение солнца бывает в кратчайшие дни девять часов в пятнадцать минут пополуночи, а заходит к вечеру два часа в сорок пять минут пополудни, и по сему здесь зимние дни весма коротки и свету мало имеют. <...>

С первых лет здесь были устроены два знатных питейных дома, в которых продавались разные казенные напитки разных вкусов, водки дорогие для продажи знатным людям; которые дома были нарочито устроены, и к имеющимся в них в продаже напиткам выбирались из нарочитого купечества в целовальники, а над ними главный бургомистр учинен был из знатного купечества.

«Австерия» была на Санкт-петербургской стороне, на Троицкой пристани, у Петровского моста.

Сия «Австерия» была торжественная, пред которой государь Петр Великий отправлял почасту фейерверки к торжествам, понеже удобнее оного места к отправлению помянутых фейерверков не было. А когда построены были мазанковые коллегии на оном острове, тогда его величество отправлял всякие торжества в тех помянутых коллегиях... Сию «Австерию» Петр Великий в знатные праздники от обедни из церкви Троицкой, с знатными персонами и министрами, пред обедом на чарку водки посещал, и по вкушении оной всяк к своему столу отъезжал...

Первый трактирный дом построен был в 1720 году на Троицкой пристани, в котором содержались напитки для приходу его величества в какой торжественный день. <...> Также при сем городе были трактирные дома, которые содержали более из иноземного... в оных трактирах продавались виноградные вина, французская водка и пиво, а притом и бильярды содержались; и для продажи французской водки и пива оные трактирные дома отменены, и бильярды содержать запрещено, а повелено только одно виноградное вино содержать, и кушанья. Вместо вышеписанных трактирных домов позволено как российским купцам, так и иностранным свободно торговать заморскими виноградными напитками, и таких питейных погребов имеется всех шестьдесят пять. <...>

С начала сего новозачатого царствующего Санкт-Петербурга, для лучшей его красоты в строениях, как бы наискорее лучшую новому сему месту красоту придать, повелел государь Петр Великий именным своим императорским указом на Городском и Адмиралтейском островах, и по Большой Неве, и рекам, вместо полатного строения строить прусским манером мазанки, также печи строить и кровли крыть. <...>

Мудрым его императорского величества экономическим рассмотрением к пользе сего города, а паче для каменных мостов, повелел именным же указом всяким торговым и господским судам, приходящим в Санкт-Петербург со всякими припасами, на оных судах привозили б дикого камня на каждом судне по тридцати, а на малом по десяти камней, а на возах, сухим путем приезжающим с чем бы нибудь, как купцы, так и крестьяне, едущие в Санкт-Петербург, привозили б на возах по три камня. <...>

Для лучшего украшения сего города, и для укрепления берегов, как по Большой Неве, и по Малой, так и по протокам, повелено всем здешним жителям, которые живут по берегам при тех реках, бить сваи пожженные и засыпать оные землею и фашинами, дабы ко всем берегам можно всяким судам свободно приставать...

Похвала Санкт-Петербургу, 1752 год
Василий Тредиаковский

Вслед за первым описанием города стали появляться посвященные Петербургу литературные произведения. Начало «петербургскому тексту», по выражению В. Н. Топорова, положил поэт В. К. Тредиаковский своей «Похвалой Ижорской земле и царствующему граду Санкт-Петербургу».

Приятный брег! Любезная страна!
Где свой Нева поток стремит к пучине.
О! прежде дебрь, се коль населена!
Мы град в тебе престольный видим ныне.
Немало зрю в округе я доброт:
Реки твоей струи легки и чисты;
Студен воздух, но здрав его есть род:
Осушены почти уж блата мшисты. <...>
Преславный град, что Петр наш основал
И на красе построил толь полезно,
Уж древним всем он ныне равен стал,
И обитать в нем всякому любезно.
Не больше лет, как токмо с пятьдесят,
Отнеле ж все хвалу от удивленной
Ему души со славою гласят,
И честь притом достойну во вселенной. <...>
Авзонских стран Венеция, и Рим,
И Амстердам батавский, и столица
Британских мест, тот долгий Лондон к сим,
Париж градам как верьх, или царица, —
Все сии цель есть шествий наших в них,
Желаний вещь, честное наше странство,
Разлука нам от кровнейших своих;
Влечет туда нас слава и убранство. <...>
Но вам узреть, потомки, в граде сем,
Из всех тех стран слетающихся густо,
Смотрящих все, дивящихся о всем,
Гласящих: «Се рай стал, где было пусто!»
Явится им здесь мудрость по всему,
И из всего Петрова не в зерцале:
Санктпетербург не образ есть чему?
Восстенут: «Жаль! Зиждитель сам жил вмале».
О! боже, твой предел да сотворит,
Да о Петре России всей в отраду,
Светило дня впредь равного не зрит,
Из всех градов, везде Петрову граду.

«В гранит оделася Нева», 1762 год
Ведомость описания работ, Карл Росси

Возведение города требовало и укрепления невских берегов, на которых строились дома, дворцы и другие здания. По выражению отечественного исследователя В. И. Кочедамова, «ни один из городов мира в XVIII и XIX веках не знал столь значительных градостроительных мероприятий по укреплению берегов рек и каналов». Первые городские набережные были деревянными и появились на Городском острове (Петроградская сторона), а затем – у Летнего сада и на месте будущего Зимнего дворца; через каналы и через Неву перебрасывали мосты: первый невский наплавной мост – от церкви Исаакия Далматского к дворцу Меншикова на Васильевском острове – открылся в июле 1727 года, бесплатным мост был только для солдат, с пешеходов брали по полкопейки, со всадников – по 1,5 копейки, с каждой кареты – по 3 копейки.

Следующим этапом «усмирения» Невы после строительства причалов и укрепления скосов стала облицовка набережных камнем. Первые каменные набережные появились в 1718–1723 годах у Зимней канавки и вдоль Летнего сада, а в июле 1762 года императрица Екатерина II, сразу после коронации, подписала рескрипт об отделке невских набережных: «Здесь, в Санкт-Петербурге, против всех наших дворцов, садов и казенных домов берега сделать каменные».

Над набережными трудились архитекторы С. А. Волков, Ю. М. Фельтен, К. И. Росси, Ж.-Б. Валлен-Деламот. Первой облицевали Дворцовую набережную, от Зимнего дворца до Лебяжьей канавки; затем были отделаны Французская и Английская набережные.

О том, как начиналась облицовка, можно узнать из строительной ведомости 1767 года.

Пять пристаней или лестниц прежде полагались прямыми уступами с берега, но по высочайшему повелению сделаны овальной фигурою в Неву реку и по чистой работе обошлись дороже. <...>

Через Фонтанную реку хотя прежде назначено было мосту быть каменному только с берегов, а в средине деревянному подъемному, но для прочности имеет быть весь каменный со сводами. <...>

По берегу и пристаням хотя балюстрад назначен был с железными решетками, но по вышеписанному же для прочности сделаны из морского тесаного камня панели. <...>

Каменный берег хотя сначала тескою камня полагался против того как перед новым Зимним домом, но сделан тескою с лицевой стороны и в швах весьма чище. <...>

Против 1-го сада на 130 саженях хотя сначала каменный берег полагался, уступя в Неву реку к концу Фонтанки на 5 сажен, но по усмотрению в практике для прямой линии 3-й дистанции (третьего участка строительства, от Фонтанки до Литейного дома. – *Ред.*) и чтобы в Фонтанку вода быстрее течение имела, уступлено до 25 сажен, и в глубине Невы реки с великим укреплением фундамент, а также берег в отделку почти приходит.

В 1764 году была готова первая часть набережной, от Зимней канавки вверх по течению Невы, а три года спустя облицовка трех «дистанций» практически завершилась. Строительство последнего участка, от Адмиралтейства к «галерному двору», продвигалось значительно медленнее и было закончено лишь к 1788 году. А в начале XIX столетия архитектор К. И. Росси предложил проект набережной, которая должна была соединить Дворцовую и Сенатскую площади, разделенные Адмиралтейской верфью.

Размеры предлагаемого мною проекта превосходят принятые римлянами для их сооружений. Неужели побоимся мы сравниться с ними в великолепии? Под этим словом следует понимать не легковесность украшений, а величие форм, благородство пропорций и прочность материала. Это сооружение должно быть вечным. <...>

Размер проекта по своей протяженности составляет 300 саженей и разделен десятью большими арками пролетом в 12 сажен, чтобы оставить свободный проход для спуска кораблей. <...> Ныне существующие размеры и формы доков Адмиралтейства будут сохранены за исключением одного из последних корабельных спусков, который следовало бы отодвинуть ради сохранения симметрии плана и фасада. <...> Один только гранит может придать величавый характер и обеспечить исключительное преимущество. Потому следует применять этот материал для всех частей сооружения, подвергающихся воздействию воздуха. <...>

Пусть сооружение этой набережной станет эпохой, в которую мы восприняли систему древних, поскольку памятник этот в целом должен превзойти своим величием все, что было создано европейцами нашей эры.

Этот замысел остался неосуществленным, но его размах поражает: от Зимнего дворца до Исаакиевского наплавного моста, три ростральных колонны в память деяний Петра Великого и побед русского флота, малые колонны с фонарями.

Предлагались и другие проекты, а окончательный вид Адмиралтейская набережная приобрела лишь в 1879 году.

В целом в облицовке Невы уже в правление Екатерины Великой наступил длительный перерыв. При Александре I взялись за набережные Васильевского острова, а окончательно Нева «оделась в гранит» в советское время, после отделки набережных Выборгской стороны.

Зимний дворец, 1762 год
Андрей Болотов

В том же году, когда началась облицовка камнем набережных Невы, великий архитектор Франческо Бартоломео Растрелли завершил строительство каменного Зимнего дворца на Дворцовой набережной. На строительстве трудились около 4000 человек, работы длились восемь лет. Вскоре после завершения строительства и отделки дворца в нем побывал ученый и мемуарист А. Т. Болотов.

При таких обстоятельствах не успел я, приблизившись к Петербургу, усмотреть впервые золотые спицы высоких его башен и колоколен, также видимый издалека и превозвышающий все кровли верхний этаж, установленный множеством статуй, нового дворца зимнего, который тогда только что отделывался, и коего я никогда еще не видывал; как вид всего того так для меня был поразителен, что вострепетало сердце мое, взволновалась вся во мне кровь и в голове моей, возобновясь, помышления обо всем вышеупомянутом в такое движение привели всю душу мою, что я, вздохнув сам в себе, мысленно возопил: «О град! град пышный и великолепный!.. Паки вижу я тебя! паки наслаждаюсь зрением на красоты твои! Каков-то будешь ты для меня в нынешний раз? До сего бывал ты мне всегда приятен! Ты видел меня в недрах своих младенцем, видел отроком, видел в юношеском цветущем возрасте и всякий раз не видал я в тебе ничего, кроме добра! Но что-то будет ныне? Счастием ли каким ты меня наградишь или в несчастие ввергнешь? И то и другое легко быть может! Я въезжаю в тебя в неизвестности сущей о себе! Почем знать, может быть, ожидают уже в тебе многие и такие неприятности меня, которые заставят меня проклинать ту минуту, в которую пришла генералу первая мысль взять меня к себе; а может быть, будет и противное тому, и я минуту сию благословлять стану». <...>

Не могу изобразить вам, с какими чувствиями и подобострастием приближался я в первый сей раз к сему обиталищу наших монархов; мне казалось, что самые стены его имели в себе нечто величественное и священное, и если б не было со мною проводника, ведущего меня смело к крыльцу тому, то я не только бы не нашел оного, но и не посмел бы подъехать к нему; но тогда шел я как по писаному, и нашед назначенный маленький покоец и в нем часового, попросил его, чтоб он показал, если войдет туда какой придворный лакей. <...>

Нельзя изобразить, с каким любопытством и удовольствием рассматривал я сии царские чертоги и все встречающееся в них с моим зрением. Мебели, люстры, обои, а особливо картины, приводили меня в приятное удивление и нередко в самые восторги.

Но нигде я так не восхищался зрением, как в большой тронной зале, занимающей целый и особый приделанный сбоку ко дворцу флигель. Преогромная была то и такая комната, какой я до того нигде и никогда еще не видывал. И хотя была она тогда и не в приборе, а загромождена вся превеликим множеством больших и малых картин, расстановленных на полу, кругом стен оной... но самое сие и послужило еще более к моему удовольствию, ибо чрез то имел я случай все их тут видеть, и мог на досуге, сколько хотел, пересматривать и любоваться оными. А князь, товарищ мой, рассказывал мне о всех, о которых ему что-нибудь особливое было известно.

Будучи охотником до живописи, смотрел я на все их с крайним любопытством, и не могу изобразить, сколь великое удовольствие они мне собою производили и как приятно препроводил я более часа времени в сем перебирании и пересматривании оных. Но ничто так меня не занимало, как последние портреты скончавшейся императрицы (Елизаветы. – *Ред.*). Многие из них были еще неоконченные, другие только в половину измалеванные, а иные только что начатые, и одно только лицо на них изображенное. Видно, что не угодны они были покойнице, или не совсем на ее походили, и по той причине оставлены так. Князь показал мне тот, который всех прочих почитался сходнейшим, и я смотрел на оный с особливым любопытством.

Смольный собор и пансион, 1764 год Игорь Грабарь, Екатерина II, Глафира Ржевская, Франсиско де Миранда

В правление Екатерины Великой были закончены многие градостроительные проекты, к которым приступили еще в царствование Елизаветы. К числу таких проектов принадлежит и Смольный собор: Елизавета повелела построить его на месте Смольного двора, в котором провела юность, и намеревалась на склоне лет уйти в пансион при этом соборе. Первым архитектором собора был Ф. Б. Растрелли, а завершал строительство В. П. Стасов.

Знаменитый художник и историк искусства И. Э. Грабарь писал о проекте Растрелли:

Самое большое создание Растрелли – Смольный монастырь в Петербурге. Получив от императрицы Елизаветы поручение составить проект этого грандиозного сооружения, гениальный строитель, прежде чем приступить к кладке фундаментов, сделал модель монастыря с его главным храмом и всеми корпусами, башнями и стенами. Модель эта уже сама по себе есть чудо искусства: не только каждое здание всей этой гигантской композиции сделано здесь из дерева по точным чертежам, но и каждая мелочь и все помещения внутри зданий прорисованы и выточены совершенно так, как это должно было быть в действительности. Работа производилась под непосредственным наблюдением Растрелли, собственноручно проходившего отдельные куски и раскрасившего модель как готовое здание. Его затее, одной из самых великолепных, какие рождались в головах художников, пленительной по своей концепции, захватывающей невиданной изобретательностью и роскошью фантазии, – никогда не было суждено осуществиться вполне. Колокольня так и осталась только в модели, а самый собор был выстроен Растрелли лишь вчерне, закончен же был без малого через столетие после его закладки, притом с значительными изменениями. Модель, правда, сильно пострадавшая, местами совершенно поломанная, обезображенная и близкая к разрушению, хранится в кладовых Академии художеств.

Когда автору этих строк довелось извлечь ее на свет и удалось сложить и поставить все части так, как они были задуманы Растрелли, то ему пришлось пережить чувство такого восхищения перед этой гениальной архитектурной грезой, какое будилось в нем лишь созерцанием величайших памятников мирового искусства. При виде бирюзовых стен, на которых играют белые тяги, карнизы, колонны и наличники, при виде бесчисленных главок с золотыми узорами и крестами невольно вспоминаются старые русские городки, полугородки-полусказки вроде Ростова, несомненно вдохновившие великого зодчего. И этот сказочный монастырь надо безусловно признать произведением русского духа, ибо последним продиктована вся его наивно-игрушечная композиция.

Открытие Смольного института благородных девиц состоялось в июне 1764 года. Указ императрицы гласил:

В новостроящемся Санкт-Петербургском Воскресенском монастыре учредили мы воспитывать беспрерывно до двухсот благородных девиц, и при сем оного воспитания конфирмованный нами Устав прилагаем, повелевая его напечатать и разослать по всем губерниям, провинциям и городам, дабы, ведая о сем новом учреждении, которое при освящении монастыря делом самим начнется будущего генваря 28 дня сего года, каждый из дворян мог, ежели пожелает, дочерей своих в младенческих летах препоручить сему нами учрежденному воспитанию, так как в Уставе предписано. Начальницею же к сему воспитанию мы уже определили княжну

Анну Долгорукову, а правительницею – умершего статского действительного советника Делафона жену, вдову Софию Делафон.

Другой указ, датированный 1765 годом, уточнял правила проживания в пансионе.

Учреждение особливого училища при Воскресенском Новодевичьем монастыре для воспитания малолетних девушек.

1. В конфирмованном ее императорским величеством генеральном учреждении о воспитании обоего пола юношества повелено во всех губерниях заводить воспитательные училища. Вследствие чего в Санкт-Петербурге для благородных в Воскресенском девичьем монастыре, а для мещанских мальчиков при Академии художеств, оные уже действительно начало свое восприяли; но для пользы общества не меньше требуется, чтобы всякого чина и женский пол воспитан был в добронравии и в приличных состоянию его знаниях и рукоделиях, чего ради при оном же Воскресенском монастыре, в особливо определенном строении, учредить должное училище и для малолетних девушек, которым равномерно быть под управлением госпожи главной начальницы и правительницы, а казне и экономии состоять в ведомстве Совета господ попечителей, по тому же как предписано в Уставе Воспитательного общества благородных девиц.

2. Оставляется госпожам начальнице и правительнице, заимствуя из утвержденных по сие время и в народ выданных учреждений, снабдить сие училище равномерными распорядками, дабы благоучрежденным воспитанием обоего пола юношества произвести новое порождение, от которого бы прямые правила воспитания непрерывным порядком в потомство переходить могли, в сходствие высочайшего намерения ее императорского величества.

3. Но как девушки, коих число первого приема имеет быть 60, состоянием своим с воспитываемыми при Академии художеств мальчиками одинаковы, то по примеру оных разделить их по четырем возрастам на столько же классов.

4. А понеже многие из них от природы одарены быть могут разными качествами, токмо по незрелому еще уму до третьего их возраста точно того рассмотреть и признать невозможно, того для учение всем имеет быть равное, а именно:

В 1-м возрасте от 6 до 9 лет:

Поучение по летам их закона Божия; все правила воспитания, благонравия, обхождения и чистоты, российской и иностранный языки (читать и писать); рисование; арифметика; танцевание.

К числу присовокупить надлежащие особливо женскому полу упражнения и рукоделия, а при том рассмотря природное дарование и склонность каждой, приучать их к голосной и инструментальной музыке.

Во 2-м возрасте от 9 до 12 лет:

Продолжение всего прежнего, прибавляя к тому приучение к домостройству.

В оном же классе рассматривать у каждой природную склонность, понятие и успехи, и по экзамене таковых отмечать в журналах. <...>

В 3-м возрасте от 12 до 15 лет:

Продолжая все прежнее особливо тем, которые по таком испытании окажут себя во всем отличными, преподать в том и наставление, а прочих приучать, чтобы при выпуске в четвертый класс действительно могли употребляемы быть ко всяким женским рукоделиям и работам, то есть: шить, ткать, вязать, стряпать, мыть, чистить и всю службу экономическую исправлять.

4-го возраста от 15 до 18 лет:

Продолжение всего прежнего, упражняя каждую в том искусстве, художестве или знании, к которому оказала она наибольшую способность, а прочих употреблять в действительные работы для совершенной выучки, причем паче всего следовать должно во все время сего

воспитания правилам физических примечаний и наблюдать неотменно чистоту, учтивость и благопристойность в поведении.

5. После первого приема девушек, також и впредь потому ж определять для каждой по 50 рублей, и оную сумму отдавать в банк для приращения во все время пребывания их в училище, которые деньги, как истинные, так и ростовые получая сполна без вычету, при выпуске разделить в приданое оставшим того приема всем по равной части.

6. Все выработанные ими вещи во все время бытности их в училище продаваться имеют им в пользу и в прибавок к положенному при входе их окладу, с рассмотрением таким, дабы чем превосходнее чье искусство и чем тщательнее какая вещь выработана, тем большую похвалу и цену оная заслужила, чего ради иметь верную записку, кем именно какая вещь, до простого рукоделия или художества касающаяся, сделана: сие для того, чтобы при выпуске девушек в разделе каждой подлежащей ей части избегнуть всех сомнительств и споров.

7. Равным образом, ежели родители или родственники при вручении сих девушек или и после пожелают в собственную их пользу отдать несколько денег, или и откажут, то оные принять и записывать в книгу, положить в процент же, а при выпуске с прибыльными деньгами отдать той, которой та сумма принадлежит.

8. По окончании двенадцатилетнего пребывания в училище могут они выпусканы быть в замужество за достойных по их состоянию женихов; другие по желаниям своим вступают на урочные годы в службу с договором и за платою при училище благородных девиц, прочие ж, кои не имеют достойных женихов и в службу вышеписанного общества вступить не похотят, могут еще остаться три года не в числе классных, а для отвращения праздности, получать им от училища только покой, дрова и свечи, в прочем довольствовать за плату из прибыли от продажи собственных их трудов, которые инако приобрести не могут, как трудолюбием, искусством и вкорененною в них во время юных их лет добродетелью.

9. По прошествии оных трех лет, как будет уже каждая по 21-му году, выпускаются они с вышеписанным награждением, куда сами пожелают, на волю с данным за подписанием госпожи правительницы о честном их поведении и знаниях письменным аттестатом, по которому они пользуются всеми преимуществами и вольностями, пожалованными в привилегии и уставе Академии художеств, выпускаемым оттуда таковым же воспитанникам; будучи же на воле в каковых-либо обидах или притеснениях, всегда под опекою Совета попечителей благородных девиц состоять имеют.

10. Ежели же которые, особливо между взрослыми, найдутся столь упорны, что их никакими увещаниями и благопристойными средствами к должности их привести будет невозможно, таковых отдавать по-прежнему родителям или родственникам их, лиша всех казенных награждений, которых бы они в случае добропорядочных своих поступков при выпуске из училища надеяться могли.

На подлинном собственно ее императорского величества рукою написано тако: Быть по сему.

О том, какова была жизнь воспитанниц института, читаем в воспоминаниях Г. И. Ржевской, одной из первых пансионерок.

Прелестные воспоминания! Счастливые времена! Приют невинности и мира! Вы были для меня источником самых чистых наслаждений! Благоговею перед вами!

Августейшая и великодушная сударыня, положившая первые основания заведения достойного тебя, прими здесь выражение столь заслуженной тобою благодарности. Память о тебе не изгладится в самые отдаленные века!..

Сироты, бедные и богатые, имели одинаковое право пользоваться прекрасным воспитанием, основою которому служило совершенное равенство. Это была община сестер, подчиненных одним правилам. Единственным отличием служили достоинства и таланты. <...>

Первый выпуск, к которому я принадлежала, наиболее воспользовался всеми выгодами заведения.

Плоды хорошего воспитания проявляются во всяком положении: я это испытала как в счастье, так и в горе. Теперь же, в преклонных летах, я с признательностью вспоминаю об этой счастливой поре моей жизни. Прожив долго в свете и при Дворе, среди вражды и страстей людских, я вполне могу оценить прелесть этого мирного приюта.

Образчиком тамошнего воспитания могу служить я. Поставив себе целью перебрать все мои привязанности, я в то же время постараюсь доказать мудрость основательницы заведения. Она с намерением поместила его вне города, дабы удалить воспитанниц от сношения с светом до той поры, когда вполне развитый разум и твердо вкоренившиеся в сердце нравственные начала способны будут охранить их от дурных примеров. Как многих других, природа одарила меня счастливыми наклонностями, основательным же развитием их я преимущественно и единственно обязана воспитанию. В свете ничего нет прочного; обычай берет верх над правилами. Видишь лишь обезьян и попугаев, а не встретишь самобытного характера, отличающего человека от других, как отличается он чертами лица, но, при всеобщем однообразии, резко выдаются характеры девушек, воспитанных в наших заведениях: из них каждая имеет свой личный характер. Так называемая оригинальность их, которую осмеивали многие, имела весьма хорошие стороны. Из них вышли прекрасные супруги. Им приходилось бороться против существовавших предубеждений насчет институтского воспитания, встречаемых даже в собственной семье, и против общего нерасположения. Во всех испытаниях они действовали прямо, энергично защищая свои правила. Лишь немногие из них отступили от данного им хорошего направления. <...>

Нельзя вообразить себе более счастливого положения, как то, в котором я находилась в течение 11 лет в Смольном. Счастье, которым я пользовалась, нельзя сравнить ни с богатством, ни с блестящим положением светским, ни с царскими милостями, ни с успехами в свете, которые так дорого обходятся. Скрывая от нас горести житейские и доставляя нам невинные радости, нас приучили довольствоваться настоящим и не думать о будущем. Уверенная в покровительстве Божьем, я не ведала о могуществе людей и навеки бы в нем сомневалась, если бы опыт не доказал мне, что упование на Бога не охраняет нас от их злобы.

Первая наша начальница была княгиня Анна Сергеевна Долгорукова, титулованная дама, пожалованная портретом императрицы. Судить ее я не позволю себе, потому что была тогда слишком молода. Помню случай, лично относившийся ко мне, который обнаружил ее неспособность занимать это важное место, вследствие чего ее осыпали милостями, чтобы склонить отказаться от должности. Она кичилась богатством, знатностью рода и притом была ханжа и суеверна. Будучи остроумна, она не имела достаточно ума для того, чтобы быть выше предрассудков, которые решено было изгнать из нашего мирного приюта. Гордая повелительница, она хотела, чтобы все склонялось перед нею, и не продержалось на своем месте более 8-ми месяцев. <...>

Между нами царило согласие: общий приговор полагал конец малейшим ссорам. Обоюдное уважение мы ценили более милостей начальниц, никогда не прибегали к заступничеству старших, не жаловались друг на друга, не клеветали, не сплетничали, потому не было и раздоров между нами. В числе нас были некоторые, отличавшиеся такими качествами, что их слова служили законом для подруг. Вообще большей частью были девушки благонравные и очень мало дурных, и то считались они таковыми вследствие лени, непослушания или упрямства. О пороках же мы и понятия не имели.

Госпожа Лефон (Lafond), с редким умом управлявшая заведением в течение 30 лет, утвердила на прочных основаниях принятую систему воспитания. Она всецело предалась делу. С дальновидностью наблюдавшая за общим порядком, она выказывала большую деятельность в частных распоряжениях, с свойственною ей предусмотрительностью она предупреждала злоупотребления. Твердо и бдительно следя за тем, чтобы все лица, которые должны были содействовать успеху ее предприятия, добросовестно исполняли свои обязанности, она как бы воспитывала их прежде, нежели удостоит своим доверием. <...>

В 1786 году Смольный пансион, среди прочих достопримечательностей Петербурга, посетил венесуэльский генерал Ф. де Миранда.

Господин Бецкой сообщил, что меня ждут в Обществе благородных девиц. Я быстро оделся и поехал туда. Прибыл в половине одиннадцатого, меня уже ожидали. Встречали меня начальница, госпожа Манактина, необыкновенно красивая уроженка Ливонии, и две девицы лет по 16, барышни Лутовинова и Полетика; они дружески со мной поздоровались и, как оказалось, прекрасно изъясняются по-французски. В компании столь замечательных провожатых я проследовал сначала в помещение, где живут девицы из купеческих семей, а затем в более роскошное, где живут дворянки.

Мы осмотрели все спальни, чистые и недушные, несмотря на большое количество обитательниц, и столовые, опрятные и скромные; воспитанницы пьют только воду. Потом настал черед кухонь, опять же чистых и совсем без медной посуды, что очень хорошо. За ними последовала гардеробная, где в больших шкафах, в строгом порядке и пронумерованное, хранится белье. Затем прекрасная танцевальная зала и классы для занятий языками, рисованием, географией и т. д. В четвертом по счету классе, самом просторном, нас встретила инспектриса госпожа Лафон, которая была чрезвычайно любезна и извинялась, что не могла меня сопровождать, зато обратила мое внимание на прекрасную коллекцию французских книг по истории, географии и проч. В соседней комнате несколько девиц, специально ею приглашенных, пели и играли для нас. Затем мы оказались в кабинете, где представлены работы учениц; среди них немало хороших рисунков, вышивок, поделок из мрамора, каллиграфически написанных текстов и т. д. Мне, например, подарили прекрасно сделанный кошелек. Тут же хранятся разные устройства и приборы для физических опытов.

Здесь инспектриса, сославшись на свой преклонный возраст, простилась с нами и препоручила меня целой свите из двух прежних провожатых и еще шести воспитанниц. Они отвели меня сначала в прелестную церковь, затем в сад, где я получил в подарок цветы, а потом на небольшую ферму, где нас ждал чудесный завтрак – молоко, фрукты и проч., который мы с этими милыми девушками и несколькими преподавателями съели с превеликим удовольствием. Ферма устроена на голландский манер и столь же чиста и аккуратна, как если бы она находилась в Голландии.

Потом долго гуляли по красивой крытой галерее с видом на Неву, ибо я никак не мог заставить себя покинуть столь приятное общество. Тем не менее около двух пополудни простился, дав барышням слово повидаться с ними до отъезда. Всего здесь обучаются 250 девиц из дворянских семей и 240 – из купеческих; за обучение и содержание 40 из них платит господин Бецкой. Что касается метода, порядка обучения и т. д., то в Обществе действует целая подробно разработанная система, и можно с уверенностью сказать, что среди европейских учебных заведений подобного рода оно организовано лучше всех. <...>

Петербург при Екатерине II, 1765 год
Джакомо Джованни Казанова

В 1765 году в Россию прибыл знаменитый европейский авантюрист Дж. Казанова. Свои впечатления о Петербурге он включил в «Мемуары».

Петербург поразил меня своим странным видом. Мне казалось, что я вижу колонию дикарей среди европейского города. Улицы длинны и широки, площади громадны, дома – обширны; все ново и грязно. Известно, что этот город построен Петром Великим. Его архитекторы подражали европейским городам. Тем не менее в этом городе чувствуется близость пустыни и Ледовитого океана. Нева, спокойные волны которой омывают стены множества строящихся дворцов и недоконченных церквей, – не столько река, сколько озеро. Я нанял две комнаты в гостинице, окна которой выходили на главную набережную. Мой хозяин был немец из Штутгарта, недавно поселившийся в этом городе. Легкость, с которой он объяснялся со всеми этими русскими, удивила бы меня, если бы я не знал, что немецкий язык очень распространен в этой стране. Одно лишь простонародье говорит на местном наречии. Мой хозяин, видя, что я не знаю, куда девать свой вечер, объяснил мне, что во дворце – бал, куда приглашено до шести тысяч человек и который будет продолжаться в течение шестидесяти часов. Я принял билет, предложенный мне им, и, надев домино, отправился в императорский дворец. Общество было уже в сборе и танцы в разгаре; везде виднелись буфеты, обремененные всякого рода яствами, способными насытить всех голодных. Роскошь мебели и костюмов поражали своею странностью: вид был удивительный. Я размышлял об этом, как вдруг услышал около себя слова: «Посмотрите, вот царица!»

Я принялся следить за указанным домино и вскоре убедился, что это действительно была императрица Екатерина. Все говорили то же самое, делая, однако же, вид, что не узнают ее. Она гуляла в этой толпе, и это, видимо, доставляло ей удовольствие; по временам она садилась позади группы и прислушивалась к непринужденным разговорам. Она, конечно, могла таким образом услыхать что-либо не почтительное для себя, но, с другой стороны, могла также услыхать и истину – счастие, редко выпадающее на долю монархов. <...>

В день Крещения я присутствовал на Неве на странной церемонии – на благословении речной воды, покрытой тогда льдом в четыре фута толщины. Эта церемония привлекает огромную толпу, потому что после богослужения там крестят новорожденных, погружая их нагими в отверстие, сделанное во льду. <...>

За несколько времени до моего отъезда в Москву императрица поручила своему архитектору Ринальди построить на Дворцовой площади большой деревянный амфитеатр, которого план я видел. Ее величество намеревалась дать большую карусель, где бы блистал цвет воинов ее империи. Все подданные монархини были собраны на этот праздник, который, однако же, не имел места: дурная погода помешала этому. Было решено, что карусель состоится в первый хороший день, но этот день так и не наступил; и действительно, утро без дождя, ветра или снега – чрезвычайно редко в Петербурге. В Италии мы рассчитываем на хорошую погоду, в России нужно, наоборот, рассчитывать на скверную. Поэтому я всегда смеюсь, когда встречаю русских путешественников, рассказывающих о чудесном небе их родины. Странное небо, которого я по крайней мере не мог увидеть, иначе как некий серый туман, извергающий из себя хлопья снега. <...>

Тот, кто не видал Москвы – не видал России, а кто знает русских только по Петербургу, не знает действительных русских. Здесь считают иностранцами жителей новой столицы. Действительной столицей России долгое время будет еще Москва; старый московит ненавидит Петербург и при случае готов произнести против него приговор Катона против Карфагена. Оба

города соперничают не только своим положением и назначением, но много и других причин делают их врагами – причин религиозных и политических.

Карусель в Петербурге, 1766 год
Гаврила Державин, Василий Петров

«Амфитеатр», о котором упоминал Казанова, более известен как «карусель». А настоящий амфитеатр воздвигли под Красным Селом, о чем свидетельствуют мемуары Г. Р. Державина:

Другое, преузорочный под Красным Селом лагерь, в котором, как сказывали, около 50 тысяч конных и пеших собрано было войск для маневров пред государынею. Тогда в придворный театр впускаемы были без всякой платы одни классные обоего пола чины и гвардии унтерофицеры; а низкие люди имели свой народный театр на Коммиссариатской площади, а потом из карусельного здания, на месте, где ныне Большой театр, на котором играли всякие фарсы и переведенные из Мольера комедии. <...>

В 1766 году для «увеселения и славы народа», по выражению Державина, было устроено новое развлечение – «карусель». Это было организованное при дворе с большой пышностью конноспортивное состязание, в котором отличились некоторые вельможи, в частности, фавориты императрицы братья Орловы. В мемуарах Державина читаем:

Великолепный карусель, разделенный на четыре кадрили: на ассирийскую, турецкую, славянскую и римскую, где дамы на колесницах, а кавалеры на прекрасных конях, в блистательных уборах, показывали свое проворство метанием дротиков и стрельбою в цель из пистолетов. Подвигоположником был украшенный сединами фельдмаршал Миних, возвращенный тогда из ссылки. <...>

Этой «карусели» посвятил одну из своих торжественных од поэт В. П. Петров.

Молчите, шумны плесков громы,
Что слышны в Пиндара устах,
Взмущенны прахом ипподромы,
От коих в Тибра стон брегах,
И вы, поторы Олимпийски,
Вы в равенстве стать с оным низки,
Что нам в зефирны дни открыть
Екатерининой державы,
Когда среди утех, забавы
В россиян дух геройства лить.
Я странный слышу рев музыки!
То дух мой нежит и бодрит;
Я разных зрю народов лики!
То взор мой тешит и дивит;
В порфирах Рим, Стамбул, Индия
И славы под венцом Россия
Открыли мыслям тьму отрад!
И зависть, став вдали, чудится,
Что наш толь весел век катится,
Забыла пить змииный яд.
Отверз Плутон сокровищ недра,

И Пактол златом пролился;
Натура, что родить всещедра,
Ее краса предстала вся:
Сапфиры, адаманты блещут,
Рубин с смарагдом искры мещут
И поражают взор очей.
Низвед зеницы, Феб дивится,
Что в многих толь зерцалах зрится
И утрояет свет лучей.
Убором дорогим покрыты,
Дают мах кони грив на ветр;
Бразды их пеною облиты,
Встает прах вихрем из-под бедр:
На них подвижники избранны
Несутся в путь, песком устланный,
И кровь в предсердии кипит
Душевный дар изнесть на внешность,
Явить нетрепетну поспешность;
Их честь, их царский взор крепит.

Английский клуб, 1770 год
Владимир Орлов, Михаил Лонгинов, Михаил Лобанов, Денис Фонвизин

Еще одним развлечением – во всяком случае, для высших слоев общества – мало-помалу сделалось посещение клубов (*или «клобов», как произносили в ту пору*). *Переняв европейскую моду на благородные собрания, русские аристократы и богатые купцы стали собираться вместе, чтобы приятно провести время и скоротать досуг. Как восклицал современник: «Как проводить зимний сезон в Петербурге благовоспитанному человеку, не имеющему ни родных, ни знакомых? Нельзя же каждый день бывать в театре или обречь себя на просиживание длинных вечеров дома».*

В начале 1770 года проживавшие в Петербурге иностранцы во главе с фабрикантом Фрэнсисом Гарднером сочли необходимым основать специальное собрание, или клуб. Так возникло Санкт-Петербургское английское собрание, которое в обиходе чаще называли Английским клубом; это было одно из самых привилегированных обществ столицы (*с 1780 года в Английском собрании могло числиться не более 300 человек*). *Граф В. Г. Орлов писал своему брату Федору из Петербурга:*

Здесь зима редко так умеренна бывает, как сего года: во все время больших морозов не было. В городе здесь не видать, чтоб война настояла, об оном немного беспокоятся; да и много веселья: маскарады, вольные комедии при дворе, ассамблеи у больших господ по очереди всякую неделю, куда более ста человек съезжаются. Еще новый род собрания, называется клоб, похоже на кафегаус (кофейню. – *Ред*.), где уже более 130 человек вписались, платит каждый по 30 рублей в год; всякого сорта люди есть в нем: большие господа все почти, средние, ученые, художники и купцы. Можно в оное ехать во всякое время, поутру и после обеда. Желающих в оное вступить избирают баллотированием.

В Английском клубе бывали многие отечественные политики, фабриканты, купцы, литераторы и ученые. Как писал Н. А. Некрасов:

Наши Фоксы и Роберты Пили
Здесь за благо отечества пили,
Здесь бывали интимны они...

В опубликованной по случаю столетнего юбилея клуба книге «Столетие С.-Петербургского Английского собрания» (1870) имеется «мемуар» М. Н. Лонгинова, члена клуба и историка литературы, посвященный истории собрания и его «внутренней кухне».

Помещение (клуба. – *Ред*.) не было ни обширно, ни слишком удобно во многих отношениях, но к нему все привыкли издавна, и оно получило уже какое-то, так сказать, историческое значение, которым члены по преданию дорожили. Многие комнаты носили особые названия: балконная называлась Рощей, гостиная рядом с нею Портретной, комната за Портретной – Крыловской, оттого, что первая была когда-то обклеена обоями, изображавшими деревья, во второй находились портреты во весь рост Екатерины II, Александра I и Николая I, а в последней стоял на кронштейне бюст Крылова, над диванчиком, на котором он обыкновенно сидел. Помещение это доставляло много приятностей весной и летом, когда можно было сидеть, играть в карты, ужинать на большой террасе, выходившей в необширный, но тенистый сад, в который

был также выход из особой теплой, нарочно возведенной пристройки, устроенной для кегель... Летом на особом балконе кегельной и в саду... бывали оживленные беседы, прерываемые прогулками, и нередко варилась жженка (напиток из горячего коньяка или рома с сахаром. – *Ред.*) или распивалось шампанское. <...>

Кухня клуба пользовалась большой репутацией. Во вторник, пятницу и воскресенье обедали по карте, в прочие дни был общий стол... Нечего и говорить, что между членами было множество гастрономов. <...>

Комплект членов был 350; вакансий открывалось мало... Кандидатов предлагали с большим разбором, один раз в год. Часто случалось, что члены-предлагатели отказывались от баллотирования своих кандидатов даже перед самым избранием, заметив, что в приеме их есть сомнение. Баллотировка была строгая; при мне однажды забаллотировали в один и тот же день четырех кандидатов, в том числе одно лицо в очень большом чине и занимавшее весьма видное служебное место. Были люди высокопоставленные, но никогда не рискнувшие подвергнуться испытанию баллотировки в члены, неприятие в которые производило большое впечатление в городе... Общество членов состояло почти исключительно из людей более или менее пожилых. <...> Нечего говорить, что тон этого общества был наилучший. За весьма малыми исключениями не происходило ничего похожего на какое-нибудь неприличие. <...>

Обыкновенный ход клубной жизни изменялся очень редко. На страстную неделю он закрывался. 15 марта, день, в который кончался срок возобновления членских билетов, бывала «бесштрафная» ночь. В первую субботу после 1 марта бывал большой, роскошный годовой обед, с ухой и со всеми гастрономическими редкостями, какие только являлись в это время года; за стерлядями нарочно посылали в Москву. Весь дипломатический корпус бывал приглашен и угощался за особым парадным столом, за которым произносились посланниками, после обеда, за пуншем и жженкой, речи, и говорились спичи другими лицами. <...>

Несравненно веселее, хотя и несколько проще, в гастрономическом отношении, годового обеда, был другой праздник, так называемый «старшинский обед». Он бывал в мае, когда после стола можно было пировать уже на террасе и в саду. Говорят, что в старинное время вновь избранные старшины, приняв имущество клуба от своих предшественников, давали им обыкновенно обед. Потом мало-помалу обычай этот изменился, и стал даваться этот «старшинский обед», уже на счет клуба, для всех членов; но вновь избранные старшины платили от себя расходы за все напитки, употребленные в этот день.

На этих двух праздниках, годовом и старшинском, гремела музыка (обыкновенно конногвардейская), в залу впускались семейства служителей, некоторые пускались плясать, и вообще царствовала полная непринужденность, разумеется, не доходившая ни до чего похожего на неприличие. <...>

Для бесед тех, кто не играл в карты, устроена была впоследствии небольшая комната с камином, за газетной и перед кабинетом для совещаний старшин. <...>

Клуб был истинным кладом для холостяков, особенно живущих летом в городе. В это время года я, как и многие другие, ежедневно приезжал в клуб, читал газеты перед обедом, после которого шла беседа на террасе или в саду; затем мы отправлялись... на острова или же в театр; потом возвращались в клуб ужинать и опять побеседовать и, в 2 часа направляясь домой, часто долго шли пешком в полусумраке летней, светлой петербургской ночи.

Одним из завсегдатаев клуба был баснописец и журналист И. А. Крылов, являвшийся членом собрания на протяжении почти сорока лет. В воспоминаниях о Крылове писателя М. Е. Лобанова читаем:

Не имея семейства, ни родственных забот и обязанностей, не знал он ни раздирающих иногда душу страданий, ни сладостных, упоительных восторгов счастия семейственной жизни.

Сытный, хотя простой обед, и преимущественно русский, как, например: добрые щи, кулебяка, жирные пирожки, гусь с груздями, сиг с яйцами и поросенок под хреном, составляли его роскошь. Устрицы иногда соблазняли его желудок, и он уничтожал их не менее восьмидесяти, но никак не более ста, запивая английским портером. По окончании трапезы дома или в Английском клубе, который он постоянно посещал более тридцати пяти лет, или в знакомых домах, он любил, по русскому обычаю, отдохнуть и вздремнуть. В Английском клубе долго оставалось не закрашенным пятно на стене, сделанное его головою, покоившеюся после сытного обеда. Там намеревались поставить бюст его. Вечером опять отправлялся он иногда в театр, а чаще всего в Английский клуб, где никто не обязан чиниться друг перед другом и где царствует удобность и приволье. Там он играл по временам в карты или держал заклады при биллиардной занимательной игре. Домой возвращался в прежние времена поздно ночью, но с приближением старости постепенно сокращал ночные свои посиделки... В Английском клубе, в этом разнообразном и многолюдном обществе, он любил наблюдать людей и иногда не мог удержаться от сатирических своих замечаний и ответов. Однажды приезжий помещик, любивший прилгать, рассказывая о стерлядях, которые ловятся на Волге, неосторожно увеличивал их длину. «Раз, – сказал он, – перед самым моим домом мои люди вытащили стерлядь. Вы не поверите, но уверяю вас, длина ее вот отсюда... до...» – Помещик, не договоря своей фразы, протянул руку с одного конца длинного стола по направлению к другому, противоположному концу, где сидел Иван Андреевич. Тогда Иван Андреевич, хватаясь за стул, сказал: «Позвольте, я отодвинусь, чтоб пропустить вашу стерлядь!»

О том, как воспринимали клубы люди, в них не вхожие, дает прекрасное представление эпизод из комедии Д. И. Фонвизина «*Недоросль*».

Улита. Ахти мне, я чаю, нужды-то, нужды было? (*К мальчику*.) Весело, мальчик, в Питере-то было?

Мальчик. Очень, сударыня, весело.

Улита. Как противу здешних мест?

Мальчик. Несравненно, сударыня, в рассуждении великолепного города, а здеся, сударыня, деревня.

Улита. Да и я во многих городах бывала, однако важного ничего в них не нашла, только что людей больше.

Мальчик. Не то одно веселит, что шум от народа происходится, а лучшее удовольствие состоит в том, что частые собрания и обращение с благородными и разумными людьми.

Улита. А как же собрания у вас там бывают?

Мальчик. Комедии, маскарады, клобы.

Улита. Ахти мне, у вас и клопы в дела идут?

Мальчик. Конечно, так, сударыня. Тем-то и научаемся разума.

Улита. Да что ж вы с клопами делаете?

Мальчик. Веселимся, играем концерты и тогда танцуем, а после ужинаем со всею компанией.

Улита. Ах! (*Плюет*.) Тьфу, тьфу, и кушаете их? Чего-то проклятые немцы да французы не затеют! Как же они танцуют? Разве дьявольским каким наваждением? У нас их пропасть, и нам от них, проклятых, покоя нет, да только ничего больше наши клопы не делают, как по стенам ползают да ночью нестерпимо кусают – только.

Добромыслов (*улыбнулся, к Улите*). Он, сударыня, не про клопов говорит, а про клобы, о благородном собрании, где все съезжаются, веселятся и разговаривают и научаются, как жить в обществе, и то собрание называется клобом.

Улита. А, а... Теперь-то я поняла, где ж мне знать о ваших клопах, а я, право, думала о наших клопах и очень удивилась, услышав, что вы и кушаете их. Не прогневайся, батька мой, мы очень настращены мирскими речами. Сказывают, что у вас в Питере едят лягушек, черепах и какие-то еще устрицы.

Добромыслов. Устрицы и я ел и дети, а лягушек не ел.

Улита. Ахти! вкушали эту погань! Да не кушали ли мяса в пост?

Добромыслов. Грешные, сударыня, люди. В Петербурге без того обойтиться не можно.

Улита. О боже мой, до чего дожили. А все проклятые французы да немцы – впустили в православную Русь свою ересь. Как земля-мать вас терпит?

Гром-камень, 1770 год
Василий Рубан, Иван Бакмейстер

В том же году, когда открылся Английский клуб, в Петербург привезли Гром-камень – валун, обнаруженный двумя годами ранее близ деревни Конная Лахта; свое прозвище камень получил из-за того, что у него был отбит угол – как верили крестьяне, «громом», то есть молнией. Этот валун предполагалось использовать в качестве постамента для будущего памятника Петру I. В. Г. Рубан откликнулся на это событие торжественными виршами.

I
Умолкни слава днесь Мемфисских Пирамид,
И Обелиски свой сокройте пышный вид;
Се целая гора, с богатствами природы,
Из недр земли исшед, прешла глубоки воды,
В подножие Петру склонила свой хребет,
Да видит зрак сего Монарха целый свет.
II
Колосс Родосский, свой смири кичливый вид,
И Нильских здания высоких Пирамид
Престаньте более считаться чудесами,
Вы смертных бренными соделаны руками,
Нерукотворная здесь Росская гора,
Вняв гласу Божию из уст Екатерины,
Прешла во град Петров, чрез Невские пучины
И пала под стопы Великого Петра.
III
По правде сказано, что сей есть Камень-гром,
Он громок славою ввек будет со Петром,
Провозгремят о нем повсюду громы лирны,
И будет он вмещен во Чудеса Всемирны.

Библиотекарь Императорской Академии наук И. Г. Бакмейстер подробно описал перевозку Гром-камня в Петербург.

Едва Екатерина восприяла в десницу свою скиптр Российской державы и паки даровала ей надлежащее спокойствие, начав тотчас неутомимо печься о внутреннем благосостоянии своей державы, о приведении в цветущее состояние наук и художеств и о просвещении своего века, восприяла благородное намерение оказать достодолжное почтение памяти вечной славы достойного своего предка и чувствование народа к великому их творцу всенародным памятником, который давно уже был предметом всеобщего желания, представить свету. Екатерине Великой было предоставлено удовольствовать также и в сем желания России: и Петербург приобретает новое сияние, коим оспаривает преимущество у древнейших и славнейших городов Европы.

В 1747 году был уже изваян из меди образ Петра Великого, который и поныне еще хранится, однако же оный не удовлетворил желаемому намерению (позднее этот памятник работы Ф. Растрелли император Павел установил перед Михайловским замком. – *Ред.*). Обыкновенное подножие, на коем большая часть подобных изваяний утверждены, не означает ничего и не способно возбудить в душе зрителя новой благоговейной мысли. Памятник, Екатериною

воздвигнутый, долженствовал соответствовать достоинству благороднейшим и величественнейшим образом. Избранное подножие к изваянному образу российского героя должен быть дикий и неудобовосходимый камень, на котором представлен он скачущим на коне с распростертою правою рукою. Новая, дерзновенная и много выражающая мысль! Камень сам себе украшением должен напоминать о тогдашнем состоянии державы и о трудностях, кои творец оной при произведении своих намерений преодолевать был должен. Сколь прекрасно сходствует избранная аллегория со своим предметом, доказывается тем, что Петр Великий имел печать, на коей он был изображен во образе каменосечца, высекающего из камня статую женской особы, то есть Россию. Спокойное положение всадника изображает неустрашимое мужество и дух героя, величество свое чувствующего и никакой опасности не ужасающегося. Скач яростного коня, достигающего вершины каменной горы, показует скорость его дел и благополучный успех в произведенных неутомимым своим трудом в державе своей переменах. Правая распростертая рука есть знак повелевающего, верных своих подданных благословляющего и о благосостоянии своих владений пекущегося Отца Отечества. <...>

Одно из главнейших стараний было, чтоб обрести камень к подножию изваянного образа. По данному в июле месяце 1768 года от Академии художеств известию должен сей камень быть пяти сажен в длину, двух сажен и половины аршина в ширину и двух сажен и одного аршина в вышину. Составлять желаемой величины камень из собранного в кучу мрамора или из великих кусков дикого камня, хотя бы и было поразительно, но не совершенно достигло бы до предполагаемого намерения. Художник (Э. Фальконе. – *Ред.*) имел уже требуемую к оному модель и почти изготовил рисунки, каким бы образом камни, коих требовалось сначала двенадцать, после же только шесть, высекать и железными или медными крючьями совокуплять должно было. Долго искали требуемых отломков скалы, но не обрели ни одного такого, который бы был подобного вида и меры, как, наконец, природа даровала готовое подножие к изваянному образу. Отстоянием от Петербурга почти на шесть верст у деревни Лахты в ровной и болотной стране произвела природа ужасной величины камень, известный под именем каменной горы, которая также и по тому достопримечательна, что Петр Великий неоднократно взирал на оную со вниманием и что за несколько лет ударило в оную громом, от чего и придано ей имя Камня грома. Казенный из Лахты крестьянин Семен Вишняков 1768 года в сентябре месяце подал первое известие о сем камне, который тотчас был найден и рассмотрен с надлежащим вниманием. Сначала полагали, не есть ли сие поверхность весьма глубоко в землю вросшего камня, но по учиненным исследованиям нашлось, что сие мнение было неосновательно, и художник ничего столько не желал, как видеть его в своей мастерской. Длина сего камня содержала 44 ф., ширина 22 ф., а вышина 27 футов. Он лежал в земле на 15 футов глубиною, наружный вид его уподоблялся параллелепипеду, верхняя и нижняя часть были почти плоские, и зарос со всех сторон мхом на два дюйма толщиною. Произведенная громовым ударом расселина имела направление от севера к югу, была шириной в полтора фута и почти вся наполнена черноземом, из которого выросло несколько березок вышиною почти в 25 футов.

Самый камень был пепельного цвета и чрезвычайно крепок, частицы его состояли из полевого шпата и кварца. На одной стороне оного примечены были по разным описаниям топазы, аметисты, гранаты и карньолы (сердолик. – *Ред.*), также и разноцветные кристаллы, из коих некоторые были величиною с русский орех. Помощью учиненных над ним химических опытов превратился он силою огня в зеленоватое стекло. Тяжесть его, по вычисленной тяжести кубического фута, содержала более четырех миллионов фунтов, или ста тысяч пуд. Взирание на оный возбуждало удивление, а мысль перевезти его на другое место приводила в ужас. Обыкновенные валы, хотя бы оные и из металла были сделаны, что сопряжено бы было, однако ж, с великим трудом, не могли бы при сем случае употреблены быть с выгодою. Собственная их величина, величине камня соразмерная, сделала бы употребление оных невозможным или, по крайней мере, затруднительным. Сверх того, каким бы образом можно было содержать их бес-

престанно в одинаком направлении во время хода и сколь бы сильное причинено было трение чрезвычайным давлением столь величайшей тяжести и даже надлежащею величиною поверхности таковых валов? Чрез сделанный потом опыт, который учинен был двумя железными валами, содержащими два фута в длину и десять дюймов в поперечнике, оказалось сие ясно, ибо несмотря, что двигаемую силу чрезвычайно умножили, столь мало оказалось возможности привести сим камень в движение, что скорее рвались веревки и ломались катки, нежели то можно было произвести в действо. Совсем сомневались, подаст ли механика какие пособия, и в сем недоумении хотели уже делать опыт, распилить его, как пилят дикий камень и мрамор долгими пилами на многие куски. <...>

Действительный тайный советник Иван Иванович Бецкой, муж, коего имя любители художеств с глубоким почитанием произносят, коего непреодолимая бодрость при произведении многих важных намерений еще никогда никакими затруднениями не была колеблема, подал правила с помощью графа Карбури, имевшего тогда под принятым на себя именем кавалера де Ласкари над Сухопутным Кадетским корпусом надзирание, по коим надлежало строить машину к перевезению толикократно упоминаемого камня. Сферические тела, находящиеся между двумя выдолбленными, параллельно одно на другом лежащими бревнами, не подвержены соединенным с употреблением валов неспособностям. Они имеют менее тяжести, нежели валы, движение их скоропостижнее и трение не столь велико, ибо когда они лежат на ровной поверхности, то дотрагивание бывает только в точках, а при валах в линиях. <...>

По данному 1 сентября повелению о поставке потребного числа людей 26 числа сего же месяца приступили к произведению в действо сего предприятия. Наперед построили для работных людей, коих было до 400 человек, поблизости камня нужные для житья избы, и от самого того места, где оный находился, очистили от всех дерев и кустарников дорогу на десять сажен в ширину. Потом вырыли около его землю, в коей он находился, и чтоб очистить нужное для поставки машин место, вынуто было оной по 14 сажен на каждой стороне около камня, а глубиною на две сажени; наконец от той стороны камня, которую надлежало обратить книзу, отшибено было шесть кубических сажен, а от нижнего толстого конца четыре с половиною фута. Отбитый громовым ударом кусок был разбит на две части, дабы оные приставить после к переднему и заднему концу камня.

По совершенном вычищении земли была сделана решетка, состоящая из четырех рядов крестообразно положенных бревен, на коей камень, когда оный оборотится, лежать был должен; потом сделали от нижней стороны камня скат, простирающийся на шесть сажен в ширину и на сто сажен в длину, по которому его на ровную поверхность везти было нужно. В феврале месяце 1769 года дело было до того уже доведено, что можно было приступить к поднимании оного. К сему употреблены были рычаги первого рода. Каждый рычаг состоял из трех соединенных между собою дерев, кои были в 65 футов длиною и имели от 15 до 18 дюймов в поперечнике самых толстых концов. Таковых рычагов было 12, из коих каждым почти 200 000 фунтов, или пять тысяч пуд, поднимать было можно.

Чтобы действию рычагов прибавить еще более силы, были против оных поставлены четыре ворота, коими натянули веревки двух дюймов толщиною, продетые во влитые со свинцом в камень железные кольца толщиною полтора дюйма. Сколь часто рычаги подкладываемы, поднимался камень в вышину на три четверти, а иногда, когда рычаги точно лежали на подкладках, и на целый фут. Как скоро его подняли, то навойни, или вороты, одержали, работные люди подперли его бревнами и клиньями и сделали новые под рычаги подкладки, после чего принимались за прежнее действие. Когда он почти наполовину был поднят, то поставлены были по прямой линии с четырьмя первыми еще шесть других воротов, а подле решетки, которую устлали сеном и мхом на шесть футов в вышину, большие винты. Сия предосторожность была нужна, дабы камень от сильного падения сам собою не разбился или не расщепил бы бревен, на кои его положить было должно.

12 марта был он, наконец, положен на решетку, на коей подперли его с каждой стороны восемью, а с заднего конца шестью подпорами соснового дерева, которые имели от 4 до 10 футов в длину и один фут в квадрате. Подпоры сии утверждены были к сваям, которые служили рычагам подкладкою. Большая часть свай вывихнулись, и три подпоры, утвержденные к гораздо крепчайшим сваям, тяжестью столько были сдавлены, что они на конце от осми до десяти дюймов были раздроблены на мелкие щепы. Камень остался все лето в сем положении, поелику зыбкая земля в сие годовое время не позволяла далее продолжать работу.

В течение сего междувремения старались как возможно укрепить дорогу, по которой надлежало везти камень. В болотах, кои в рассуждении своей глубины зимою не совсем вымерзают, приказано было бить сваи, мох и ил, коими земля в сих местах покрыта и что препятствует ей глубже мерзнуть, очищать и наполнять хворостом и щебнем, полагая оные слоями. На каждых пятидесяти саженях вбивали особливые сваи для прикрепления к оным веревок от воротов. Потом построили у берегу реки плотину в восемь сажен в ширину и в 400 сажен в длину, которая глубоко опускалась в воду, дабы можно было по оной спустить камень на судно. Как после всех сих приуготовлений, земля почти на 4 фута глубиною замерзла, поелику падающий в великом множестве снег всегда был счищаем, и получила от сего надлежащую твердость, то приступили к действительному везению камня. Наперед должно было сдвинуть его с решетки, на коей он лежал, но поелику сего одними только рычагами сделать было невозможно, то употреблены были большие железные винты с медными гнездами, сделанные здешним искусным слесарным мастером Фюгнером. Помощью сих приподняли вверх камень, отняли из-под него решетку, подвинули на место оной вышеписанные обитые медью бревна, кои бы можно было назвать катками, а сверху оных положили складные сани. <...> Оные были шириною в 17 только футов, ширина камня содержала 21 фут, отчего камень выдался вперед с каждой стороны саней на два фута и под выдавшиеся сии стороны подставлены были помянутые винты. <...>

Одинаких выдолбленных бревен, кои бы железными крючьями и кольцами одно с другим совокуплять было можно, приказано было сделать двенадцать. Сколь скоро камень был перетаскиваем чрез передние, то оные тотчас отнимались и укреплялись опять к первым в равном с оными направлении.

Дабы камень привести в первое движение и везти его на скат, были приготовлены четыре ворота, но когда оной приведен уже был в движение и дорога была ровная, то не употреблялось более двух воротов с тремя круглыми катками. Каждый шест, около ворота находящийся, был оборачиваем восемью человеками. Когда же надлежало его везти чрез возвышенные места, то в сем случае требовалось четыре, а иногда и шесть воротов.

Если дорога случалась покатая, то веревки не вдруг были опускаемы, но тихо и камень спускался вниз от собственной своей тяжести. Поелику он по естественному своему виду имел перевес взад, отчего опасаться должно было, чтоб он, когда перевозим будет чрез возвышенные места, не опрокинулся, то подперли его с сей стороны толстыми бревнами.

Дорога, по которой его везти надлежало, не была совершенно прямая, но шла разными кривизнами. Машина, состоящая из прямых бревен, не могла быть в последнем сем случае употребляема, и для того сделана была кругообразная, однако же точно по образцу первой, которую поддвигали под камень, приподнимая оной вышепомянутыми винтами вверх тогда, когда надлежало его везти по другому направлению пути. Сия машина содержала 12 футов в поперечнике, а бревна 18 дюймов в квадрате. Металлическая обивка имела три дюйма с половиною в толщину, и 15 шаров везли камень.

15 ноября привели его и в самом деле в движение и оттащили в сей день на 23 сажени. Здесь надлежало его везти по другому направлению пути, поелику дорога имела кривизну. 16 генваря 1770 года, когда он перевезен был 133 саженями далее, переправили его совершенно

чрез скат, и наконец дорога была почти вся ровная. Разность вышины от места, где лежал до сего времени камень, содержала две сажени и два с половиною аршина.

20 генваря благоугодно было ее императорскому величеству смотреть сию работу, и при высочайшем ее присутствии оттащен был камень на 12 сажен. 21 февраля был он уже отвезен на одну версту и 216 сажен. Здесь дорога имела еще поворот, и надлежало предпринимать новый путь. После сего, как подвинулись опять на 485 сажен вперед, кривизна дороги требовала другого направления. От 21 февраля до 6 марта месяца прошли вновь 2 версты и 320 сажен, и здесь надлежало сделать четвертый и последний поворот. Расстояние отсюда до берега содержало еще три версты и 152 сажени, кои 27 марта были пройдены. Весь путь содержал несколько более восьми верст, или 4173 сажен, и времени на привезение камня было употреблено немного более четырех месяцев, в кои короткие дни дозволяли работать только несколько часов, что все, конечно, заслуживает внимания.

Я не могу здесь не заметить, что камень погрузился в землю почти на 18 дюймов в то время, когда он еще сначала едва только на 60 шагов оттащен был. Сей несчастный случай произошел или оттого, что бревна в покатом месте не с надлежащим старанием были вбиты, или оттого, что, может быть, земля здесь очень зыбка, ибо во многих местах даже и величайшими бревнами не могли достать твердой земли. В продолжении всего пути не погружался он, однако ж, в землю более пяти раз.

Для предохранения всех беспорядков должны были сначала два находящиеся на камне барабанщика по данному мановению давать работным людям битьем в барабаны знак, чтоб они показанную работу все вдруг или начинали, или переставали бы оную продолжать. Сорок восемь каменосечцев, подле камня и наверху оного находившиеся, беспрестанно обсекали оный, дабы дать ему надлежащий вид; наверху одного края была кузница, дабы иметь всегда нужные орудия тотчас в готовности, прочие приборы были везены в привязанных к камню санях, за коими последовала еще прицепленная к оным караульня. Никогда еще не виданное позорище, которое ежедневно привлекало великое множество зрителей из города!

Как скоро достигли берега, то начали опускать камень на построенную подле реки плотину. Адмиралтейство приняло на себя дальнейший по воде провоз оного и приказало на сей конец построить судно 180 футов в длину, 66 в ширину и 17 в вышину.

Построенное по сему показанию судно, конечно, было бы в состоянии снести гораздо большую тяжесть, но только не тяжесть камня. Мелкие места в реке, в коих она на восемь только футов глубиною, отчего судно не могло бы глубже идти, сделали показанную длину и ширину судна необходимыми. Высота также не могла быть иная, поелику от края плотины до дна реки было только 11 футов глубины. Нагруженное камнем судно хотя только на 8 футов могло опуститься в глубину, но чтоб взвезти на оное камень, должно было оно стоять неотменно на твердой земле, дабы одна сторона судна не возвысилась, а другая не погрузилась, и следовательно, если бы судно потеряло свое равновесие, то камень подвергнулся бы опасности падения в воду. И так впущено было в судно столько воды, что оно даже до дна погрузло. Поелику плотина тремя футами была ниже судна, то отворили одну сторону оного, и 28 августа стащили камень помощью двух на другом судне поставленных воротов с плотины на находящуюся посреди судна решетку, коей обоюдные высоты составляли ровную поверхность. Открытая в судне сторона была опять надлежащим образом закрыта.

Потом, как вытянули из судна воду, приподнялось оно только кормою и носом, середина же, на коей лежала тяжесть, осталась под водою. От сего согнутия оторвались многие от судна доски, и вода стремилась в оное силою. Все работные люди принуждены были вытягивать из судна воду насосами, и с помощью великих камней, положенных на обе стороны судна, наконец опять оное погрузили. Поелику несчастный сей случай произошел оттого, что тяжесть камня весьма сильно действовала только на средоточие судна, то рассудили расположить оную по всей его поверхности в равном содержании. Помощью винтов приподняли камень на шесть дюймов

и подставили с каждой стороны оного разной величины подпоры, кои одним концом оперли о камень, а другим о находящиеся под судном бревна, и следовательно, разделили по всей поверхности судна. После сего положенные по обеим сторонам камни свалили опять прочь и вытягивали насосами воду, на коей судно поднялось надлежащим образом на высоту. Потом, когда оно к поезду было изготовлено, укрепили его с обеих сторон самыми крепкими канатами к двум судам, коими оно не токмо было поддерживаемо, но и обезопасено от ударения валов и ветров; и таким образом везли его по Малой Неве вверх, а по Большой вниз.

В день 22 сентября, который во всей империи ради коронования великой государыни вечно торжествен, провезли наконец камень мимо Императорского Зимнего дворца и в следующий день пристали с оным благополучно к берегу, где надлежало его выгружать. Водный путь, по которому везли камень, содержал 12 верст.

Теперь оставалось только поставить его на определенное место. Поелику у того берега Невы реки глубина очень велика и судно не могло быть погружено до дна, то приказано было вбивать сваи в шесть рядов и оные на восемь футов в воде обрубать, дабы судно, погрузивши в воду, можно было на оные поставить. Для предохранения, чтоб судно, когда поддерживающие камень подпоры будут отняты, не погнулось, сделали на носу и на корме оного решетку, которую прикрепили к берегу, и положенные как чрез решетку, так и чрез судно три большие мачтовые дерева привязали крепкими канатами. Наконец, когда камень надлежало тащить к берегу по одной стороне судна, то чтоб другая не приподнялась вверх, прикрепили к решетке, чрез которую камень тащить надлежало, шесть других крепких мачтовых дерев, положили оные поперек судна и привязали их концы к подле стоящему нагруженному судну, отчего тяжесть камня ни на ту, ни на другую сторону не перевешивалась.

При сей употребленной предосторожности не можно было сомневаться в благополучном успехе. Едва только последние подпоры около камня обрубили и натянули вороты, то с помощью шаров скатился он с судна на плотину, с такою скоростью, что работные люди, у воротов находящиеся, не нашед никакого сопротивления, почти попадали. От чрезвычайного давления, которое судно в сие мгновение претерпело, переломились вышепоказанные шесть мачтовых дерев и доски на судне столько погнулись, что вода бежала в оное с стремлением.

11 октября привезли камень на определенное место, отстоящее на 21 сажен от берега. Сие совершилось в присутствии его королевского высочества прусского принца Генриха, прибывшего незадолго пред тем в Петербург.

Наводнение, 1777 год
Вольфганг Крафт, Иоганн Георги, Екатерина II

В историю города 1777 год вошел прежде всего как год катастрофического по своим масштабам наводнения. О том, насколько поднялась вода, свидетельствует табличка, установленная под аркой Невских ворот Петропавловской крепости: «1777 года сентября 10 дня пополуночи в 7 часу вода стояла по красную линию выше ординарной воды 9 фут и 11 дюймов».

Это наводнение настолько потрясло очевидцев, что о нем оставили пространные записи едва ли не все, кто в те дни находился в городе. Английский пастор У. Тук вспоминал, что «почти весь Петербург был на два локтя под водою, а Васильевский остров и Петербургская сторона претерпели весьма много: малые домы, мосты и деревья сделались жертвою сего наводнения. Галиоты, боты и большие барки причинили также неимоверный вред, ибо плавали по улицам».

Наводнению 1777 года посвятил поэтические строки Г. Р. Державин:

Там бурны дышат непогоды,
Горам подобно гонят воды
И с пеною песок мутят.
Петрополь сосны осеняли, —
Но, вихрем пораженны, пали,
Теперь корнями вверх лежат.

Основные источники сведений о наводнении 1777 года – мемуары академика В. Крафта, записки немецкого путешественника и врача И. Георги и письма императрицы Екатерины. Начнем с мемуаров В. Крафта.

Сей самый 1777-й год разлитие Невы, в коей возвышение воды за обыкновенный ватерпас простиравшееся, есть высочайшее изо всех доселе нам известных. <...>

Сентября 9 числа было небо облачное, склонное к дождю, сильный ветер от юго-запада и барометр начал опускаться приметно. Невзирая на сии явные признаки, неприметно еще было повышение воды. После полуночи начал ветер свежеть и отходить к западу, быв сопровождаем порывами до 7 часов утра 10-го числа. В продолжение сего жестокого ветра выступила Нева из берегов и наводнила мгновенно низменные части города. В 6 часов утра было самое высокое возвышение воды: 10 футов 7 дюймов сверх ординара (323 см). Вскоре после того отошел ветер к северо-западу и вода начала сбывать с такой скоростию, что к семи часам утра понизилась она на 1 фут, а в полдень вступила в берега. <...>

В Кронштадте начала выступать вода между 4 и 5 часами утра. Самая большая высота оной была 7 футов 6 дюймов (229 см).

Во время сего наводнения в Шлюссельбурге заметили необыкновенное положение воды: 10 сентября в 5 часов утра сбыла там вода до того, что все суда обмелели. Причиною тому был сильный юго-западный ветер, отогнавший всю воду к Ладожскому озеру.

По рассказам корабельщиков, в Балтийском море была 9 сентября жестокая буря от юго-запада. <...>

Размышления побудили меня сделать собрание всех разлитий Невы, сих толико важных для общества происшествий. Весьма высокие в наши времена стояния воды реже бывают, нежели в прежние. Посредственные разлития на 6 футов выше обыкновенного ватерпаса, наводившие весьма великий страх в отдаленнейшие времена, не производят уже более того действия по причине возвышения берегов. <...>

И. Георги в присущем ему суховатом стиле писал:

Перед наводнением, бывшим 10 сентября 1777 года, продолжалась буря уже два дня кряду, при западном и юго-западном ветре; возвышение воды продолжалось до 9 часов утра, доколе ветер начал утихать; вода потом стекла столь скоро, что в 12 часов, т. е. в самый полдень, уже берега не были более объемлемы водою. От сего наводнения освобождены были токмо Литейная и Выборгская части города; в частях же, понятых водою, оно и в маловременном своем продолжении причинило весьма великий вред. Суда были занесены на берег. Небольшой купеческий корабль переплыл мимо Зимнего дворца чрез каменную набережную; яблоками нагруженный корабль занесен был ветром на 10 сажен от берега в лес, находящийся на Васильевском острове, в коем большая часть наилучших и наивеличайших деревьев от сей бури пропала. По всем почти улицам, даже и по Невской перспективе, ездили на маленьких шлюпках. Множество оград и заборов опрокинуто было; малые деревянные дома искривились от жестокого сотрясения, ими претерпленного; даже некоторые самые маленькие хижинки неслись по воде, и одна изба переплыла на противулежащий берег реки. Буря не токмо препятствовала истечению речной воды в море, но и самая морская вода стремилась в устья реки, как то особливо примечено было при устье Малой Невы. Сие наводнение случилось во время ночи: почему множество людей и скотов пропало.

Городская легенда, которой долгое время верили даже «просвещенные умы», утверждала, что именно во время этого наводнения погибла в Алексеевском равелине Петропавловской крепости знаменитая авантюристка княжна Тараканова (*вспомним картину К. Д. Флавицкого*). *Эту легенду опровергли документальными свидетельствами лишь в середине XIX столетия: по архивным документам, княжна скончалась в заточении двумя годами ранее.*

Императрица Екатерина писала о наводнении профессору Ф. Гримму:

Я очень рада, что вчера в полдень возвратилась в город из Царского. Была отличная погода; но я говорила: «Посмотрите, будет гроза», потому что накануне мы, с князем Потемкиным, воображали себе, что берем крепость штурмом. Действительно, в девять часов пополудни поднялся ветер, который начал с того, что порывисто ворвался в окно моей комнаты. Дождик шел небольшой; но, с той минуты, понеслось в воздухе все что угодно: черепицы, железные листы, стекла, вода, град, снег. Я очень крепко спала. Порыв ветра разбудил меня в пять часов. Я позвонила, и мне доложили, что вода у моего крыльца и готова залить его. Я сказала: если так, то отпустить часовых с внутренних дворов; а то, пожалуй, они вздумают бороться с напором воды и погубят себя; сказано – сделано; желая узнать поближе, в чем дело, я пошла в Эрмитаж. Нева представляла зрелище разрушения Иерусалима. По набережной, которая еще не окончена, громоздились трехмачтовые, купеческие корабли. Я сказала: «Боже мой! Биржа переменила место, графу Михаилу придется устроить таможню там, где был эрмитажный театр». Сколько разбитых стекол! Сколько опрокинутых горшков с цветами! И как будто под стать цветочным горшкам, на полу и на диванах лежали фарфоровые горшки с каминов. Нечего сказать, тут-таки похозяйничали! И к чему это? Но об этом нечего и спрашивать. Нынче утром ни к одной даме не придет ее парикмахер, не для кого служить обедню и на куртаге (царском приеме. – *Ред*.) будет пусто... Обедаю дома, вода сбыла, и, как вам известно, я не потонула. Но еще не многие показываются из своих берлог. Я видела, как один из моих лакеев подъехал в английской коляске; вода была выше задней оси, и лакей, стоявший на запятках, замочил себе ноги. Но довольно о воде, поговорим о вине: погреба мои залиты водою, и Бог весть, что с ними станется. Прощайте; четыре страницы довольно во время наводнения, которое с каждым часом уменьшается.

Известно, что в разгар наводнения Екатерина приказала дворцовому священнику служить молебен, причем сама усердно молилась. Когда вода схлынула, императрица призвала во дворец обер-полицмейстера Н. И. Чичерина. В «Русском архиве» приводятся такие подробности этой аудиенции:

Когда он явился, то императрица дала себе труд встать, поклониться в пояс и изволила сказать:

– Благодарствуй, Николай Иванович! По милости твоей погибло несколько тысяч моих добрых подданных!

Этот неожиданный и иронический выговор от великой государыни до того тронул генерала Чичерина, что с ним тут же во дворце сделался удар. Его чуть живого отвезли домой, и он вскоре умер.

После того как вода схлынула, императрица поручила подготовить «гидрографический план» Санкт-Петербурга «предупреждения ради и наилучшей защиты от наводнений». Кроме того, согласно указу Екатерины, Адмиралтейская коллегия учредила «систему знаков и сигналов» для извещения об уровне воды в реках Петербурга.

Екатерина II, Петр I и «Медный всадник», 1782 год
Этьен Фальконе, «Запись» о дне открытия памятника

В царствование Екатерины уважение к Петру I, его деяниям и его памяти сделалось чем-то наподобие государственного культа. Сама императрица всячески подчеркивала свое преклонение перед Петром, постоянно носила медальон с его изображением и уже в 1763 году высказала пожелание возвести первому российскому императору новый памятник.

При этом при дворе постепенно складывался и культ Екатерины – сначала как наследницы и продолжательницы деяний Петра, а впоследствии – как нового воплощения императора. Французский посол Л.-Ф. де Сегюр писал о Петербурге до Екатерины и после: «До нее Петербург, построенный в пределах стужи и льдов, оставался почти незамеченным и, казалось, находился в Азии. В ее царствование Россия стала державою европейскою. Петербург занял видное место между столицами образованного мира, и царский престол возвысился на чреду престолов самых могущественных и значительных».

В годы правления Екатерины было приобретено первое крупное собрание картин для Эрмитажа, отдано распоряжение оградить Летний сад со стороны Невы решеткой (проект Юрия Фельтена), построили Большой Эрмитаж, здание Академии художеств, Малый Эрмитаж, Большой Каменный театр, Эрмитажный театр, Мраморный дворец и многие другие здания. «Воздвигнутые ею здания, – писал статс-секретарь царицы А. Грибовский, – соделали Петербург наипрекраснейшим городом в свете. В нем собрала она превосходные произведения во всяком роде». А немецкий путешественник Г. фон Реймерс отзывался обЭрмитаже так: «Храм, который Екатерина воздвигла ради общественного отдыха и непринужденных развлечений. Он, возможно, единственный в своем роде среди всех, предназначенных для этой цели. Всякое духовное устремление найдет здесь свой алтарь, на коем возвышенная проповедница сего храма с ее мудрым выбором и чувством меры поддерживает священный огонь, у которого собираются избранные ее доверенного круга. Сокровища искусства и труда их здесь окружают».

Князь И. М. Долгорукий посвятил императрице стихотворение «Судьбе»:

А нынче, посмотри на северну столицу!
Царевичи, цари, послы толпой валят;
Где знали прежде дебрь, вседневны дива зрят,
С тех пор, как я на трон послала к ним Фелицу.

И каждое здание, каждый памятник, связанные с Петром, осмыслялись как памятники самой Екатерине. В 1768 году по проекту Антонио Ринальди началось строительство Исаакиевского собора в честь святого Исаакия Далматского (в день его памяти Петр родился), а А. П. Сумароков сочинил «надпись», в которой Екатерина приравнивалась к «Великому Петру»:

Исакию день к славе учрежден,
В день памяти его Великий Петр рожден:
Сие брег Невский восклицает:
А с стен Петровых гром
Весь воздух проницает;
Премудрость Божеству сооружает дом,
И воссияет он подобьем райска крина;
Великолепие в честь дню сему,
Дает ему,

Великая Екатерина.

Заочное состязание с Петром достигло кульминации в 1770 году, когда на Сенатской площади был воздвигнут памятник основателю Российской империи – знаменитый «Медный всадник» (с легкой руки А. С. Пушкина) работы Э. Фальконе. Сам скульптор так описывал собственное видение:

Памятник будет выполнен просто. Не будет ни Варварства, ни Любви народа, ни символа Нации. Эти фигуры, может быть, добавили бы больше поэзии литературному произведению, но в моем деле и в мои пятьдесят лет надо упрощать работу, если хочешь завершить ее. Добавьте к этому, что Петр Великий сам по себе и сюжет, и его символ: надо только это показать. Я стою поэтому за статую героя, которого представляю не великим полководцем и не завоевателем, каковыми, без сомнения, он был. Надо показать человечеству более прекрасное зрелище – фигуру основателя, законодателя, благодетеля своей страны... Мой царь не держит в руках жезла; он простирает свою благодетельную руку над страной, по которой он проносится. Он поднимается на скалу, которая служит ему основанием, – эмблема трудностей, которые он преодолел. Итак, эта отеческая рука, эта скачка по крутой скале – вот сюжет, который Петр Великий мне дает. Природа и сопротивление людей представляли для него наибольшие трудности, сила и упорство его гения преодолели их. Он быстро осуществил то благо, которого не хотели. <...> Эта аллегория (змея под копытами коня. – *Ред.*), не служа поводом к дурным толкованиям, придает предмету всю свойственную ему силу, которой он не имел прежде. Пренебрежение эмблемою простою, ясною, выразительною, необходимою равнозначительно непониманию своего предмета. Петру Великому перечила зависть, это несомненно, он мужественно поборол ее, это точно несомненно: такова участь всякого великого человека. Если бы я когда-либо делал статую Вашего величества и если бы композиция это позволила, то я бросил бы зависть внизу пьедестала.

В архивах «Конторы строений», руководившей работами по созданию монумента на протяжении шестнадцати лет, сохранились записи о дне открытия памятника.

7-го числа августа был день для открытия назначенный.

Место для присутствия при сем торжестве ее императорским величеством избрано в Сенате с балкона, а для первых двух классов с фамилиями из покоев оного, для прочих же разных чинов зрителей сделаны галереи вкруг площади, выключая стороны от Невы.

Помраченное тучами небо, сильный ветер с беспрестанным дождем, который и до того еще во всю ночь продолжался, не подавали надежды, чтобы в сей день торжество могло с желаемым успехом происходить. Но вскоре после полудни, как будто бы само небо хотело очевидно показать участие, которое оно принимает в празднестве, уготовленном в честь памяти великого человека, солнце открылось и все время была ясная и тихая погода.

Река была покрыта императорскими яхтами и другими разными большими и мелкими судами, множеством людей наполненными, составившими из мачт своих на водах величественный лес.

В два часа пополудни начали собираться полки и заняли на площади место. Первый лейб-гвардии Преображенский полк, имея пред собой своего подполковника его светлость князя Григория Александровича Потемкина, после оного под предводительством своих же начальников лейб-гвардии Измайловский, Бомбардирский, 2-й Артиллерийский, Пехотный Киевский и Ново-Троицкий Кирасирский, а наконец лейб-гвардии Конный и Семеновский полки заключали сей строй воинства, числом до 15 тысяч человек, пришедшего воздать должную почесть памяти государя, научившего их предков побеждать.

В четыре часа в сопровождении своего штата его сиятельство господин командовавший весь сей день собранными войсками фельдмаршал князь Александр Михайлович Голицын приехал верхом.

По получению рапортов от полковых начальников остановился у берега ожидать прибытия ее императорского величества, куда и Правительствующий Сенат вышел на сретение своей монархини.

Ее величество в 5 часов прибыв водою к пристани, оттуда в предшествии господ генерал-прокурора, сенаторов и всего двора, имея по сторонам кавалергардов, изволила шествовать пешком до Сената.

Хотя великое множество народа наполнило не только галереи, площадь, валы и гласис Адмиралтейской крепости и весь противолежащий берег Васильевского острова, но даже и все окрестные здания и кровлю оных, однако повсюду царствовало глубокое молчание.

Монархиня явилася. Сигнал дан ракетою. И вдруг невидимым действием, к удивлению зрителей, изображенная каменная гора унижалася, мешая видению всех из нея возвышающегося героя и наконец исчезнув со всех сторон без остатка, так что ни малого следа не осталось, показала изумленным очам зрителей Петра на коне, как будто бы из недр оной внезапно выехавшего на поверхность огромного камня с простертою повелительною десницею.

Все войско, едва увидело зиждителя своего, отдало ему честь ружьем и уклонением знамен, а суда – поднятием флагов, и в ту же минуту производимая пальба с обеих крепостей и с судов, смешанная с беглым огнем полков, с барабанным боем и играние военной музыки, поколебала восторгом город, Петром созданный и Екатериною в цветущее состояние приведенный.

Но удобнее было чувствовать, нежели описать величественную совокупность сего торжества, сию восхитительную картину геройских почестей, которыми монархиня утверждала бессмертие Петра.

Сие знаменитое торжество заключено маршированием по очереди полков перед лицом монархини с отданием обыкновенной чести.

По окончании же сего ее императорское величество соизволила возвратиться прежним порядком. Напоследок ввечеру весь город был великолепно иллюминован, наипаче же Сенат, Адмиралтейство и суда на реке, а более всего окружность монумента, чем оный совершенно освещенный был так же виден, как и днем.

Небольшой домик на Петербургской стороне, в котором вмещался Великий Петр, когда начинал созидать сию столицу, был весь покрыт сиянием огней.

После торжественного открытия монумента там же, на площади, были розданы памятные специально чеканенные золотые и серебряные медали.

С отъездом Екатерины празднество не прекратилось, на площадь со стороны Васильевского острова через наплавной мост, из-за Исаакиевского собора, через Адмиралтейский канал хлынули толпы городских жителей, которые стремились вблизи полюбоваться статуей Петра. Весь город охватило ликование. В эти вечерние часы монумент стал достоянием города. Его достоинства широко обсуждались зрителями, замысел скульптора стал близким и понятным многим тысячам людей.

Праздничное настроение достигло апогея, когда наступила темнота и вспыхнувшие огни осветили площадь, набережную, важнейшие сооружения центра Петербурга.

В честь открытия монумента был издан указ, по которому предоставлялась амнистия преступникам и прекращены были многие уголовные дела, освобождены из тюрем сидевшие там должники...

Открытие памятника сопровождалось и церемонией у гроба Петра в Петропавловском соборе. Здесь на гробницу императора возложили трофеи, добытые в архипелаге, что было восторженно принято присутствовавшими.

Церемония у гробницы Петра включала и торжественную литургию, во время которой выступал митрополит Платон, рекший: «Восстань же теперь, великий монарх, и воззри на любезное изобретение твое: оно не истлело от времени и слава его не помрачилась...»

Екатерина на следующий день после открытия памятника писала Ф. Гримму: «Скажешь, что он (Петр I. – Ред.) таки доволен своим творением. Я долго не решалась его рассматривать, по чувству умиления, и когда оглянулась кругом, то увидала, что все тут бывшие прослезились. Лицом он был обращен к стороне, противоположной Черному морю; но выражение головы свидетельствует, что он не смотрит ни в какую сторону. Он был слишком далеко, чтобы говорить со мною; но он мне показался доволен...»

Помимо скульптурных и архитектурных проектов, «екатерининский век» знаменателен и другими связанными с городской историей событиями – так, в 1767 году в Строгановском дворце состоялись первые в истории города выборы, первым выборным городским головой стал генерал-майор Николай Николаевич Зиновьев; в 1780 году была открыта Обуховская больница – одна из первых городских больниц России. Некоторые из этих событий были значимыми не только для истории города, но и для российской истории в целом: в 1773 году в Петербург прибыл Дени Дидро, пробыв в городе более полугода, в 1779 году на специально зафрахтованном корабле привезли библиотеку Вольтера, приобретенную императрицей после смерти французского мыслителя (сначала она хранилась в Зимнем дворце, потом была передана в Публичную библиотеку). При этом, покровительствуя иностранным мыслителям, отечественных «вольнодумцев» Екатерина не привечала: в 1790 году, прочтя «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, она обронила знаменитую фразу о «бунтовщике хуже Пугачева». В том же 1779 году, как сообщали «Санкт-Петербургские ведомости», был продемонстрирован новый прибор – первый прообраз прожектора (дело рук Академии наук мастера Ивана Петровича Кулибина), который стал употребляться в быту и на военном флоте России.

Павловск: подарок императрицы, 1777 год
Иоганн Георги

Первые загородные дворцы в окрестностях города стали возводить при Петре Великом – это и Ораниенбаум, и Петергоф, и Царское (Сарское) Село. В правление Екатерины II к их и без того немалому количеству добавился дворец в селе Павловское, которое императрица подарила своему сыну Павлу и его супруге Марии по случаю рождения у них первенца Александра.

И. Георги – немецкий путешественник, впоследствии поступивший на русскую службу .

Павловск, построенный его высочеством великим князем Павлом Петровичем в 1780 году, находится в 5 верстах от Царского Села в волнистой, маленькими холмиками, смешанным лесом покрытой стране, у вершины речки Славянки, впадающей в Неву.

Великокняжеский замок, находящийся в английском саду, невелик, но имеет 3 этажа и 2 флигеля. Нижний этаж определен для служителей, а верхний для придворных дам. Средний, в коем великокняжеский дом жительствует, великолепно и с преизящным вкусом расположен. Положение дворца дает прекрасный вид на многие сельские перемены сей страны.

Сад велик и разведен по английскому вкусу, с кустарником, извивающимися дорожками, речкой Славянкою, с водопадами, прудами, пустыньками, беседками, домиками и некоторыми памятниками. Между сими есть большая ваза из белого мрамора, на подножии из тесаного дикого камня, посвященная памяти Фридриха Вильгельма, посетившего здесь великого князя в бытность еще принцем Прусским. В лесу вне сада есть также дорожки для прогулки, малые заведения домостроительства, места для отдыха и пр. Сад имеет теплицы, на несколько сот сажен длины простирающиеся, и каменную оранжерею, в зале коей с 1789 года чрез каждые две недели немецкое протестантское богослужение отправляется.

Слобода имеет, за исключением некоторых каменных, деревянные дома, принадлежащие отчасти великому князю, отчасти же обывателям, составляющие прямые улицы и коих жители суть придворные служители, ремесленники и крестьяне, числом около 300 душ.

В слободе и подле оной есть несколько публичных строений. Прекрасная каменная церковь во имя Св. Марии с преимущественными святыми иконами и мраморным надгробием, сооруженным по повелению великого князя в память графа Никиты Ивановича Панина. Каменный дом училища, в коем дети (обыкновенно числом около 40) не только безденежно обучаются, но иногда еще присутствием великокняжеского дома и малыми подарками при испытаниях к прилежанию поощряются. Каменный конюшенный двор со вторым этажом, для жительства конюшенных служителей.

Истинного расцвета Павловск достиг уже после смерти императора Павла радениями его вдовы Марии Федоровны, с именем которой прежде всего связана история павловских «блистательных салонов».

Большой театр, 1783 год
Иван Божерянов

С 1756 года, когда был учрежден «Русский театр», представления давались в Оперном доме, в помещениях Зимнего дворца, в театре Академии художеств, в театре Карла Книппера на Царицыном лугу (где, в частности, в 1782 году состоялась премьера комедии «Недоросль» Д. И. Фонвизина), в театре Кадетского корпуса, а в 1783 году на Театральной площади в специально построенном здании открылся оперой Дж. Паизиелло «На луне» Большой (Каменный) театр. Истории этого театра, с возникновения до сноса «за ветхостью», посвящен очерк искусствоведа И. Н. Божерянова.

Площадь, на которой стоял Большой театр (теперь здание Консерватории), в старину называлась Брумбергской, так как на ней находились пильные мельницы Брумберга.

Злополучная кончина Иоанна Антоновича, казнь Мировича и сообщников его производили различные тревожные толки, почему, для успокоения умов и развлечения чем-нибудь посторонним, императрица Екатерина II, зная, что всякая новизна возбуждает любопытство, решила дать блистательную карусель, и 14 июля 1766 г. произошло «великолепное рыцарское зрелище», на котором явились мужчины и женщины в римских, турецких, индийских и славянских одеяниях. Роскошный наряд, красота и ловкость действующих лиц на этом турнире очаровывали взоры зрителей.

Здание или амфитеатр для карусели было перенесено с Царицына луга, где было построено в начале царствования Екатерины II. Впоследствии этот карусель был отдан для народных игр, что было подтверждено указом императрицы от 9 июня 1773 г. Представления начинались в 4 часа пополудни и бывали каждую неделю не менее 2-х раз: здесь бедные ремесленники сидельцы гостиного двора и подьячие усердно тешили посетителей этого театра. Накануне представления эти актеры сговаривались между собою о содержании и ходе пьесы и за каждое такое представление получали от полиции по полтине на человека. Через несколько лет амфитеатр этот пришел в такую ветхость, что нередко дождь разгонял и публику, и самих актеров; поэтому было велено его сломать, и на месте бывшей карусели построено каменное здание Большого театра, открытие которого последовало 16 сентября 1783 г.

Строителем театра был архитектор Тишбейн. Императрица Екатерина удостоила особенного внимания новую постройку и весьма часто советовалась насчет расположения лож с архитектором и С. Г. Домашневым (1746–1796), бывшим вице-президентом Академии наук. Вся же постройка находилась под непосредственным ведением генерал-квартирмейстера Бауэра (1731–1783), которому наша столица обязана устройством набережной на Неве.

Некоторые подробности первоначального устройства театра были весьма замечательны: так, императорская ложа возвышалась в центре всего амфитеатра, а от нее шли особые места в несколько рядов с повышенною платою; над ложею кругом шел партер, и уже около него были расположены ряды лож.

Театральная занавесь была также написана Тишбейном; театр был снабжен водою, проведенною во все его концы; так как в «С.-Петербургских ведомостях» от 7 ноября 1783 г. напечатано курьезное объявление, причиною которого был происшедший напрасный страх от шалости неизвестного человека, отвернувшего кран одного из бассейнов, откуда вода, пустясь с шумом, произвела тревогу в публике.

В отстроенном театре даваемы были, кроме представлений, маскарады и концерты.

Первым устроителем маскарадов был итальянец Марзани (ум. 1784). После его смерти понравившиеся публике маскарады продолжали давать машинист Дампиери и танцовщик Ганцолес; из напечатанных ими объявлений видно, что маскарады того времени мало отличались

от нынешних: точно так же партер (или как его называли в то время, паркет) закрывался полом наравне со сценою, образуя одну обширную залу, а в смежных с нею комнатах устраивались: игра в карты, продажа напитков, масок и костюмов.

Назначенный директором театров в 1791 г. князь Юсупов переделал внутри Большой театр по образцу тогдашней парижской оперы. Затем, в 1803 г., еще при жизни Тишбейна (ум. 1806), получавшего уже тогда пенсион, положено было дать Большому театру новый фасад, более согласный с духом архитектуры того времени; исполнение этого дела было возложено на знаменитого архитектора француза Фому Томона (1769–1813), украсившего Петербург зданием Биржи. При перестройке Большого театра Томон предполагал изменить лишь фасад его, но это повело к совершенной переделке театра: и наружность, и внутренность изменились; окна Томон переместил совершенно иначе против прежнего, а с главной лицевой стороны поставил портик с 8-ю колоннами дорического ордена, фронтон же был украшен статуею Минервы из каррарского мрамора, копье которой служило громоотводом.

Но не долго просуществовал отстроенный Томоном театр: в ночь на первое января 1811 года вспыхнул пожар внутри Большого театра: ужасный дым показался из-под крыши, и здание, вход в которое в короткое время сделался невозможным, объято было со всех сторон пламенем. Прибывшие пожарные команды, несмотря на ночное время и стужу, действовали с геройским самоотвержением. Вся казна, документы и бумаги, находившиеся в конторе, в нижнем этаже театра, были спасены; успели даже спасти несколько декораций, которые оставались на сцене, и, по веревочным лестницам, была спущена, из самого верхнего этажа вниз, задыхавшаяся от дыму женщина. Государь за успешное расторопное и усердное действие пожарных служителей пожаловал им по рублю на человека.

Возобновление Большого театра поручено было архитектору Модю,и и через семь лет, 3 февраля 1818 г. произошло его открытие, причем дан был сперва пролог «Аполлон и Паллада на севере» соч. Шеллера, музыка Кавоса (1776–1844). Представленный пролог не имел успеха и был ошикан, а данный вслед за ним балет «Зефир и Флора» восхитил публику.

Вновь отстроенный театр главным образом переделан был внутри, снаружи же вид театра остался почти тот же самый, так как архитектор Модюи сделал лишь некоторые перемены в рустиках и карнизах. Занавесь театральная была написана декоратором Каноппи (1773–1832).

В начале же прошлого столетия на площади Большого театра начали строить балаганы, а в последний день масленицы 27 февраля 1810 г. дан был в театре первый утренний спектакль, после чего они и вошли в обычай.

Большой театр оставался без переделки до 1835 г., когда дирекция предприняла внутреннюю его перестройку, так как прежнее расположение заключало в себе очень посредственного объема зало, каждый ярус лож имел свою очертательную линию; потолок в форме круга заходил на всю авансцену, отчего весьма многие боковые ложи были не выгодны для зрителей, кроме того потолок был выведен в форме купола и производил почти бесконечное эхо. Эти неудобства заставили сломать всю внутренность театра и перестроить ее по другому плану. Архитектор Кавос, сын музыканта, о котором упомянуто выше, заведовал переделкой театра.

Насколько удовлетворительно выполнил свою задачу Кавос, и теперь еще многие помнят, так как до последнего времени (за исключением правого крыла, пристроенного для уборных) театр этот не был возобновляем и считался первым в акустическом отношении в Петербурге.

Впоследствии Кавос назначен был строителем московского Большого театра после его пожара, последовавшего незадолго до объявления крымской войны.

Любопытен факт совпадения обстоятельств пожара Больших театров: в Петербурге – пред Отечественной войной, в Москве – пред Севастопольской кампанией.

Открытие возобновленного театра последовало 26 октября 1836 г. постановкою в первый раз оперы «Жизнь за царя» Мих. Ив. Глинки; по окончании спектакля композитор был призван в императорскую ложу, где государь Николай Павлович благодарил его за труды.

В 1883 г. 21 октября праздновался столетний юбилей Большого театра, причем были даны три пьесы: сцена из 2-го акта «Орфея», комедия в трех действиях сочинения императрицы Екатерины Великой «О, Время!» и балет «Сон в летнюю ночь».

По случаю того же юбилея был издан исторический очерк Большого театра, составленный по поручению дирекции пишущим эти строки. Спустя несколько лет Большой театр, за ветхостью, был приговорен к уничтожению, и на его месте архитектор Николя построил здание нынешней Консерватории.

Санкт-Петербург в конце XVIII столетия, 1790-е годы
Иоганн Георги

Первым петербургским путеводителем, в современном понимании этого слова, был неоднократно упоминавшийся выше труд за авторством А. И. Богданова и В. Г. Рубана. Вплоть до последнего десятилетия XVIII века город не удостаивался столь пристального внимания к себе, а в 1794 году увидело свет «Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного», составленное немцем на русской службе Иоганном Готлибом Георги (кстати сказать, именно от его фамилии получил свое название цветок георгин).

Георги прославился как автор «Описания всех обитающих в Российском государстве народов» (1786–1790), итога путешествия по России в составе экспедиции П. Палласа, которая изучала Урал и Зауралье вплоть до Байкала, а также самостоятельных путешествий по Волге. Описание Петербурга, имперской столицы – своего рода дополнение к описанию империи.

Императорская столица Санкт-Петербург удостаивается по его величине, великолепию и по великому числу достопримечательностей, по крайней мере не менее другого какого главного города Европы, точного, на все предметы распространяющегося и здешних жителей и чужестранных удовлетворяющего описания. Оно должно содержать истинное изображение всего того, о чем в рассуждении места полезно иметь сведение, служить верным обозрением и заменять путеводители при собственном осматривании и наблюдении достопамятностей, отменностей и пр. <...>

Санкт-Петербург есть европейская столица блистающего императорского двора и весьма подобна тем и распространенной своею морской торговлей другим европейским столицам и торговым городам, как во всем расположении, так и вообще в образе жизни. Процветающие промыслы, художники всякого рода, множество денег в обращении, придворный некоторым образом вид во вкусе и обращении – так, как и в других столицах государей. Положение к северу, большая смесь разноплеменных жителей, совершенная свобода, при соблюдении законов, жить по своим обычаям и благорассмотрению и многие другие причины производят во нраве санкт-петербургских жителей вообще и в образе жизни нечто особенное и от других столиц отличающееся. Говоря здесь о образе жизни, надлежит в некоторых местах упомянуть о обыкновенном, даже показать отменное.

Жительство имеют здесь частью в каменных, частью в деревянных домах, и в обоих равно хорошо и охотно. Люди среднего состояния стараются иметь просторные и убранные жилища, которые кроме настоящих для жилья покоев должны содержать переднюю, столовую, гостиную комнату и просторный зал. Позади среднего этажа есть обыкновенно балкон. Простой домашний скарб в настоящих для жилья покоях сберегается, а потому и вышепоказанные комнаты снабжены самонужнейшими токмо в каждой из оных мебелями; а излишнего никогда не находится. В оных помещены столы, стулья, софы, большие зеркала с карточными и зеркальными столами, стенные и настольные часы, фортепиано, такожде и некоторые шкафы и комоды и редко более сего. Все расположено сколько возможно с наилучшим вкусом и прекрасно; в домах и дворах знатных особ царствует везде княжеское великолепие, да и в домах среднего состояния людей комнаты раскрашены или обиты хорошими обоями, полы штучные, паникадила и лампады хрустальные, зеркальные столы мраморные и карнизы комельков украшены бюстами и вазами прекрасных каменьев, диваны, шелковые или ситцевые занавесы и чехлы, столы и пр. из красного дерева и т. д. При всем том, однако же, не нужно, кажется, и упомянуть, что во многих домах обоего состояния людей явно от такого великолепия до обыкновенной простоты отдаляются. Во всех комнатах находятся четвероугольные или и круглые

печи, которые изнутри затопляются, не дымят, очищают комнатный воздух, и зимою даже в сильные морозы токмо один раз с малым количеством дров затопляются и на целый день комнату согревают. К сему много способствуют также везде употребительные двойные окошки, которые, для избежания темноты, из больших белых стекол сделаны. <...>

Женщины не имеют предписания в одежде. Они одеваются вообще со вкусом и по моде, почему многие английские и другие купцы, торгующие модными вещами, счастье свое соделывают. Большая часть женщин среднего состояния, также и дочери многих ремесленников, горничные девушки и служанки знатных особ ежедневно причесаны, чем многие руки занимаются. Кроме английских и других мод показываются также разные грузинские, молдавские и другие знатные женщины во всем великолепии сих народов. <...>

На столах знатных особ бывает, кроме во время поста, по большей части совсем французское кушанье и большое число малых блюд, приготовленных французскими поварами. Обыкновенно ставится также на стол одно или несколько собственно российских блюд, как напр. кутья, кулебяки, щи, ботвинья, пастила, кисель и т. п. В пост и у знатного духовенства всегда бывает отборное постное кушанье; но в большей части хороших домов есть для чужих или тех, которые не постничают, также мясное кушанье на столе, или учреждаются два отдельные стола, и всякому предоставлено есть и постный или скоромный стол.

Россияне среднего состояния кушают, кроме во время поста, по большей части так, как чужестранцы, кушанье приготовлено по немецкому или французскому обычаю; у русских бывают часто чужестранные, и у чужестранцев иногда некоторые русские кушанья. Российское купечество, даже и богатейшее, придерживается более, как в одежде, так и в столе, умеренных отечественных обычаев. По большей части бывает ежедневно 4, а в праздники до 6 блюд; но при домашних торжествах, в именины и пр. стол многих людей среднего состояния весьма уподобляется столам знатных особ многообразностью блюд и лакомств и многоразличностью напитков, тонких вин и пр.

Простой народ кушает и пьет совсем по русским обычаям, однако же так хорошо, как иметь может, и вообще гораздо лучше, нежели такого состояния люди в областях внутри государства, в торжественные дни свои пьет иногда бутылку вина, английского пива и пр. <...>

При совершенно европейском образе жизни в Санкт-Петербурге сохраняется еще азиатский обычай не только у знатных особ, но и у многих людей среднего состояния блистать великим числом слуг. Знатные особы имеют кроме дворецких, конюших или шталмейстеров, камердинеров, кравчих, конфетчиков, поваров и других домовых официантов, часто до 50 и более ливрейных слуг в кучерах, вершниках, гусарах, швейцарах, скороходах, егерях, арапах и лакеях и пр. Также в домах людей среднего состояния бывает 10, 15 и более слуг. <...> Слуги топят комнаты, метут и воскуют оные и домашний прибор, во многих домах готовят также кушанье и пр., почему кроме в детских комнатах весьма малое токмо число служанок содержится горничными, белошвейками, прачками и пр. <...>

Пространство города, часто грязные улицы, короткие дни, невозможность приходить пешком пристойно в гости, как к знатным, так и к другим особам, посещения за городом, благопристойность, спокойство и пр. приумножают здесь число экипажей так, что мало есть столь же многолюдных городов, в которых бы оных такое множество было, как в Санкт-Петербурге. <...>

Здешнее гостеприимство прославлено не без причины, ради обширности оного, бескорыстия и хорошего образа обхождения, при том царствующего. Знатные особы здесь, кроме как в делах по должности, весьма снисходительны, ласковы и живут пышно; а потому кого они знают или кто им токмо представлен бывает, приглашается так часто, как приезжает, к столу, за которым обходятся без всякого принуждения. Когда после стола кофей разнесен, то хозяин удаляется и гости разъезжаются также, по большей части без прощания. Некоторые знатные особы имеют ежедневно открытый стол на 20, 30 и более кувертов, хотя и сами у себя не обе-

дают; другие дают еженедельно в один или два назначенные дня открытый стол, и всякий знакомый или им представленный принимается весьма благопристойно.

Люди среднего состояния столь же бескорыстно и с благопристойностью гостеприимчивы. В каждом хорошем доме приглашаются к столу, как здешние, так и чужестранные, когда они токмо некоторым образом обходиться умеют. В некоторых домах все дни равны, а в других определяется известный в неделе день, который чужим при первом их посещении объявляется и в который приятели без созыву собираются. Если гость какой в доме нравится, то обижает больше редкими, нежели частыми посещениями... Даже и простой народ исправляет гостеприимство в великой степени и весьма бескорыстно. Кто застает у другого накрытый стол, тот приглашается к оному, и хозяин почитает отказ презрением и неприязнью. <...>

Излишне будет упомянуть, что в российских домах говорят хорошо по-русски, хотя московитяне санкт-петербургских жителей гораздо в чистоте и правильности превышают. Также и по-немецки говорят по употреблению, словорасположению и произношению весьма правильно и хорошо, однако же случаются в простых разговорах некоторые руссицизмы. Во многих, преимущественно же в знатных домах, в большей части смешанных обществ, в учреждениях для воспитания и пр. говорят много по-французски; почему даже и достаточные ремесленники стараются, чтобы дети их сему языку обучены были; отчего многие французы и француженки, и между оными некоторые бродяги и несведущие, хорошее пропитание получают. Во многих домах научаются малые дети всем трем языкам без труда, одним обхождением с родителями и домашними. В многолюдных обществах говорят обыкновенно на всех трех языках. <...>

Обыкновеннейшие и лучшие разговоры бывают за столом и во время игры. Всякий старается исправить свои дела до обеда, чтобы быть свободным после полудня; в присутственных местах бывает токмо до обеда присутствие, многие купцы обедают после биржи, то есть после 3 часов; а как каждый старается иметь хороший стол, и большое гостеприимство гостей привлекает, и наши дамы живы, приветливы и веселы, то обедают с удовольствием и сидят долго за столом. <...>

Гатчина: имение цесаревича Павла, 1796 год
Григорий Орлов, Василий Рубан, Елизавета Львова, Николай Саблуков

В конце XVIII столетия на карте окрестностей Петербурга появилась новая жемчужина – Гатчина. Гатчинскую мызу императрица Екатерина пожаловала своему фавориту графу Григорию Орлову, который построил в имении дворец и разбил английский парк. В это имение граф, в частности, приглашал погостить знаменитого французского философа Ж.-Ж. Руссо, которому писал:

Декабрь 1766 года

Милостливый государь,

Вы не удивитесь, что я пишу к Вам, зная, что люди наклонны к странностям. У Вас есть свои, у меня мои: это в порядке вещей; пусть одною из этих странностей будет и причина, побудившая меня писать к Вам. Я вижу Вас давно странствующим из одного места в другое. Через газеты я знаю и о причинах этого, или, может быть, я плохо знаю: может быть, причины известные мне неверны. Я думаю, что Вы теперь в Англии у герцога Ричмондского и, полагаю, у него Вам хорошо. Тем не менее мне вздумалось сказать Вам, что в 60 верстах от Петербурга, т. е. в 10 немецких милях, у меня есть поместье, где воздух здоров, вода удивительна, пригорки, окружающие озера, образуют уголки, приятные для прогулок и возбуждающие к мечтательности. Местные жители не понимают ни по-английски, ни по-французски, еще менее по-гречески и латыни. Священник не знает ни диспутировать, ни проповедывать, а паства, сделав крестное знамение, добродушно думает, что сделано все. Итак, милостливый государь, если такой уголок Вам по вкусу, – от Вас зависит поселиться в нем. Все нужное будет к Вашим услугам, если Вы пожелаете. Если нет, располагайте охотою и рыбною ловлею. Если Вы пожелаете общества, чтобы рассеять скуку, и оно будет. Но вообще, и прежде всего, Вы ни в чем не будете иметь ни малейшего стеснения, не будете ни чем никому обязаны...

Вот, милостливый государь, что я счел в праве предложить Вам из признательности за почерпнутое мною в Ваших книгах, хотя они были писаны и не для меня. Остаюсь с глубоким уважением и пр.

Впоследствии императрица выкупила Гатчину у семейства Орловых и передала поместье своему сыну Павлу: «*Из купленных Нами у графов Орловых деревень... повелеваем отдать во владение Нашему любезному сыну, его императорскому высочеству Великому Князю, мызу Гатчино с тамошним домом, со всеми в нем находящимися мебелями, марморными вещами, оружейною, оранжереею и материалами и с двадцатью принадлежащими к той мызе деревнями, мызу новую Скворицкую и мызу старую Скворицкую с приписанными к ним деревнями, пустошами и землями*». «*Тамошним домом*», *то есть Гатчинским дворцом восторгался В. Г. Рубан*:

Огромно здание из камня именита,
Которым Пудостка (окрестности села Пудость. – *Ред*.)
окружность знаменита.
Величием равно величью тех громад,

При Нильских берегах которые стоят;
Но вкусом, зодчеством, искусством, красотою,
Садов, лугов, прудов с прозрачною водою,
Превозвышая их являют Павлов двор,
Вмещающи в себя всех редкостей собор;
И тако Гатчина со именем согласна,
Ее и внутренность и внешность есть прекрасна.

О том, как создавался гатчинский парк с его фонтанами и «малыми дворцами», оставила воспоминания Е. Н. Львова, дочь придворного архитектора Н. А. Львова.

Вы, верно, видали строение в Гатчине, на левой руке отсюда не доезжая до дворца, который направо; скажу вам, что его построил Н. А. Львов, двоюродный брат Федора Петровича Львова, и вот каким образом. Государь Павел Петрович жил всегда в Гатчине при императрице Екатерине, и все лето проживал там, когда и воцарился. Он любил очень Н. А. Львова, который часто находился при нем, звал его «кумом», хотя никого из нас он не крестил; разговаривая с ним о том, что Н. А. Львов заметил в чужих краях, узнал, что он многие постройки сделал у себя в деревне из земли, составленной из малой части известки и песку.

– Я хочу, – сказал государь, – чтобы ты мне построил здесь, в Гатчине, угол избы с фундаментом и крышкою.

Н. А. Львов тогда же выписал двух наших мужиков, Емельяна и Андрея, в Гатчину; стали они работать в саду, куда и государь Павел, и великий князь Александр Павлович с прекрасной его супругой Елизаветой Алексеевной приходили всякий день смотреть их успехи; когда часть стены уже была выведена, Елизавета Алексеевна однажды пришла и острым концом своего парасоля стала стену сверлить; но видя, что едва со всею силой могла сделать в стене маленькую ямочку, обернулась к Н. А. Львову, сказала ему:

– Я не ожидала, мсье Львов, что ваша земляная стена может быть также и твердой...

Пришел государь Павел и, увидя, что уже с самого фундамента земляная стена и крыша соломенная (которая особенным манером крылась), все готово, приказал принести двое золотых часов с цепочками и сам их подарил Емельяну и Андрею. Но этим государь не удовольствовался; он был человек очень умный, но вспыльчивого нрава и имел как будто что-то странное.... Что особенно не нравилось в нем, – это слепое его подражание пруссакам и желание все русское переделать на их лад; конечно, много хорошего в чужих краях, но уже по большому пространству России, не все и годится нам. Однако землебитное строение заняло государя Павла; он тотчас повелел из каждой нашей губернии отправить к нам в Никольское по два мужика обучаться оному, что весною и было исполнено; с лишком сто человек явились и с того начали, что стали строить себе казарму, в которой потом и жили. Государь, увидев оконченный угол в саду гатчинском, сказал Н. А. Львову, чтобы он выбрал в Гатчине, где хочет, место и построил бы ему Приорат. Н. А. Львов отличный был в тогдашнее время архитектор; он нарисовал план Приората, который был государем утвержден; но, несмотря на повеление его дать место Львову для построения Приората, Петр Хрисанфович Обольянинов, который тогда был первое лицо при государе, за разными причинами в отводе места Н. А. Львову отказывал; наконец, эта комедия Львову надоела; он поручил Обольянинову выбрать самому место. Какое же место выбрал он? Вообразите – в котором собака вязла. Н. А. Львов, видя, что все это неудовольствие на него происходило от зависти, сказал Обольянинову:

– Я и тут построю Приорат, только государю стоить будет более ста тысяч рублей, потому что я должен осушить это болото.

– Ну, делай как хочешь, – отвечал Обольянинов, и Н. А. Львов приступил к работе.

Хотели, по зависти, чтобы она не удалась, и тем переменить мысли государевы насчет Львова, а вышло иначе; так богу угодно всегда завистливых людей наказать. Землю, что вырвали из болота, все возили на одно место, и от этого сделался пригорок средь прекрасного озера, на котором Приорат с башнею своею, вышиною двух сажен слишком, сделанною из земляного кирпича, красовался всем на удивление... Он сам выбирал скромные места для постройки Приората, а судьба поставила его на возвышенном месте; где прежде не было ни одного деревца, но посаженные Н. А. Львовым с большим тщанием деревья все принялись прекрасно и украсили бывшее болото и даже теперь можно бы было и срубить некоторые, чтобы вид более открыть. Вот уже теперь 57 лет что Приорат стоит неповрежденным; года три тому назад, когда были маневры близ Гатчино, А. Ф. Львову была в Приорате отведена квартира, и он не мог надивиться, как хорош был в нем воздух, и даже живопись, исполненная по сырой штукатурке, что называется по итальянски *al fresco*, по сию пору еще в хорошем состоянии...

Николай Александрович Львов, рожденный с необыкновенными дарованиями, имел еще ко всему этому дар употребить всякую ничтожную вещь в пользу и в украшение; поэтому вы можете судить, как он примечал все; однажды, гуляя с Обольяниновым по Гатчине, он заметил ключ, из которого вытекал ручеек самый прекрасный.

– Из этого, – сказал он Обольянинову, – можно сделать прелесть, так природа тут хороша.

– А что, – отвечал Обольянинов, – берешься, Николай Александрович сделать что-нибудь прекрасное?

– Берусь, – сказал Н. А. Львов.

– Итак, – отвечал Обольянинов, – сделаем сюрприз императору Павлу Петровичу. Я буду его в прогулках отвлекать от этого места, пока ты работать станешь.

На другой день Н. А. Львов, нарисовав план, принялся тотчас за работу; он представил, что быстрый ручей разрушил древний храм, которого остатки, колонны и капители, разметаны были по местам, а иные, вполовину разрушенные, еще существовали. Кончил наконец Н. А. Львов работу, привозит Обольянинова ее посмотреть; он в восхищении его целует, благодарит.

– Еду сейчас за государем, – сказал он, – и привезу его сюда, а ты, Николай Александрович, спрячься за эти кусты, я тебя вызову.

И в самом деле, как это был час прогулки государя, он через несколько времени верхом со свитою своею приезжает, сходит с лошади, в восхищении хвалит все. Обольянинов к нему подходит, говорит что-то на ухо; государь его обнимает, и еще благодарит, садится на лошадь и уезжает, а Львов так и остался за кустом, и никогда не имел духа обличить Обольянинова перед государем.

Многим гатчинская жизнь нравилась; как вспоминал генерал Е. Ф. Комаровский, «в Гатчине жизнь была довольно приятная: поутру маневры, а ввечеру, всякий день, французский спектакль на придворном театре». Об иной стороне жизни в Гатчине при дворе Павла, о «палочном уставе» и муштре читаем в воспоминаниях генерала Н. А. Саблукова, служившего в конце XVIII столетия в конногвардейском полку.

Но, чтобы вернуться к эпохе, которая непосредственно предшествовала восшествию Павла на престол, я должен упомянуть о том, что, кроме дворца на Каменном острове, он имел еще великолепный дворец и имение в Гатчине, в 24 верстах от Царского Села. К Гатчине были приписаны обширные земли и несколько деревень. Супруга великого князя имела такое же имение в Павловске, с обширными парками и богатыми деревнями. Этот дворец находился всего в трех верстах от Царского Села. В этих двух имениях великий князь и его супруга обыкновенно проводили большую часть года одни, имея лишь дежурного камергера и гофмаршала. Здесь великий князь и великая княгиня обыкновенно не принимали никого, исключая лиц, особо приглашенных. Скоро, однако же, и здесь стала появляться Екатерина Ивановна Нели-

дова и вскоре сделалась приятельницей великой княгини, оставаясь в то же время платоническим кумиром Павла. Как в Гатчине, так и в Павловске строго соблюдались костюм, этикет и обычаи французского двора.

Отец мой в то время стоял во главе государственного казначейства, и в его обязанности, между прочим, входило выдавать их высочествам их четвертное жалованье и лично принимать от них расписку в счетную книгу казначейства. Во время поездок, которые он совершал для этой цели в Гатчину и в Павловск, я иногда сопровождал его и живо помню то странное впечатление, которое производило на меня все то, что я здесь видел и слышал. Тут все было, как в другом государстве, особенно в Гатчине, где выстроен был форштадт, напоминавший мелкие германские города. Эта слобода имела заставы, казармы, конюшни и строения точь-в-точь такие, как в Пруссии. Что касается войск, здесь расположенных, то можно было побиться об заклад, что они только что пришли из Берлина.

Здесь я должен объяснить, каким образом Павел задумал сформировать в Гатчине эту курьезную маленькую армию. Когда великий князь был еще очень молод, императрица, пожелавшая дать ему громкий титул, не сопряженный, однако, с какой-либо трудною или ответственною должностью, пожаловала его генерал-адмиралом Российского флота; впоследствии он был назначен шефом превосходного кирасирского полка, с которым он прослужил одну кампанию против шведов, причем имел честь видеть, как над головой его пролетали пушечные ядра во время одной стычки с неприятелем. Поселившись в Гатчине, великий князь, в качестве генерал-адмирала, потребовал себе батальон морских солдат с несколькими орудиями, а как шеф кирасиров – эскадрон этого полка с тем, чтобы образовать гарнизон города Гатчины.

Оба желания великого князя были исполнены, и таким образом положено начало пресловутой «Гатчинской армии», впоследствии причинившей столько неудовольствий и вреда всей стране. В Гатчине, кроме того, на небольшом озере находилось несколько лодок, оснащенных и вооруженных наподобие военных кораблей с офицерами и матросами, – и это учреждение впоследствии приобрело большое значение.

Батальон и эскадрон были разделены на мелкие отряды, из которых каждый изображал полк императорской гвардии. Все они были одеты в темно-зеленые мундиры и во всех отношениях напоминали собою прусских солдат.

Вся русская пехота в это время носила светло-зеленые мундиры, кавалерия – синие, а артиллерия – красные. Покрой этих мундиров не походил на мундиры других европейских армий, но был прекрасно приспособлен к климату и обычаям России. Русские войска всех родов оружия покрыли себя славою в войнах против турок, шведов и поляков и справедливо гордились своими подвигами. Подобно всяким другим войскам, они гордились и мундирами, в которых пожинали эти лавры, и это заставляло их смотреть с отвращением на новое гатчинское обмундирование.

Гатчинские моряки также носили темно-зеленое сукно, между тем как мундир всего русского флота был белый, установленный еще самим Петром Великим, и это изменение также возбуждало неудовольствие. Во всех гатчинских войсках офицерские должности были заняты людьми низкого происхождения, так как ни один порядочный человек не хотел служить в этих полках, где господствовала грубая прусская дисциплина. Я уже упомянул выше, что двор великого князя состоял отчасти из лиц, служивших при дворе императрицы, так что все, происходившее в Гатчине, тотчас делалось известным при большом дворе и в публике, и будущая судьба России подвергалась свободному обсуждению и не совсем умеренной критике. <...>

Теперь вернемся снова в Гатчину, это ужасное место, откуда последовал указ об увольнении моего отца и которое было колыбелью пресловутой Павловской армии с ее организацией, выправкой и дисциплиной. Гатчина была любимым местопребыванием Павла в осеннее время, и здесь происходили ежегодные маневры войск. Как северная деревенская резиденция, Гатчина великолепна: дворец, или, вернее, замок представляет обширное здание, выстроенное

из тесаного камня, прекрасной архитектуры. При дворце обширный парк, в котором множество великолепных старых дубов и других деревьев. Прозрачный ручей вьется вдоль парка и по садам, обращаясь в некоторых местах в обширные пруды, которые почти можно назвать озерами. Вода в них до того чиста и прозрачна, что на глубине 12–15 футов можно считать камешки, и в ней плавают большие форели и стерляди.

Павел был весьма склонен к романтизму и любил все, что имело рыцарский характер. При этом он имел расположение к великолепию и роскоши, которыми он восторгался во время пребывания в Париже и других городах Западной Европы.

Как я уже говорил, в Гатчине происходили большие маневры, во время которых давались и празднества. Балы, концерты, театральные представления беспрерывно следовали один за другим, и можно было думать, что все увеселения Версаля и Трианона по волшебству перенесены были в Гатчину. К сожалению, эти празднества нередко омрачались разными строгостями, как, например, арестом офицеров или ссылкою их в отдаленные гарнизоны без всякого предупреждения. Случались и несчастья, какие бывают нередко во время больших кавалерийских маневров, что приводило императора в сильное раздражение. Впрочем, несмотря на сильный гнев, вызываемый подобными случаями, он выказывал большое человеколюбие и участие, когда кто-нибудь был серьезно ранен. <...>

Об императоре Павле принято обыкновенно говорить как о человеке, чуждом всяких любезных качеств, всегда мрачном, раздражительном и суровом. На деле же характер его вовсе был не таков. Остроумную шутку он понимал и ценил не хуже всякого другого, лишь бы только в ней не видно было недоброжелательства или злобы. В подтверждение этого мнения я приведу следующий анекдот.

В Гатчине, насупротив окон офицерской караульной комнаты, рос очень старый дуб, который, я думаю, и теперь еще стоит там. Это дерево, как сейчас помню, было покрыто странными наростами, из которых вырастало несколько веток. Один из этих наростов до того был похож на Павла с его косичкою, что я не мог удержаться, чтобы не срисовать его. Когда я вернулся в казармы, рисунок мой так всем понравился, что все захотели получить с него копию, и в день следующего парада я был осажден просьбами со стороны офицеров гвардейской пехоты. Воспроизвести его было не трудно, и я раздал не менее тридцати или сорока копий. Несомненно, что при том соглядатайстве со стороны гатчинских офицеров, которому подвергались все наши действия, история с моим рисунком дошла до сведения императора. Будучи вскоре после этого еще раз в карауле, я, от нечего делать, задался срисовыванием двух очень хороших бюстов, стоявших перед зеркалом в караульной комнате, из которых один изображал Генриха IV, а другой Сюлли. Окончив рисунок с Генриха IV, я был очень занят срисовыванием Сюлли, когда в комнату незаметно вошел император, стал сзади меня и, ударив меня слегка по плечу, спросил:

– Что вы делаете?

– Рисую, государь, – ответил я.

– Прекрасно. Генрих IV очень похож, когда будет окончен. Я вижу, что вы можете сделать хороший портрет... Делали вы когда-нибудь мой?..

– Много раз, ваше величество.

Государь громко рассмеялся, взглянул на себя в зеркало и сказал: «Хорош для портрета!» Затем он дружески хлопнул меня по плечу и вернулся в свой кабинет, смеясь от души.

Думаю, что нельзя было поступить снисходительнее с молодым человеком, который нарисовал его карикатуру, но в котором он не имел повода предполагать какого-либо дурного умысла...

Петропавловская крепость и перенос праха Петра III, 1796 год Жермена де Сталь, Варвара Головина

В 1796 году, после кончины Екатерины Великой, русский престол занял ее сын Павел, который не скрывал недовольства правлением матери и сразу после коронации распорядился перенести в Петропавловскую крепость прах своего отца Петра III – по приказанию Екатерины Петра похоронили в Александро-Невской лавре, поскольку в соборе Святых Петра и Павла погребали только коронованных особ (*а Петру III в чести считаться коронованной особой после смерти отказали*).

Через несколько лет после переноса праха в Петербурге побывала французская писательница Ж. де Сталь.

Затем я видела крепость, в ограде которой находится церковь, где помещаются гробницы всех государей, начиная с Петра Великого: эти гробницы не спрятаны в склепы, а выставлены, как в день похорон; чувствуешь себя совсем рядом с этими мертвецами, от которых тебя отделяет лишь простая доска. Когда Павел I вступил на трон, он приказал короновать останки своего отца Петра III, который не мог покоиться в крепости, не удостоившись этой чести при жизни. По приказу Павла I вновь провели церемонию похорон его отца и его матери Екатерины II. Оба были вновь выставлены, снова четыре камергера сторожили их тела, как будто они умерли накануне; оба гроба были поставлены рядом, принужденные в царстве смерти жить в мире.

Непосредственной свидетельницей событий была фрейлина императорского двора графиня В. Н. Головина.

Вступив на престол, император Павел совершил несколько актов справедливости и благотворительности. По-видимому, он желал только счастья своей империи: он обещал, что набор рекрутов будет отложен на несколько лет, старался уничтожить злоупотребления, допущенные в последние годы царствования императрицы. Павел выказывал чувства возвышенные и благородные, но он сам повредил себе, стараясь бросить тень на добрую память императрицы, своей матери. Первым действием императора было приказание совершить заупокойную службу в Невской лавре у гробницы своего отца, императора Петра III. Павел присутствовал на ней со всей своей семьей и всем двором и пожелал, чтобы гроб был открыт в его присутствии. В нем нашли только кости, которым император приказал воздать поклонение. Затем Павел дал повеление устроить великолепные похороны и, среди всевозможных церемоний, религиозных и военных, велел перенести гроб во дворец, а сам пешком следовал за ним и заставил графа Алексея Орлова сопровождать его, возложив на него обязанности при этой церемонии. Все это произошло в течение трех недель после кончины императрицы.

За две недели до этого поступка, взволновавшего всех, я назначена была на дежурство к телу моей государыни. Его должны были перенести в тронную залу. Я вошла в залу, находившуюся рядом с дежурной комнатой. Мне было бы невозможно выразить разнообразие моих ощущений и горе, поразившее мою душу. Я искала глазами несколько лиц, на выражении которых сердце мое могло бы отдохнуть. Императрица Мария ходила взад и вперед, отдавала приказания и распоряжалась церемонией.

Смерть имеет нечто торжественное: это поражающая истина, которая должна бы погасить страсти; ее острая коса подкашивает нас; одних подкосила она вчера, других подкосит сегодня или завтра. Это завтра иногда так отдаленно, а иногда так неожиданно!

Я пришла в тронную залу и села у стены, против трона. В трех шагах от меня находился камин, о который оперся камер-лакей Екатерины II; его горе и отчаяние вызвали мои слезы: они облегчили меня.

Все было обтянуто черным: потолок, стены, пол. Блестящий огонь в камине один лишь освещал эту комнату скорби. Кавалергарды, с их красными колетами и серебряными касками, разместились группами, опираясь на свои ружья или отдыхая на стульях. Тяжелое молчание царило повсюду, его нарушали лишь рыдания и вздохи. Некоторое время я стояла у дверей. Подобное зрелище гармонировало с моим душевным настроением. В горе контрасты ужасны: они растравляют нашу скорбь, делают ее более острой. Его горечь смягчается лишь тогда, когда встречаешь что-либо похожее на муку, которую сам испытываешь. Минуту спустя обе половинки двери открылись: появились все придворные чины в самом глубоком трауре, медленно проходили через залу и приблизились к телу почившей императрицы, которая положена была в спальне. Раздавшееся погребальное пение вывело меня из задумчивого состояния, в которое я была погружена при этом зрелище смерти. Увидала я духовенство, светильники, хор и императорскую фамилию, сопровождавшую тело государыни: его несли на великолепных носилках, прикрытых императорской мантией, концы которой поддерживали первые чины двора. Едва увидала я свою царицу, как сильная дрожь овладела мной, выступили на глазах слезы, и рыдания мои перешли в невольные крики. Императорская фамилия стала впереди меня, и в это время, несмотря на торжественность минуты, г. Аракчеев, приближенное лицо, взятое императором из ничтожества и сделавшееся выразителем его мелочной строгости, сильно толкнул меня, сказав, чтоб я замолчала. Горе мое было слишком велико, чтобы какое-либо постороннее чувство могло овладеть мною: этот поступок, по меньшей мере невежливый, не сделал на меня никакого впечатления. Господь в своем милосердии ниспослал мне минуту кротости, глаза мои встретились с глазами великой княгини Елисаветы: в их выражении нашла я утешение для своей души. Ее высочество тихо подошла ко мне, за спиной протянула мне руку и пожала мою. Началась служба. Молитвы укрепили во мне твердость духа, смягчив мое сердце. По окончании церемонии вся императорская фамилия подходила поочередно к усопшей, делала земной поклон и целовала ее руку. Затем все удалились. Священник стал против трона для чтения Евангелия. Шесть кавалергардов были поставлены вокруг. Я вернулась домой, проведя двадцать четыре часа на дежурстве, утомленная телом и духом.

Нескольких дней достаточно было дать почувствовать всю глубину совершившейся перемены: справедливая свобода каждого была скована террором. Более строгий этикет и лицемерные знаки уважения не дозволяли даже вздохнуть свободно: при встрече с императором на улице (что случалось ежедневно) надо было не только останавливаться, но и выходить из кареты в какую бы то ни было погоду; на все, не исключая даже и шляп, наложен был род регламентации. Из 4 гвардейских полков, не имевших со времени Петра другого полковника, кроме своего государя, два пехотных полка были поручены великим князьям Александру и Константину, которые были именованы их полковниками; конногвардейцы считались полком великого князя Николая, находившегося еще в колыбели; император сохранил за собою один только Преображенский полк, которого он был шефом. С этой минуты великие князья должны были исполнять обязанность капралов. Надо было реорганизовать полки по образцу гатчинских батальонов, которые вошли в их состав, и труд этот был не маловажный. По обыкновению, молодые люди аристократических семейств начинали свою карьеру в гвардии, потому что служба эта была номинальной; они даже редко носили военный мундир, а между тем подвигались в чинах, предаваясь развлечениям петербургской жизни. Но с восшествием на престол Павла служба эта сделалась действительной и даже очень строгой: дело оканчивалось ссылкой

или крепостью, если не умели носить эспантона, не были по форме одеты и причесаны. Можно представить себе, как много надо было приложить труда, чтобы переформировать по-новому целый полк! С этой утомительной обязанностью князь Александр соединял еще должность военного губернатора Петербурга, так что в первое время у него едва было несколько часов для отдыха, и то ночью, потому что, кроме того, в течение дня часто приходилось уделять время на представительство. Император послал фельдмаршалу Суворову приказ обмундировать всю армию по-новому; Суворов повиновался, доложив тем не менее, что букли не пушки, а коса не тесак. В этом смешении строгостей, мелочей и требований у императора встречались высокие и рыцарские понятия. В Павле были два совершенно различные существа. Голова его представляла лабиринт, в котором рассудок запутывался. Душа его была прекрасна и исполнена добродетелей, и, когда они брали верх, дела его были достойны почтения и восхищения. Надо отдать ему справедливость: Павел был единственный государь, искренно желавший восстановить престолы, потрясенные революцией; он один также полагал, что законность должна быть основанием порядка.

Неделю спустя после только что упомянутого дежурства у гроба в тронной зале, я была снова назначена на дежурство в большой зале, в которой обыкновенно даются балы. Посреди ее воздвигнут был катафалк. Он имел форму ротонды с приподнятым куполом. Императрица лежала в открытом гробе с золотой короной на голове. Императорская мантия покрывала ее до шеи. Вокруг горело шесть больших паникадил; у гроба священник читал Евангелие. За колоннами, на ступенях, стояли кавалергарды, печально опершись на свое оружие. Зрелище было прекрасно, религиозно, внушительно. Но гроб с останками Петра III, поставленный рядом, возмущал душу. Это оскорбление, которое даже и могила не могла устранить, это святотатство сына относительно матери делало горе раздирающим. К счастью для меня, я дежурила с госпожой Толстой, сердца наши были настроены на один лад, и мы пили до дна из одной и той же чаши горести. Другие дамы, бывшие на дежурстве с нами, сменялись каждые два часа, а мы просили позволения не отлучаться от тела, и это было нам разрешено без затруднений. Темнота еще более усиливала впечатление, производимое этим зрелищем, смысл которого проявлялся во всей своей очевидности. Крышка от гроба императрицы лежала на столе у стены, параллельно катафалку. Графиня Толстая так же, как и я, была в самом глубоком трауре. Наши креповые вуали ниспадали до земли. Мы облокотились на крышку этого последнего жилища, к которой я невольно прижималась: я ощущала желание смерти, как будто бы это была потребность любви. Божественные слова Евангелия проникали мне в душу. Все вокруг меня казалось ничтожеством. В душе моей был Бог, а перед глазами – смерть. Долгое время я оставалась почти в бессознательном состоянии, закрыв лицо руками. Подняв голову, я увидела графиню Толстую, ярко освещенную луной через окна второго этажа. Этот свет, тихий и спокойный, составлял дивный контраст с источником света, сосредоточенным среди печальной обстановки, составлявшей как бы подобие храма. Вся остальная часть этой роскошной галереи была в тени и впотьмах. В восемь или в девять часов вечера императорское семейство приблизилось к гробу медленными шагами, поклонилось в землю перед гробом усопшей и удалилось в том же порядке и в самом глубоком молчании. Час или два спустя пришли горничные покойной императрицы. Они целовали ее руку и едва могли от нее оторваться. Крики, рыдания, обмороки прерывали временами торжественное спокойствие, царствовавшее в зале: все приближенные к императрице лица боготворили ее. Трогательные молитвы признательности возносились за нее к небесам. Когда стало рассветать, я была тем опечалена. С горестью видела я приближение конца моего дежурства. С трудом отрываемся мы от останков тех, кто был для нас дорог.

Тело императрицы и гроб Петра III были перенесены в крепость. После заупокойной обедни они были погребены в усыпальнице своих предков.

Тотчас по окончании погребального обряда все придворные чины получили приказание явиться ко двору. Все собрались в траурной зале кавалергардов. Трепетавшие мужчины и дамы (*trembleurs et trembleuses*) решили, что следует целовать руку императора, склоняясь до земли; это показалось мне весьма странным. Когда император и императрица вошли, начались такие приседания, что император не успевал поднимать этот новый род карточных капуцинов. Я была этим возмущена и, когда пришла моя очередь, поклонилась, как кланялась обыкновенно, и только сделала вид, будто взяла руку его величества, которую он поспешно отдернул. В быстроте этого движения поцелуй его на моей щеке прозвучал так громко, что император рассмеялся; он меня сильно поколол бородой, которой, вероятно, не брил в тот день. Я была слишком огорчена и не заметила смешной стороны этой сцены. Пожилые дамы побранили меня, зачем я не подражала их низкопоклонству. Я сказала им: «Никто не уважал Екатерины II так глубоко, как я: если я даже перед ней не раболепствовала, то не могла и не должна была этого делать перед ее сыном». Не знаю, почувствовали ли они, насколько слова мои были справедливы, но дело в том, что вскоре затем приседания до земли были отменены.

Михайловский замок, 1797 год Михаил Фонвизин, Александр Рибопьер, Астольф де Кюстин

Главный дар императора Павла городу – конечно же, Михайловский (*иначе Инженерный, по размещавшемуся в его стенах с 1823 года Инженерному училищу*) *замок. С его строительством связана история, которая обнажает всю противоречивость отношений Павла с матерью, Екатериной Великой. Павел приказал использовать для замка мрамор от недостроенного Исаакиевского собора. При этом сам собор также достраивали, весьма своеобразно – на мраморный фундамент, оставшийся с екатерининских времен, клали кирпичные верхние части. В таком виде собор простоял почти двадцать лет; в те годы в обществе ходила анонимная эпиграмма:*

Се памятник двух царств, обоим им приличный:
Низ мраморный, а верх кирпичный.

Что касается Михайловского замка, Павел не желал жить в Зимнем дворце, где все напоминало ему о матери, и потому поручил архитектору В. И. Баженову разработать проект новой императорской резиденции. Вдобавок российский император принял титул великого магистра Мальтийского ордена, а ордену требовалась подобающая резиденция. Поэтому строительство велось спешными темпами, освящение замка состоялось в ноябре 1800 года. (*Любопытно, что цветом стен замок обязан, по городской легенде, оттенку лайковых перчаток фаворитки императора – княгини А. П. Гагариной.*)

О жизни императора в Михайловском замке и гибели Павла оставил воспоминания генерал-майор М. А. Фонвизин, будущий декабрист.

Однажды Пален решился высказать великому князю все и своей неумолимой логикой доказал ему необходимость для блага России и для безопасности императорского семейства отстранить от престола безумного императора и заставить его самого подписать торжественное отреченье. Чтобы еще более убедить великого князя, Пален представил ему несомненные доказательства, что отец его подозревает и супругу свою, и обоих сыновей в замыслах против его особы, и даже показал ему именное повеление Павла в случае угрожающей ему опасности заключить императрицу и обоих великих князей в Петропавловскую крепость. Все это поколебало наконец сыновнее чувство и совесть великого князя, и он, обливаясь слезами, дал Палену согласие, но требовал от него торжественную клятву, что жизнь Павла будет для всех священна и неприкосновенна. По неопытности великий князь почитал возможным сохранить отцу жизнь, отняв у него корону! Согласие великого князя Александра Павловича развязало Палену руки и главным заговорщикам. Все было устроено к решительному действию: большая часть гвардейских офицеров были на их стороне, сами солдаты, особенно Семеновского полка, Преображенского 3-го и 4-го батальонов, которыми командовали полковник Запольский и генерал-майор князь Вяземский, волновались и, недовольные настоящим положением и тягостною службою, желали перемены и готовы были следовать за любимыми начальниками, куда бы их ни повели.

Между тем император, как бы предчувствуя скорое падение или, может быть, предуведомленный кем-нибудь из немногих искренно преданных ему людей о всеобщем неудовольствии против него и о действиях его тайных врагов, становился день ото дня мрачнее и подо-

зрительнее. Волнуемый страхом и гневом, он встретил графа Палена, который явился к нему с обыкновенным утренним рапортом, грозным вопросом:

– Вы были в Петербурге в 1762 году? (год воцарения Екатерины вследствие дворцового переворота, стоившего жизни Петру III...)

– Да, государь, был, – хладнокровно отвечает Пален.

– Что вы тогда делали и какое участие имели в том, что происходило в то время? – спросил опять император.

– Как субалтерн-офицер я на коне в рядах полка, в котором служил, был только свидетелем, а не действовал, – отвечал Пален.

Император взглянул на него грозно и недоверчиво продолжал:

– И теперь замышляют то же самое, что было в 1762 году.

– Знаю, государь, – возразил Пален, нисколько не смутившись, – я сам в числе заговорщиков!

– Как, и ты в заговоре против меня?!

– Да, чтобы следить за всем и, зная все, иметь возможность предупредить замыслы ваших врагов и охранять вас.

Такое присутствие духа и спокойный вид Палена совершенно успокоили Павла, и он более, нежели когда-либо, вверился врагу своему. Это происходило за неделю или за две до рокового дня и ускорило катастрофу.

Император жил тогда в Михайловском замке. Не доверяя любви своих подданных, он выстроил его как крепость, с бруствером и водяным рвом, одетым гранитом, с четырьмя подъемными мостами, которые по пробитии вечерней зари поднимались. В этом убежище царь считал себя безопасным от нападения в случае народного мятежа и восстания. Караул в замке содержали поочередно гвардейские полки. Внизу на главной гауптвахте находилась рота со знаменем, капитаном и двумя офицерами. В бельэтаже расположен был внутренний караул, который наряжался только от одного лейб-батальона Преображенского полка. Павел особенно любил этот батальон, доверял ему, разместил его в здании Зимнего дворца, смежном с Эрмитажем, отличил и офицеров, и солдат богатым мундиром: первых с золотыми вышивками вокруг петлиц, а рядовых – петлицами, обложенными галуном по всей груди. Этот батальон он хотел отделить от полка и переименовать «лейб-компанией» – исключительной стражей, охраняющей его особу.

В замке гарнизонная служба отправлялась, как в осажденной крепости, со всею военною точностью. После пробития вечерней зари весьма немногие доверенные особы, известные швейцару и дворцовым сторожам, допускались в замок по малому подъемному мостику, который и опускался только для них. В числе этих немногих был адъютант лейб-батальона Преображенского полка Аргамаков, исправлявший должность плац-адъютанта замка. Он был обязан доносить лично императору о всяком чрезвычайном происшествии в городе, как то о пожаре и т. д. Павел доверял Аргамакову, и даже ночью он мог входить в царскую спальню. Мостик (этого мостика я уже не видел: он был снят скоро после воцарения Александра) для пешеходов всегда опускался по его требованию. Через это Аргамаков сделался самым важным пособником заговора.

Одиннадцатое число марта было последним роковым днем несчастного Павла I-го.

В этот день граф Пален пригласил всех заговорщиков к себе на вечер. По призыву его собрались все главные его сообщники: Зубовы, Бенигсен, многие гвардейские и армейские генералы и офицеры в полном мундире, в шарфах и орденах. Гостям разносили шампанское, пунш и другие вина. Все опоражнивали бокал за бокалом, кроме хозяина дома и Бенигсена. Пален, Зубовы (в этом собрании не было графа Панина и Валерьяна Зубова), Бенигсен обращались к патриотизму присутствующих, говорили о настоящем бедственном положении России, что самовластие императора губит ее и что есть средство предотвратить еще большие несча-

стия – это принудить Павла отречься от трона; что сам наследник престола признает необходимой эту решительную меру. Не было речи о будущей участи императора. Заговорщикам, кроме весьма немногих, и в голову не приходило, чтобы жизни его угрожала какая-либо опасность. Восторженные подобными речами, а еще более питым вином и пуншем, заговорщики требуют, чтобы их тотчас вели на славный подвиг спасения отечества.

Пален и генерал Талызин, предвидя это, распорядились заблаговременно, чтобы к полуночи генерал Депрерадович с 1-м Семеновским батальоном, а полковник Запольский и генерал князь Вяземский с 3-м и 4-м батальонами Преображенского выступили на назначенное сборное место у верхнего сада подле Михайловского замка.

Получив донесение, что движение войск началось, заговорщики разделились на два отряда: один под предводительством Бенигсена и Зубовых, другой под начальством Палена. Впереди первого отряда шел адъютант Аргамаков, который должен был открыть заговорщикам вход в замок по известному подъемному мостику, который сторож во всякое время для него опускал. Пален с сопровождавшим его меньшим числом сообщников отстал от первого отряда, который встретил гвардейские три батальона уже на сборном месте. Зубов с своими сообщниками подошли к замку. Аргамаков впереди беспрепятственно провел их по мостику. Генерал Талызин двинул батальоны чрез верхний сад и окружил ими замок. (В верхнем саду на ночь слеталось бесчисленное множество ворон и галок; птицы, испуганные движением войска, поднялись огромною тучею с карканием и шумом и перепугали начальников и солдат, принявших это за несчастливое предзнаменование.)

Зубов и Бенигсен с своими сообщниками бросились прямо к царским покоям. За одну комнату до Павловой спальни стоявшие на часах два камер-гусара не хотели их впустить, но несколько офицеров бросились на них, обезоружили, зажали им рты и увлекли вон. Зубовы с Бенигсеном и несколькими офицерами вошли в спальню. Павел, встревоженный шумом, вскочил с постели, схватил шпагу и спрятался за ширмами. (В рассказе об умерщвлении Павла в «Истории консульства и империи» Тьера действия и слова Платона Зубова приписаны Бенигсену, который будто бы один остался с императором, потому что прочими заговорщиками овладел панический страх и они хотели бежать, но Бенигсен остановил их.)

Князь Платон Зубов, не видя Павла на постели, испугался и сказал по-французски: «L'oiseau s'est envole» («Птичка улетела» – *фр.*), но Бенигсен, хладнокровно осмотрев горницу, нашел Павла, спрятавшегося за ширмами со шпагою в руке, и вывел его из засады. Князь Платон Зубов, упрекая царю его тиранство, объявил ему, что он уже не император, и требовал от него добровольного отречения от престола. Несколько угроз, вырвавшихся у несчастного Павла, вызвали Николая Зубова, который был силы атлетической. Он держал в руке золотую табакерку и с размаху ударил ею Павла в висок, – это было сигналом, по которому князь Яшвиль, Татаринов, Горданов и Скарятин яростно бросились на него, вырвали из его рук шпагу: началась с ним отчаянная борьба. Павел был крепок и силен: его повалили на пол, топтали ногами, шпажным эфесом проломили ему голову и наконец задавили шарфом Скарятина. В начале этой гнусной, отвратительной сцены Бенигсен вышел в предспальную комнату, на стенах которой развешаны были картины, и со свечкою в руке преспокойно рассматривал их.

Удивительное хладнокровие! Не скажу – зверское жестокосердие, потому что генерал Бенигсен во всю свою службу был известен как человек самый добродушный и кроткий. Когда он командовал армией, то всякий раз, когда ему подносили подписывать смертный приговор какому-нибудь мародеру, пойманному на грабеже, он исполнял это как тяжкий долг, с горем, с отвращением и делая себе насилие. Кто изъяснит такие несообразные странности и противоречия человеческого сердца! – Пален пришел на место действия, когда уже все было кончено. Или он гнушался преступлением и даже не хотел быть свидетелем его, или, как иные думали, он действовал двулично: если бы заговор не увенчался успехом, он явился бы к императору на помощь, как верный его слуга и спаситель.

Но что делала тогда дворцовая стража? Караульные на нижней гауптвахте и часовые Семеновского полка во все это время оставались в бездействии, как бы ничего не видя и не слыша. Ни один человек не тронулся на защиту погибавшего царя, хотя все догадывались, что для него настал последний час. Караульный капитан был из «гатчинских», и из самых плохих, не вспомню теперь его имени. Один из офицеров, ему подчиненных, прапорщик Полторацкий, был в числе заговорщиков и, предуведомленный о том, что будет происходить в замке, вместе с товарищем своим арестовал своего начальника и принял начальство над караулом. Во внутреннем карауле Преображенского лейб-батальона стоял тогда поручик Марин. Услышав, что в замке происходит что-то необыкновенное, старые гренадеры, подозревая, что царю угрожает опасность, громко выражали свое подозрение и волновались. Одна минута – и Павел мог быть спасен ими. Но Марин не потерял присутствия духа, громко скомандовал: «Смирно!» От ночи и во все время, как заговорщики управлялись с Павлом, продержал своих гренадер под ружьем неподвижными, и ни один не смел пошевелиться. Таково было действие прусской дисциплины на тогдашних солдат: во фронте они становились машинами.

Великий князь Александр Павлович жил тогда в Михайловском замке с великой княгиней. Он в эту ночь не ложился спать и не раздевался; при нем находились генерал Уваров и адъютант его князь Волконский. Когда все кончилось и он узнал страшную истину, скорбь его была невыразима и доходила до отчаяния. Воспоминание об этой страшной ночи преследовало его всю жизнь и отравляло его тайной грустью. Он был добр и чувствителен, властолюбие не могло заглушить в его сердце жгучих упреков совести даже и в самое счастливое и славное время его царствования, после Отечественной войны. Александр всею ненавистью возненавидел графа Палена, который воспользовался его неопытностью и уверил его в возможности низвести отца его с трона, не отняв у него жизни.

Великий князь Константин Павлович не знал о заговоре и мог оплакивать несчастного отца с покойной, безупречной совестью.

Императрица Мария Феодоровна поражена была бедственной кончиной супруга, оплакивала его, но и в ее сердце зашевелилось желание царствовать. Она вспомнила, что Екатерина царствовала без права, и, может быть, рассчитывала на нежную привязанность сына и надеялась, что он уступит ей трон. Приближенные к ней рассказывали, что, несмотря на непритворную печаль, у ней вырывались слова: «Ich will regieren!» («Я хочу править» – *нем.*).

Новый император со всем двором на рассвете переехал из Михайловского замка в Зимний дворец. Все гвардейские и армейские полки тотчас присягнули ему. Статс-секретарь Трощинский написал манифест о восшествии на престол Александра I. Этот акт возбудил восторг в дворянстве обещанием нового самодержца – царствовать по духу и сердцу Великой Бабки своей.

Михайловский замок представлял грустное и отвратительное зрелище: труп Павла, избитого, окровавленного, с проломленной головой, одели в мундир, какою-то мастикой замазали израненное лицо и, чтобы скрыть глубокую головную рану, надели на него шляпу и, не бальзамируя его, как это всегда водится с особами императорской фамилии, положили на великолепное ложе.

Рано стали съезжаться в замок придворные, архиереи и проч. Приехал и убитый горестью Александр к панихиде. Посреди множества собравшихся царедворцев нагло расхаживали заговорщики и убийцы Павла. Они, не спавшие ночь, полупьяные, растрепанные, как бы гордясь преступлением своим, мечтали, что будут царствовать с Александром. Порядочные люди в России, не одобряя средства, которым они избавились тирании Павла, радовались его падению. Историограф Карамзин говорит, что весть об этом событии была в целом государстве вестью искупления: в домах, на улицах люди плакали, обнимали друг друга, как в день Светлого Воскресенья.

Этот восторг изъявило, однако, одно дворянство, прочие сословия приняли эту весть довольно равнодушно.

Граф А. И. Рибопьер, государственный деятель и дипломат, пересказывал в своих мемуарах связанные со строительством замка легенды.

Перед отъездом своим на коронацию Павел I приказал сломать старый деревянный летний дворец и на месте его строить новый, который он назвал Михайловским. Постройка эта поручена была архитектору Бренне, под главным начальством графа Тизенгаузена, только что назначенного обер-гофмейстером. Окруженный каналами, над которыми устроены были подъемные мосты, дворец этот стал походить на замок. Толщина стен напоминала крепость. Император всячески торопил строителей. Несмотря на сырость, от которой жить в новом дворце было крайне вредно для здоровья, он поспешно туда переехал со всем своим семейством и, объявив новый дворец загородным, учредил почту на немецкий образец, которая два раза в день, при звуке трубы, привозила письма и рапорты. В новом помещении государь дал большой праздник, который не удался по причине крайней сырости. Зажгли великое множество свечей, но тем не менее было темно, так как в комнатах образовался густой туман. Когда дворец был окончательно готов, надо было выбрать цвет для внешних стен. Не решаясь на выбор, государь попросил совета у княгини Гагариной, которая тоже не знала, какой цвет назначить. Тогда Павел взял одну из ее перчаток и сейчас же отправил ее к архитектору Бренне с приказом немедля окрасить дворец под цвет перчатки. Цвет этот был ярко-розовый, и на стенах дворца он принял кровяной оттенок. Странный во всем император любил изъясняться загадочно. Слово, поразившее его в какой-нибудь фразе, побуждало его часто повторять всю фразу. Так на фронтоне Михайловского замка он велел начертать мистическую фразу: «Дому твоему подобает святыня Господня в долготу дней».

О том, какое впечатление произвел на него замок, вспоминал в записках о своем визите в Россию маркиз де Кюстин.

Едва я прошел мимо нового Михайловского дворца, как очутился перед старым, огромным, мрачным четырехугольным зданием, во всех отношениях отличным от изящного и современного нового дворца, носящего то же имя.

Если в России молчат люди, то за них говорят – и говорят зловеще – камни. Я не удивляюсь, что русские боятся и предают забвению свои старые здания. Это – свидетели их истории, которую они чаще всего хотели бы возможно скорее забыть. Когда я увидел глубокие каналы, массивные мосты, пустынные галереи этого мрачного дворца, я невольно вспомнил о том имени, которое с ним связано, и о той катастрофе, которая возвела Александра на трон. Передо мной воскресла вся обстановка этой потрясающей сцены, которой закончилось царствование Павла I. Но это еще не все. Точно по какой-то жестокой, кровавой иронии перед главным входом зловещего дворца незадолго до смерти того, кто в нем обитал, была воздвигнута по его приказу конная статуя его отцу, Петру III, другой жертве, скорбную память которой Павел хотел почтить, чтобы тем самым унизить восторженную память о его матери. Какие трагедии разыгрываются в этой стране, где честолюбие и даже самая ненависть кажутся внешне такими холодными и уравновешенными. Страстность южных народов хоть несколько примиряет с их жестокостью, но расчетливая сдержанность и хладнокровие людей севера придают их преступлениям еще и оттенок лицемерия. Человек кажется незлобивым, потому что он не обуреваем страстью. Но расчетливое убийство без ненависти возбуждает еще большее отвращение, чем смертный удар, нанесенный в порыве гнева. Разве закон кровавой мести не естественнее корыстного предательства? К сожалению, и при убийстве Павла I заговорщиками

руководил не гнев, не страстная ненависть, а холодный расчет. Добрые русские утверждают, что заговорщики имели в виду лишь заключить Павла в крепость. Но я видел потайную дверь, которая по потайной же лестнице вела в комнату императора. Эта дверь выходит в часть сада, примыкающую к каналу. По этой дороге ввел Паленво дворец убийц. Накануне рокового дня он сказал им: «Завтра либо в пять часов утра вы убьете императора, либо в половине шестого вы будете мною выданы ему как заговорщики».

На следующий день в пять часов Александр стал императором и вместе с тем отцеубийцею, хотя (и этому я готов верить) он дал заговорщикам согласие лишь на заключение своего отца в крепость, чтобы таким путем спасти свою мать от заточения или даже смерти и самого себя от той же участи, а вместе с тем и спасти всю страну от ярости и злодеяний безумного деспота.

Теперь русские люди проходят мимо старого Михайловского дворца, не смея на него взглянуть. В школах и вообще повсюду запрещено рассказывать о смерти Павла I, и самое событие это никогда никем не упоминается.

Я удивляюсь лишь тому, что до сих пор не снесли этого дворца с его мрачными воспоминаниями. Но для туриста большая удача видеть историческое здание, которое своей старинной внешностью так резко выделяется на общем фоне города, в котором деспотизм все подстриг под одну гребенку, все уравнял и создал заново, стирая каждый день самые следы прошлого. Впрочем, эта беспокойная стремительность, пожалуй, и является причиной того, что старый Михайловский замок уцелел: о нем просто забыли. Его огромный четырехугольный массив, глубокие каналы, его трагические воспоминания, потайные лестницы и двери, которые так способствовали преступлению, его необычайная высота в городе, где все строения придавлены, – все это придает старинному дворцу какое-то особенное величие, которое редко встречается в Петербурге.

Невский проспект, 1799 год
Жан Франсуа Жоржель

Самая знаменитая улица города, Невский проспект, поначалу представляла собой просеку, по которой возили стройматериалы к Адмиралтейской верфи, и называлась Большой Першпективной дорогой или Невской першпективой. Свое имя «першпектива» получила по названию Александро-Невского монастыря. При императрице Анне Иоанновне будущий Невский проспект стал главным парадным въездом в Петербург – по нему императрица въехала в город после путешествия из Москвы. Ф.-В. Берхгольц писал, что в 1721 году першпектива представляла собой «длинную и широкую аллею, вымощенную камнем, и по справедливости названную проспектом, потому что конца ее почти не видно... Несмотря на то что деревья, посаженные по обеим ее сторонам в три или четыре ряда, еще невелики, она необыкновенно красива по своему огромному протяжению и чистоте, в которой ее содержат... и она делает чудесный вид, какого я нигде не встречал, на Адмиралтейство, красивое и огромное здание, находящееся в конце этой дороги».

Застройка Невского проспекта в XVIII веке велась преимущественно между реками Мойкой и Фонтанкой. Проспектом Невский нарекли в 1783 году.

Аббат Жоржель – секретарь посольства Мальтийского ордена к императору Павлу.

Улица, называемая Невским проспектом, идет от Адмиралтейства, она так широка, что 12 карет в ряд могут проехать по ней. Во время моего пребывания в Санкт-Петербурге Павел I велел разбить на этом великолепном проспекте во время сильнейших морозов две аллеи для пешеходов, причем каждая состояла из двух рядов деревьев; эти аллеи тянутся на пол-лье от Мойки до Фонтанки; каждая из этих аллей имеет 8 футов в ширину и окружена оградой, раскрашенной в разные цвета; пространство между аллеями образует улицу; по ней могут проехать 6 карет в ряд. Деревья, посаженные со всеми своими ветвями, имеют от 15 до 20 футов в вышину, они вырваны и пересажены с корнями и землей в смерзшийся снег. Для них вырыты ямы в 4–5 футов глубиной, причем обледенелую землю разбивали ударами заступа... Понадобилась власть императора, чтобы приказать, осуществить и довести до конца подобные работы; на них были ежедневно заняты 10 000 человек. На наследника, великого князя Александра, была возложена обязанность наблюдать за работами и довести их до конца к назначенному императором сроку – в продолжение одного месяца. Я был свидетелем этого чуда власти и видел, как его величество прогуливался верхом во главе многочисленной свиты посреди большой улицы, окаймленной аллеями, наслаждаясь сознанием того, что его приказания исполнены.

Смерть Суворова и памятник великому полководцу, 1800–1801 годы Николай Греч, Генрих фон Реймерс

Век XVIII отмечен «славными победами русского оружия», и не в последнюю очередь эти победы связаны с именем великого полководца А. В. Суворова. Впрочем, в современном событиям российском обществе отношение к Суворову было неоднозначным, о чем свидетельствуют, в частности, воспоминания журналиста и литератора Н. И. Греча.

Важной для меня эпохой был 1799 год – кампания Суворова в Италии. Дóлжно знать, что Суворов пользовался до того времени славой искусного и храброго генерала, но большая часть утверждала, что он может бить турок и поляков, а с французами не сладит. Матушка ненавидела его за варварства в Измаиле и Праге и выставляла перед ним своего героя Румянцева.

Другой порицатель его был человек умный, благородный, образованный, но большой чудак, некто Алерт, бывший некогда купцом, но оставивший торговлю по каким-то причудам. Он купил себе польское дворянство и был прозван Алерт-де-Венгоржевский. *Ant* (угорь) по-польски называется *wengorz* (венгорж). Находя, что женщины образованных сословий слишком ветрены и причудливы, он вздумал сочетаться браком с дочерью природы и женился на какой-то глупой эстляндской девчонке, которая преогорчила его жизнь... При всех этих причудах был он, как я уже сказал, человек хороший, умный и просвещенный.

Родители мои любили и уважали его. Алерт, как и все порядочные люди, порицал и ненавидел правление Павла и в досаде своей нередко переходил за границы. Таким образом предсказывал он неминуемую беду нашей армии в борьбе с французами, перед которыми падали воинства и царства. Во мне с самых детских лет был врожденный патриотизм и оптимизм: я досадовал и горевал в душе, слыша такие толки и предсказания. Вообразите после этого восторг мой, когда раздался гром побед Суворова в Италии! Я с жадностью читал реляции и газеты и торжествовал при Кассано, Требии и Нови. Критики и порицатели умолкали и только говорили: счастье его, что молодой генерал – как бишь его? – да, Бонапарте – в Египте, а то бы досталось Суворову. Да лих не досталось, думал я: а хотя б и этот разбойник вступил с ним в бой, наш Суворов победил бы его непременно.

В 1800 году император вызвал Суворова в Петербург, где полководец и скончался от сильнейшей простуды (видимо, воспаления легких), которую подхватил во время легендарного перехода через Альпы.

О том, как город прощался с Суворовым, читаем в воспоминаниях Н. И. Греча.

Наступила осень, и с нею стали приходить тяжелые, грустные известия о жалком и бедственном окончании войны, начатой так блистательно. С досады я перестал читать газеты и не знал, что делается в свете. Весной 1800 года прибыл в Петербург Суворов – больной, умирающий. Он остановился в доме племянника своего, т. е. женатого на его племяннице, княжне Горчаковой, графа Хвостова, на Крюковом канале, напротив Никольской колокольни. 6 мая он скончался.

Не помню с кем, помнится, с батюшкой, поехал я в карете, чтоб проститься с покойником, но мы не могли добраться до его дома. Все улицы были загромождены экипажами и народом. Не правительство, а Россия оплакивала Суворова. Известно, что подлецы и завистники обнесли его у Павла. Приехав в Петербург, он хотел видеть государя, но не имел сил ехать во дворец и просил, чтоб император удостоил его посещением. Раздраженный Павел послал вме-

сто себя – кого? – гнусного турка Кутайсова. Суворов сильно этим обиделся. Доложили, что приехал кто-то от государя. «Просите», – сказал Суворов, не имевший силы встать, и принял его, лежа в постели. Кутайсов вошел в красном мальтийском мундире с голубой лентой через плечо.

– Кто вы, сударь? – спросил у него Суворов.

– Граф Кутайсов.

– Граф Кутайсов? Кутайсов? Не слыхал. Есть граф Панин, граф Воронцов, граф Строганов, а о графе Кутайсове я не слыхал. Да что вы такое по службе?

– Обер-шталмейстер.

– А прежде чем были?

– Обер-егермейстером.

– А прежде? Кутайсов запнулся.

– Да говорите же!

– Камердинером.

– То есть вы чесали и брили своего господина.

– То... Точно так-с.

– Прошка! – закричал Суворов знаменитому своему камердинеру Прокофию, – ступай сюда, мерзавец! Вот посмотри на этого господина в красном кафтане с голубой лентой. Он был такой же холоп, фершел, как и ты, да он турка, так он не пьяница! Вот видишь, куда залетел! И к Суворову его посылают. А ты, скотина, вечно пьян, и толку из тебя не будет. Возьми с него пример, и ты будешь большим барином.

Кутайсов вышел от Суворова сам не свой и, воротясь, доложил императору, что князь в беспамятстве и без умолку бредит.

Я видел похороны Суворова из дома на Невском проспекте, принадлежавшего потом Д. Е. Бенардаки. Перед ним несли двадцать орденов: ныне, я думаю, их больше у доброго Ивана Матвеевича Толстого, бывшего в свите наследника Александра Николаевича на путешествии его в 1840 году, а тогда это было отличие неслыханное. За гробом шли три жалких гарнизонных батальона. Гвардии не нарядили, под предлогом усталости солдат после парада. Зато народ всех сословий наполнял все улицы, по которым везли его тело, и воздавал честь великому гению России. И в Павле доброе начало наконец взяло верх. Он выехал верхом на Невский проспект и остановился на углу Императорской библиотеки. Кортеж шел по Большой Садовой. По приближении гроба император снял шляпу, перекрестился и заплакал.

О раскаянии императора Павла упоминал и офицер русской армии, позднее мемуарист Я. М. Старков-Третьяков.

Генерал-майор Алексей Дмитриевич Зайцов, бывший бригад-майором и в 1800 году находившийся безотлучно при особе государя императора, рассказывал мне, что во время выноса тела покойного Александра Васильевича из дома графа Д. И. Хвостова в Александро-Невскую лавру государь изволил выехать на встречу гроба с тленными останками великого и остановился на Невском проспекте. За гробом шло множество вельмож и военных чинов, и было неисчислимое множество народа всякого звания. При проносе гроба государь изволил снять с головы своей шляпу и проговорил:

– Прощай! Прости!.. мир праху великого!

– Я не утерпел и никак не мог себя удержать, громко зарыдал, – говорил Алексей Дмитриевич.

Государь обернул голову, взглянул и изволил сказать:

– Г-н Зайцов! Вы плачете? Это похвально; это делает вам честь; вы любили его?

У его величества из глаз слезы падали каплями. Пропустив процессию, государь тихо возвратился во дворец и целый день был невесел, и всю ночь не почивал, требуя к себе часто своего камердинера, который сказывал, что государь часто повторял слово: «Жаль!»

На следующий год на Царицыном поле за Михайловским замком был установлен памятник Суворову работы М. И. Козловского. Царицын луг получил свое название в честь летнего дворцаимператрицы Елизаветы Петровны; там находился и театр, а позднее луг превратили в плац, где устраивали парады. В 1799 году на Царицыном лугу был установлен Румянцевский обелиск (*ныне – в сквере у Академии художеств*). *Что касается памятника Суворову, его начали ваять еще при жизни полководца; Павел хотел установить статую перед Михайловским замком. Но впоследствии император решил поставить перед замком памятник Петру Великому работы Ф. Б. Растрелли, а статую Суворова перенести на Царицын луг.*

Немецкий путешественник Г. фон Реймерс присутствовал при открытии памятника.

Прямо напротив обелиска (Румянцевского. – *Ред*.) у Лебяжьей канавки, отделяющей эту площадь от второго императорского летнего дворца, стоит памятник всемирно известному своей храбростью фельдмаршалу князю Италийскому, графу Суворову-Рымникскому. <...> В конце октября 1800 г. император Павел приказал заложить этот памятник герою <...> и лишь год спустя после его смерти, 5 мая 1801 года, памятник Суворову был установлен и открыт. <...> Пьедестал статуи, или, скорее, основание его, составляет примерно две сажени в поперечнике; он круглый. <...> На этом цилиндре и установлена бронзовая статуя Суворова. <...>

(На открытии памятника. – *Ред*.) появился и император Александр собственной персоной после большого парада с участием нескольких батальонов гвардии и прочих полков, расквартированных в Петербурге. Покрывало упало, и под троекратный салют из личного оружия глазам многочисленных зрителей предстал образ героя. Бронзовая статуя, превосходно отлитая в Академии художеств, изображает его (пешая фигура в натуральную величину) в костюме римского воина, в шлеме, в правой руке его – обнаженный меч, в левой – щит, которым герой защищает находящиеся на маленьком алтаре папскую тиару и неаполитанскую и сардинскую короны. <...> Для этой большой площади, если смотреть с некоторого отдаления, фигура, пожалуй, маловата, и пьедестал был бы уместен как украшение комнаты, и все-таки на фоне стены высоких лип памятник производит очень хорошее впечатление. <...>

Вопреки утверждению Реймерса, Суворов изображен в образе не просто воина, а бога войны Марса, и потому Царицын луг в 1805 году был официально переименован в Марсово поле. А в 1818 году по предложению К. И. Росси памятник перенесли на Суворовскую площадь, где он не так терялся, как на просторе Марсова поля.

Петербург, 1800 год
Фаддей Булгарин, Николай Греч

Первое столетие существования города завершалось, и до «блистательного Санкт-Петербурга», каким город предстанет в XIX столетии, было еще далеко, что подтверждают мемуары литератора Ф. В. Булгарина.

Со времени кончины императрицы Екатерины II Петербург совершенно изменился, и в наружном своем виде, и во внутреннем устройстве, и в правах и в обычаях. Только некоторые памятники зодчества припоминают прежнее – все прочее новое или возобновленное. Все великолепие города, за пятьдесят лет перед сим, сосредоточивалось на набережной Невы и в центре его, в окрестностях Зимнего дворца; но и в этой части города было весьма немного высоких домов. Почти все каменные дома были или двухэтажные, или одноэтажные с подземельем, т. е. жильем, углубленным в землю. Только на Невском проспекте, между Полицейским и Аничковым мостами, в двух Морских и двух Миллионных не было вовсе деревянных домов, а во всех прочих улицах деревянные дома перемешаны были с каменными, и вообще едва ли только не десятая часть домов были каменные. Но и прежние каменные дома в течение этого времени почти все или перестроены, или надстроены, так что их нельзя узнать. Многие прежние дома, почитавшиеся великолепными, вовсе сломаны, и на их месте воздвигнуты новые, огромные здания.

Теперь на Невском проспекте из старых домов остались в прежнем виде: дом Васильчикова, где Английский магазин (существующий на одном месте более полувека), дом Коссиковского, у Полицейского моста (бывший дом, тогда новый, князя Куракина), дом (*pallazo*) графов Строгановых, дома Католической церкви, господ Лубье и Меншиковых и Гостиный двор. Все прочие дома приняли другой вид или сломаны. На Итальянской улице, против Михайловской площади, с одной стороны (с правой), были частью каменные, а частью деревянные дома, а с другой стороны улицы, во всю ее длину, была каменная стена (забор), ограждавшая дворцовый огород, принадлежавший к Летнему саду. На Литейной, во Владимирской, в Конюшенных, Троицком переулке, в Моховой и в окружающих их улицах, равно как в Малой и Средней Мещанских, в Подьяческих, на Вознесенском проспекте, Екатерингофском проспекте и прилежавших к ним улицах, большая часть домов были деревянные.

Части города, называемые Московской, Рождественской, Коломною, были почти исключительно обстроены деревянными домами, и большая часть улиц в них не имела мостовой. Козье болото, в Коломне, было настоящее болото, непроходимое и смрадное, покрытое зеленой тиной. Таких болот было тогда много в местах, ныне превосходно застроенных, как, например, по Лиговке, в Грязной, на Новых местах и за Каретным рядом. Еще и до сих пор остались образцы прежних петербургских домов, а именно: на Невском проспекте, за Аничковым мостом, по правой стороне (считая от Невы). Васильевский остров только на набережной Невы и по Первой и Кадетской линиям походил на столичный город, но далее застроен был почти исключительно деревянными домами. Пески, Выборгская и Петербургская стороны, с лучшими улицами, походили на плохие уездные городишки, а Ямская была настоящая деревня.

Даже православных церквей было не много каменных, а великолепная одна только, именно Александро-Невская лавра. Казанский собор был деревянный, низкий, с высокой деревянной колокольней, и выкрашен желтой краской. Исаакиевский собор... представлял какую-то мрачную массу, без всякой архитектуры. Адмиралтейский шпиц существовал, но башня не была окружена колоннами и статуями, а здание Адмиралтейства было низко, не оштукатурено, и не вмещало в себе жилья, а служило единственно для склада кораблестроительных материалов. С трех сторон Адмиралтейство обнесено было тремя фасами (в прямых линиях) земля-

ного вала и водяным рвом. Где ныне находится Инженерный замок, там стоял деревянный летний дворец императрицы Елизаветы Петровны, и на месте его император Павел I воздвиг свое царское жилище, названное тогда Михайловским дворцом. Этот дворец как бы волшебством возник в год, с небольшим, времени. Он тогда окружен был валом, вооруженным пушками и водяным рвом, с подъемными мостами, и имел вид крепости.

Железных мостов вовсе не было; каменные мосты были только на Фонтанке и на Екатерининском канале, а на Мойке мосты Полицейский, Синий, Красный и Поцелуев были деревянные. Нынешний Александрийский театр, тогда называвшийся Малым, не имел никакой внешней архитектуры: это было низкое и безобразное здание, род сарая. Большой театр был без портика и гораздо ниже, и походил более на магазин, чем на храм искусства. Дворцовая площадь окружена была тогда частными домами, между которыми отличался дом Кушелева (на месте нынешнего Главного штаба его императорского величества), выстроенный полукругом, от углового дома бывшего Вольного Экономического общества до нынешней арки, тогда не существовавшей. Дом Кушелева для Петербурга был то же, что Пале-Рояль для Парижа, только в миниатюре. Тут были и лавки, и трактиры, и маскарадные залы, и театр, на котором играли немецкие актеры. Где теперь Ордонансгауз и промежуток у Певчего моста, тут были дома музыканта Булана и белорусского дворянина Древновского. Помню эти дома потому, что в них жили мои знакомые.

Тротуаров вовсе не было в городе. О нынешней чистоте не имели даже понятия. Многие улицы весной и осенью были почти вовсе непроходимы, на других все лето стояли лужи. В отдаленных частях города (ныне великолепных) на улицах паслись коровы и расхаживали свиньи. Ночью собаки целыми стаями бродили возле рынков, и лай их и вытье раздавались далеко. От оборванных мальчишек, игравших в бабки и в городки на улицах, не было прохода вне центра города, и от них надлежало откупаться, чтоб не быть забрызганным грязью.

На повороте с Невского проспекта во Владимирскую был так называемый Обжорный ряд (перенесенный после к Каменному мосту, в Апраксин переулок). Тут сидели рядами бабы с хлебом, пирогами, жареным и вареным мясом или рыбой – и весь рабочий народ толпился тут два раза в сутки. У Синего моста стояли толпы людей обоего пола и различного возраста, с дворецкими и приказчиками. Здесь нанимали работников, слуг, служанок и даже покупали в вечное и потомственное владение. Тогда это было позволено, что можно видеть из объявлений в единственной тогда газете, «С.-Петербургских ведомостях». Можно смело сказать, что только вокруг Зимнего дворца, на Невском проспекте до Аничкова моста, в двух Морских и в двух Миллионных была Европа; далее повсюду выглядывала Азия и старинная предпетровская Русь, со своей полудикостью и полуварварством.

Несмотря на все усилия власть предержащих, Петербург по-прежнему уступал Москве в утонченности, как ее тогда понимали. В воспоминаниях Н. И. Греча читаем:

Карамзин и слог его были тогда предметом удивления и подражания (большею частью неудачного) почти всех молодых писателей. Вдруг вышла книга Шишкова («О старом и новом слоге русского языка») и разделила армию русской словесности на два враждебные стана: один под знаменем Карамзина, другой под флагом Шишкова. Приверженцы первого громогласно защищали Карамзина и галлицизмами насмехались над славянщиною; последователи Шишкова предавали проклятию новый слог, грамматику и коротенькие фразы, и только в длинных периодах Ломоносова, в тяжелых оборотах Елагина искали спасения русскому слову. Первая партия называлась московской, последняя петербургской, но это не значило, чтоб только в Москве и в Петербурге были последователи той и другой. Вся молодежь, все дамы, в обеих столицах, ратовали за Карамзина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.